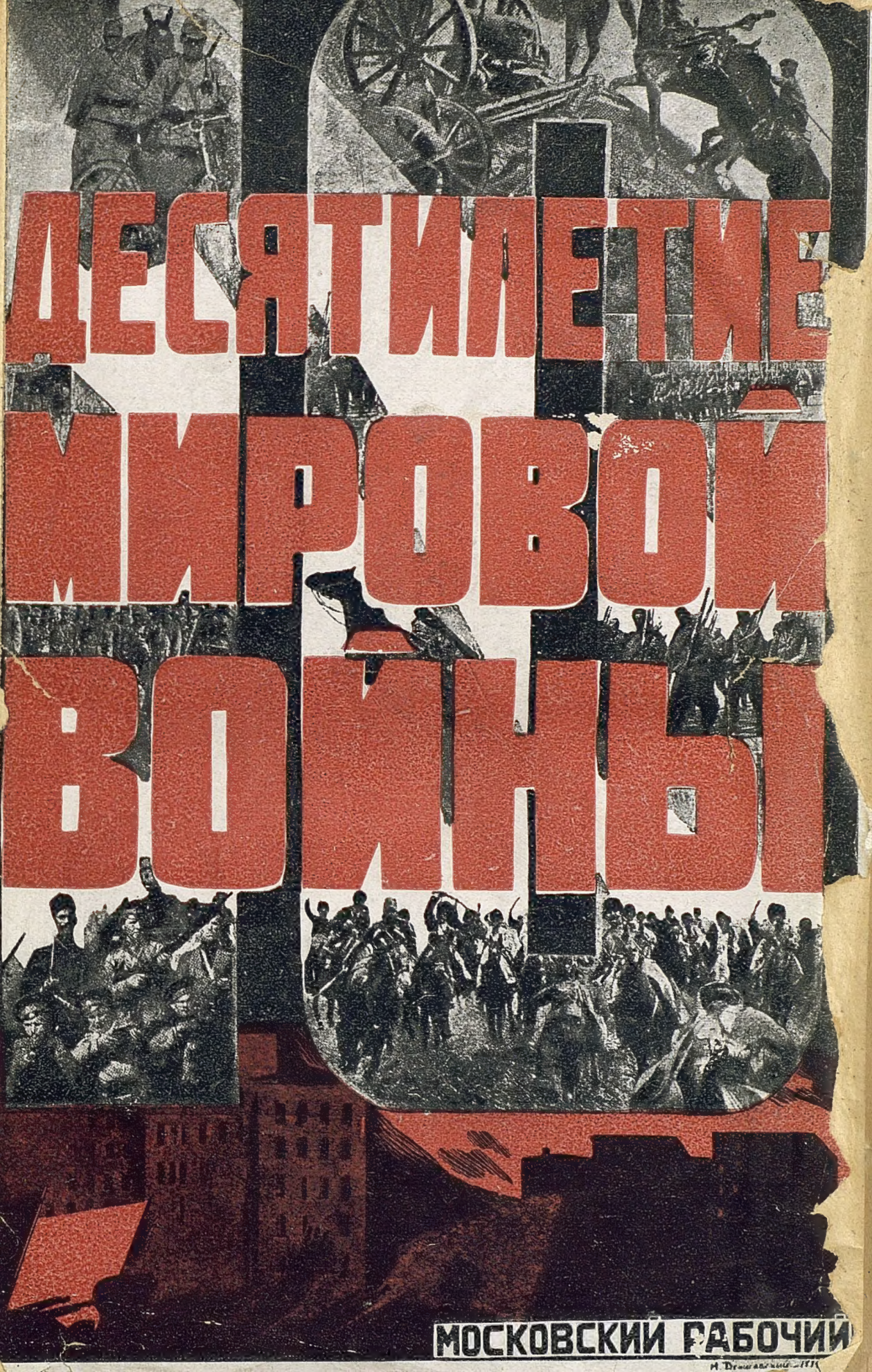
E57
1302


ДЕСЯТИЛЕТИЕ
МИРОВОЙ
ВОЙНЫ
МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

C-335 E57
1302

ДЕСЯТИЛЕТИЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

32
D. 37.

СБОРНИК-ХРЕСТОМАТИЯ

СОСТАВИЛ
З. СЕРЕБРЯНСКИЙ

«МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ»
1924

Напечатано в типографии
им. т. Воровского ОГПУ,
Бол. Лубянка, дом 18.
Главлит 17970. Тир. 5000.

Государств. публичная
историческая
библиотека РСФСР

1395239

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Настоящий сборник-хрестоматия носит на себе все следы спешной работы, связанной с желанием выпустить эту книгу к десятилетию мировой войны. Ни в каком случае эта хрестоматия не может претендовать на исчерпывающую полноту.

Для большей систематизации весь материал (отрывки из художественных произведений, выдержки из речей, статей и документов) разбит на главы. Разбивка эта, разумеется, только схематическая и не укладывается в очень строгие тематические или хронологические границы.

В качестве иллюстрации к лозунгу: «превращение империалистической войны в войну гражданскую» в четвертом отделе дано несколько отрывков, рисующих борьбу Красной Армии.

ДЕСЯТИЛЕТИЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Государств. публичная
историческая
библиотека России
1395239

ДЕСЯТИЛЕТИЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Европейская война означала, по выражению Ленина, «величайший исторический кризис, начало новой эпохи. Как всякий кризис, война обострила глубоко таившиеся противоречия и вывела их наружу, разорвав все лицемерные покровы, отбросив все условности, разрушив гнилые или успевшие подгнить авторитеты».

(См. «Против течения» ст. «Мертвый шовинизм и живой социализм», стр. 24).

И, прежде всего, одним из крупнейших фактов мировой войны 1914 года явился крах II-го Интернационала. Интернационал был оплеван, опозорен, ввергнут в грязь социал-патриотизма.

Трудящиеся одних стран были брошены против трудящихся других стран — одинаково обманутые, одураченные — не видящие, что эти «две армии, которые бьются, — это одна большая армия, которая убивает себя»...

Война 1914 г., показавшая передовому классу всех стран вопиющую измену социал-демократии—не могла оставить старым отношение пролетарских масс к оппортунизму. «Нельзя сделать небывшим того, что было — говорил Владимир Ильич (ст. «Крах II Интернационала»—там же),—нельзя вычеркнуть ни из сознания рабочих, ни из опыта буржуазии, ни из политических приобретений нашей эпохи вообще того факта, что оппортунисты в момент кризиса оказались ядром тех элементов внутри рабочих партий, которые перешли на сторону буржуазии».

Не вычеркнуть из сознания рабочих, что в то время, как Каутский, Гаазе, Гэд, Вандервельде и все другие вожди II Интернационала—парламентарии, журналисты и чиновники рабочего движения — предавали рабочий класс империалистам и поддерживали великую ложь оборончества,—группа подлинных интернационалистов, во главе с т. Лениным—ни на вершок не сдала позиций международной пролетарской солидарности, ни на секунду не потеряла головы от патриотического угара, — а четко формулировала боевой лозунг революционных рабочих всех стран: «Война империалистическая должна быть превращена в войну гражданскую».

Этот урок мировой войны, купленный небывало кровавой ценой, не забыть рабочему классу ни одной страны.

* * *

«Эта война будет продолжаться очень недолго», — говорили в начале ее возникновения. Но война затянулась более, чем на четыре года. Вся Европа покрылась барьерами, прекратились международные сношения. все мужское население было призвано под ружье. Замерла промышленность, опустели деревни — в городах воцарился голод. Цветущие поля были превращены в окопные рвы и воронки от снарядов. Были пущены в ход 42-хсантиметровые пушки, ядовитые газы, огнеметы, самолеты, танки.

Империалистической бойне было принесено в жертву около 36 миллионов людей — 10 миллионов убито и умерло от ран и болезней, столько же искалечено на фронтах, раненых—около 16 миллионов.

Если учесть, что ожесточенные войны Великой Французской Революции—с 1793 г. по 1815 г.—стоили человечеству всего 1.900.000 жизней — можно представить себе те колоссальные людские опустошения, какие произвела война 1914—1918 г.г.

А какие гигантские хозяйственные разрушения причинены войной—этой «самой ужасной по своим послед-

ствиям войной» — по словам бывшего итальянского премьера Нитти.

Общая сумма убытков, понесенных от разрушений на войне, исчисляется приблизительно в 500 миллиардов долларов. Если принять оплату квалифицированного рабочего Англии в 20 фунтов в месяц—то десять миллионов промышленных рабочих Англии должны работать подряд 50 лет, чтобы заработать эту сумму...

* * *

«Эта война — последняя война!» — говорили рабочим всех стран, посылаемым на бойню в качестве пушечного мяса.

Увы, это оказалось, по выражению Ленина, только «пустой, вредной сказкой».

Война 1914—1919 г.г. не была случайным явлением. Она вытекала неизбежно из всех условий империализма—этой стадии завершающегося капитализма.

Еще задолго до событий июля—августа 1914 года—обозначилась опасность этой войны. Катастрофе 1914 г. предшествовали войны за Манчжурию, за Триполи, Балканские. Бешено росли военные бюджеты во всех странах. Вся Европа, словно в безумном беге, неслась к пропасти.

Военные авторитеты еще в 1912 и 1913 г.г. предсказывали, что война начнется весной 1914 года.

Такая точность предсказания оказалась возможной потому, что империалистическая война является порождением капиталистического строя, настолько же неизбежным, насколько неизбежен пожар, после того, как дом облит керосином и подожжен со всех сторон.

Теперь исполняется 10 лет со дня начала мировой войны. И мы видим, насколько был прав Владимир Ильич, когда он еще 1-го ноября 1914 г. предсказывал, что «за данной войной, если не будет ряда успешных революций, последуют вскоре другие войны».

Эпоха империалистических вооруженных столкновений, открытая в августе 1914 года, отнюдь не закончена Версальским и другими мирными договорами.

Теперь, снова, как накануне августа 1914 г., Европа стремительно идет к новой империалистической войне, которая неизбежно разразится, если ей не помешает победоносная пролетарская революция...

Война породила бесконечное множество новых конфликтов и противоречий: тихоокеанская проблема, вопрос о господстве на Средиземном море, соперничество Англии с С.-А. С. Ш., ближне-восточные конфликты, германский вопрос и т. д., и т. п.

Война, как указывал еще совсем недавно тов. Ленин (4-го декабря 1922 г.) в своих «Заметках по вопросу о задачах нашей делегации в Гааге», может «возникнуть ежедневно из-за спора Англии и Франции относительно какой-нибудь детали их договора с Турцией, или между Америкой и Японией из-за пустяковинного разногласия по любому тихо-океанскому вопросу, или между любыми крупными державами из-за колониальных споров, или из-за споров об их таможенной или вообще торговой политике и т. д., и т. п.»

«Последняя» война закончена, но после нее мы видим во всех странах: усиление милитаризации, рост военных бюджетов и усиленную подготовку новой войны, еще более дьявольски-ужасной по своим размерам...

«Последняя» война закончена... а ни один военный бюджет ни в Европе, ни в Америке, ни в Японии — не остался на уровне довоенного, а перерос его...

«Последняя» война закончена, еще далеко не зажили страшные раны этой страшной войны, а империализм уже готовит человечеству новые бойни народов. От самых неотложных нужд наций отрываются миллиарды на подготовку новой войны, на военную промышлен-

ность, на артиллерийские заводы, химические арсеналы, военные судостроительные верфи и авиозаводы. Наука в лице своих выдающихся представителей поставлена на службу тому же делу — подготовке новой, неслыханной империалистской бойни...

Невиданный прогресс военной техники и небывалый размах вооружений — вот что характеризует собой эпоху, непосредственно следующую за «последней войной» 1914 — 1919 г. г.

* * *

Пока существует империализм — будут существовать войны.

И, конечно, не от «Лиги Наций», или другой какой-либо подобной пацифистской организации можно ждать предотвращения новой чудовищной войны, надвигающейся на мир. «Лига Наций» неспособна даже на устранение самого маленького конфликта между империалистами — где уж тут говорить о предотвращении ею тех могущественных факторов, которые делают неизбежными новые вооруженные столкновения?

Не могут этого сделать и социал-патриоты, показавшие себя уже в бойне 1914—1919 г.г. Как и тогда, в начале войны, они идут теперь рука об руку со «своей» буржуазией и защищают ее интересы в министерских кабинетах.

Когда возникнет новая всемирная бойня—они снова будут на стороне буржуазии, вместе с нею предавать и обманывать рабочий класс.

Путь международного пролетариата, стоящего перед угрозой новой империалистической войны, озаряет завет гениального полководца Владимира Ильича:

— Работа, направленная к превращению войны народов в гражданскую войну, есть единственная социалистическая работа в эпоху империалистического вооруженного столкновения буржуазии всех наций.

В мрачный 1914 год Владимир Ильич верил в то, что «пролетарское знамя гражданской войны не сегодня,

так завтра, — не во время теперешней войны, так после нее, — не в эту, так в ближайшую, следующую войну, соберет вокруг себя не только сотни тысяч сознательных рабочих, но и миллионы одураченных ныне шовинизмом полупролетариев и мелких буржуа, которых ужасы войны будут не только запугивать и забивать, но и просвещать, учить, будить, организовывать, закалять и подготовлять к войне против буржуазии и «своей» страны и «чужих» стран.

Не сотни тысяч, а миллионы рабочих, крестьян и колониальных рабов капитала об'единяет теперь III Коммунистический Интернационал. Он их об'единяет и организует для революционного натиска на капиталистические правительства, для гражданской войны по нашему примеру и по образцу нашей Красной Армии.

З. СЕРЕБРЯНСКИЙ.

I

ВОЙНА НАЧАЛАСЬ!..

КАНУН ВОЙНЫ

Манифест Чрезвычайного Интернационального Социалистического Конгресса в Базеле

(24 и 25 ноября 1912 г.)

Более, чем когда либо, обстоятельства предписывают теперь интернациональному пролетариату придать своей согласованной деятельности всю возможную мощь и энергию. С одной стороны, всеобщая безумная погоня за вооружениями, увеличивая дороговизну жизни, обострила классовую рознь и довела рабочих до невыносимого положения. Рабочие решили положить конец этому режиму бессмысленной траты средств и паники. С другой стороны, периодически возникающая опасность войны возмущает народ все более и более. Великие европейские народы находятся постоянно перед возможностью быть брошенными друг на друга, при чем такое нарушение всяких принципов человеколюбия и разума не может быть оправдано даже в малейшей степени интересами самих народов. Балканский кризис, который уже принес столько бедствий, может, в случае своего распространения, представить самую ужасную опасность для цивилизации и пролетариата. Вместе с тем такое явление оказалось бы позорным историческим событием, благодаря несоответствию между неизмеримостью катастрофы и ничтожностью вызвавших ее интересов. Поэтому Конгресс с большим удовлетворением отмечает полное единодушие социалистических партий и об'единений во всех воюющих государствах в их отрицательном отношении к войне. Пролетариат повсюду в одно время восстал про-

тив империализма—и каждая секция Интернационала противопоставила правительству своей страны сопротивление пролетариата и восстановила общественное мнение своего народа против всяких воинственных фантазий. Таким путем осуществилось грандиозное сотрудничество рабочих всех стран, которое уже много сделало для сохранения мира. Страх правящих классов перед пролетарской революцией, которая явилась бы последствием всеобщей войны, служит весьма прочною гарантией мира. Конгресс требует от социалистических партий энергичного продолжения их деятельности и применения всех тех мер, которые покажутся им необходимыми.

Интернационал удвоит свои усилия, чтобы предупредить войну своей усиленной пропагандой, своим непримиримым и постоянным протестом. С этой целью Конгресс поручает Интернациональному Социалистическому Бюро с тщательным вниманием следить за событиями и при всяких условиях поддерживать сообщения и связь между пролетарскими партиями всех стран. Пролетариат сознает, что от него именно зависит в данный момент все будущее человечества, и он употребит всю свою энергию для того, чтобы помешать истреблению лучшего цвета всех народов, которым угрожают все ужасы бесчисленных кровопролитий, голода и болезней.

ПРЕДАТЕЛИ

29 июля 1914 г. Гаазе говорил (на интернациональном митинге против войны в Брюсселе):

«Австрия одна виновна в войне...

«Повидимому, Австрия расчитывает на Германию, но германские социалисты заявляют, что тайные договоры не связывают пролетариата. Немецкий пролетариат заявляет, что Германия не должна вмешаться даже в том случае, если вмешается Россия. Немецкая буржуазия, напротив того, заявляет, что Германия должна вмешаться потому, что Австрия напала на Сербию. Равным образом, с неменьшей логичностью и вместе с тем неменьшей нетерпимостью, французская буржуазия также полагает, что Франция должна вмешаться против Австрии. Французский пролетариат думает так же, как и мы. Пусть наши враги остерегутся. Может случиться, что бедные классы, испытывающие нужду и угнетение, наконец, пробудятся и установят социалистическое общество. Вчера в Берлине тысячи и тысячи пролетариев протестовали против войны с криками «Да здравствует мир! Долой войну!»

Тот же Гаазе говорил 4 августа 1914 г. (в первом заседании германского рейхстага):

В первом заседании германского рейхстага 4/VIII, 1914 г. имперский канцлер обрисовал положение. Во втором заседании, открывшемся через час, начались дебаты относительно войны и специально военных кредитов, при чем единственным оратором от имени социал-демо-

кратической фракции выступил **председатель партии Гуго Гаазе** со следующей декларацией:

«... Нам грозят ужасы враждебных нашествий. Мы должны теперь голосовать не за войну или против нее, а решать вопрос об отпуске средств, необходимых для защиты страны.

«Для нашего народа и его свободной будущности очень многое поставлено на карту в случае победы русского деспотизма, который запятнал себя кровью лучших сынов своего народа. Необходимо предотвратить эту опасность, обеспечить культуру и независимость нашего собственного отечества. Поступим же так, как мы всегда заявляли: мы не оставим отечества без помощи в час опасности. Мы сознаем себя действующими солидарно с Интернационалом, всегда признававшим право каждого народа на национальную самостоятельность и самозащиту, и точно так же в согласии с ним мы осуждаем всякую завоевательную войну.

«Мы требуем, чтобы войне был положен конец, как только будет достигнута цель защиты и противник будет склонен к миру, и будущий мир должен обеспечить возможность дружеского сожительства всех народов. Мы требуем этого не только в интересах постоянно отстаивавшейся нами международной солидарности, но также и в интересах германского народа.

«Мы надеемся, что жестокая школа страданий войны пробудит в миллионах новых людей отвращение к войне и обратит их к идеалу социализма и всеобщего мира.

«Руководясь этими положениями, мы будем голосовать за требуемые кредиты».

(«Интернационал и мировая война». Материалы, собранные Карлом Грюнбергом).

ОТНОШЕНИЕ ОБОРОНЦЕВ К ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЕ

Манифест об'единенной группы социал-демократов и социалистов-революционеров

«Мы обращаемся к сознательным рабочим, крестьянам, ремесленникам, приказчикам, короче—ко всем тем, которые едят свой хлеб в поте лица своего и, страдая от недостатка материальных средств и от политического бесправия, борются за лучшее будущее для себя, для своих детей и братьев. Мы шлем им свой горячий привет и настойчиво просим их:

Выслушайте нас в это роковое время, когда, овладев западными крепостями России, неприятель занял значительную часть ее территории и угрожает Киеву, Петрограду и Москве, т.-е. важнейшим центрам ее общественной жизни.

И прежде случалось нашей родине переживать кровавые ужасы неприятельского нашествия. Но никогда еще не приходилось ей отбиваться от врага, так хорошо вооруженного, так умело организованного и так заботливо обдумавшего свое хищническое предприятие, как теперь...

Вы очень ошибетесь, если вообразите, что рабочему народу нет надобности защищать нашу страну. На самом деле ничьи интересы не страдают так жестоко от нашествия неприятеля, как интересы трудящегося населения...

Война вообще вызывает теперь невероятно большие расходы. России, как стране экономически отсталой, гораздо труднее выносить эти расходы, нежели богатым государствам Западной Европы... Если окончательная победа достанется немцам, то они потребуют от нас огромного военного вознаграждения... И этим не ограничатся наши победители... Наиболее последовательные и откровенные глашатаи политики германского империализма уже теперь говорят, что нужно потребовать от России уступки значительной территории...

Легко представить себе, какой договор навяжет нам теперь победоносный германский империализм. В экономическом отношении Россия станет германской колонией...

Победив Россию, Германия, конечно, расторгнет ее союз с Англией, Францией и другими странами Европейского Запада. Тогда возобновится печальной памяти союз трех императоров. Само собой разумеется, что крайне жалкую роль будет играть в этом союзе представитель побежденной России... Беда,—великая, неизбежная беда будет в том, что, под предлогом союза с Россией, Берлин возьмет на себя заботу о поддержании «порядка в Петрограде»... И тогда вам надолго придется сказать «прощай» своим освободительным планам.

А к чему поведет победа Германии на Западе Европы?.. Англия, Франция и даже Бельгия с Италией далеко опередили в политическом отношении Германскую империю, до сих пор еще не доросшую до парламентского режима. Победа Германии над этими странами была бы победой монархического принципа над демократическим, победой старого над новым. И если вам дорог демократический идеал, если вы стремитесь у себя дома устранить самодержавие царя и заменить его самодержавием народа, то вы должны желать успеха нашим западным союзникам, вы не можете не желать его...

Первой задачей революционного правительства в России явилась бы борьба на жизнь и смерть с германским

империализмом. Это было бы обязательно для него как в интересах союзных с нами демократических стран, так и для окончательного торжества революции над темными силами международной реакции.

Равнодушное отношение к исходу нынешней войны было бы для нас равносильно политическому самоубийству, т.-е. отказу от роли вождей трудового народа в его движении к лучшему будущему... Не смущайтесь доводами людей, утверждающих, что тот, кто защищает свою страну, отказывается от участия в борьбе классов. Эти несчастные сами не знают, что говорят. Во-первых, для успешного хода классовой борьбы, необходимы известные политические условия, которых у нас не будет, если восторжествует Германия. Во-вторых, если трудящееся население России не может не защищать себя, когда его эксплоатируют российские помещики и капиталисты, то непонятно, отчего ему следует оставаться бездеятельным, когда на его шею хотят накинуть аркан эксплоатации германские помещики («юнкера») и германские капиталисты, к величайшему сожалению, поддерживаемые теперь значительной частью германского пролетариата, изменившего своему долгу солидарности и пролетариям других стран...

Те же неразумные люди скажут вам еще, что, защищаясь от немецкого нашествия, вы поддерживаете наш старый политический порядок. Они желают поражения России из ненависти к царскому правительству... Но Россия принадлежит не царю, а трудовому народу. Защищая ее, он защищает самого себя, защищает дело своего освобождения...

Всякое революционное «вспышко-пускательство» в тылу армии, борющейся с неприятелем, по своему значению равнялось бы измене, так как было бы услугой внешнему врагу и сильно облегчало бы положение врага внутреннего, плодя недоразумения и рознь между вооруженной силой России, с одной стороны, и передовой частью ее населения, с другой. Даже к стачкам можно прибегнуть теперь, во время войны, только всесторонне

взвесив все их возможные военно-технические, нравственные и политические последствия.

Гром войны, конечно, не сделает российских предпринимателей более бескорыстными, чем они были в мирное время... Вы будете вполне правы, возмущаясь таким их поведением. Но во всех тех случаях, когда вам захотелось бы ответить на него стачкой, вам надо подумать, не повредит ли она делу обороны России.

Положение таково, что к свободе нам нельзя притти иначе, как идя путем национальной самообороны. Заметьте, что мы вовсе не говорим: «сначала победа над внешним врагом, а потом уже свержение врага внутреннего». Вполне возможно, что свержение этого последнего явится предварительным условием и залогом избавления России от германской опасности.

Мы, подписавшиеся под этим воззванием, принадлежим к различным направлениям российской социалистической мысли. Между нами есть социалисты-революционеры и есть социал-демократы. Мы расходимся во многом. Но мы решительно сходимся в том, что поражение России в борьбе с Германией явилось бы также поражением ее в борьбе за свободу. И мы думаем, что, руководясь этими убеждениями, наши действующие на местах единомышленники должны были бы сблизиться между собою для дружного служения народу в час переживаемой им смертельной опасности.

Члены Российской социал-демократической рабочей партии и партии социалистов-революционеров **Г. ПЛЕХАНОВ, А. БАХ, Л. ДЕЙЧ, Э. ЗИНОВЬЕВА-ДЕЙЧ, И. АКСЕЛЬРОД, И. БУНАКОВ, Н. АВКСЕНТЬЕВ, А. ЛЮБИМОВ (МАРК З—Р), В. ВОРОНОВ, А. АРГУНОВ,** члены II Государственной Думы **Г. БЕЛОУСОВ и Г. АЛЕКСИНСКИЙ.**

10 сентября 1915 г.

ОТНОШЕНИЕ БОЛЬШЕВИКОВ К ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЕ

Манифест Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.

Европейская война, которую в течение десятилетий подготовляли правительства и буржуазные партии всех стран, разразилась. Рост вооружений, крайнее обострение борьбы за рынки в эпоху новейшей империалистической стадии развития капитализма передовых стран, династические интересы наиболее отсталых восточно-европейских монархий неизбежно должны были привести и привели к этой войне. Захват земель и покорение чужих наций, разорение конкурирующей нации, грабеж ее богатств, отвлечение внимания трудящихся масс от внутренних политических кризисов России, Германии, Англии и других стран, раз'единение и националистическое одурачение рабочих и истребление их авангарда, в целях ослабления революционного движения пролетариата,— таково единственное действительное содержание, значение и смысл современной войны.

На социал-демократию прежде всего ложится долг раскрыть это истинное значение войны и беспощадно разоблачить ложь, софизмы и «патриотические» фразы, распространяемые господствующими классами, помещиками и буржуазией в защиту войны.

Во главе одной группы воюющих наций стоит немецкая буржуазия. Она одурачивает рабочий класс и трудящиеся массы, уверяя, что ведет войну ради защиты родины, свободы и культуры, ради освобождения угнетен-

ных царизмом народов, ради разрушения реакционного царизма...

Во главе другой группы воюющих наций стоит английская и французская буржуазия, которая одурачивает рабочий класс и трудящиеся массы, уверяя, что ведет войну за родину, свободу и культуру, против милитаризма и деспотизма Германии. А на деле эта буржуазия на свои миллиарды давно уже нанимала и готовила к нападению на Германию войска русского царизма, самой реакционной и варварской монархии Европы...

Обе группы воюющих стран нисколько не уступают одна другой в грабежах, зверствах и бесконечных жестокостях войны, но, чтобы одурачить пролетариат и отвлечь его внимание от единственной действительно освободительной войны, именно, гражданской войны против буржуазии как «своей» страны, так и «чужих» стран, для этой высокой цели буржуазия каждой страны ложными фразами патриотизма старается возвышать значение «своей» национальной войны и уверить, что она стремится уничтожить противника не ради грабежа и захвата земель, а ради «освобождения» всех других народов, кроме своего собственного.

Но, чем усерднее стараются правительства и буржуазия всех стран раз'единить рабочих и натравить их друг на друга, чем свирепее применяется для этой возвышенной цели система военных положений и военной цензуры (гораздо более преследующей даже теперь, во время войны, «внутреннего», чем внешнего врага), — тем настоятельнее долг сознательного пролетариата отстоять свое классовое сплочение, свой интернационализм, свои социалистические убеждения против разгула шовинизма «патриотической» буржуазной клики всех стран.

С чувством глубочайшей горечи приходится констатировать, что социалистические партии главнейших европейских стран этой своей задачи не выполнили, а поведение вождей этих партий—в особенности немецкой—граничит с прямой изменой делу социализма. В момент величайшей всемирно-исторической важности большин-

ство вождей теперешнего, второго (1889—1914), социалистического Интернационала пытаются подменить социализм национализмом...

Германские и австрийские с.-д. пытаются оправдать свою поддержку войны тем, что этим самым они будто бы борются против русского царизма. Мы, русские с.-д., заявляем, что такое оправдание считаем софизмом. Революционное движение против царизма вновь приняло в нашей стране в последние годы громадные размеры... Не далее, как накануне войны, президент Французской республики Пуанкаре, во время своего визита Николаю II, сам мог видеть на улицах Петербурга баррикады, построенные руками русских рабочих... Но мы должны сказать, что если что может при известных условиях отсрочить гибель царизма, если что может помочь царизму в борьбе против всей российской демократии, так это именно нынешняя война, отдавшая на службу реакционным целям царизма денежный мешок английской, французской и русской буржуазии. И если что может затруднить революционную борьбу российского рабочего класса против царизма, так это именно поведение вождей германской и австрийской соц.-демократии, которое не перестает нам ставить в пример шовинистская печать в России.

Наша партия, Российская С.-Д. рабочая партия, понесла уже и еще понесет громадные жертвы в связи с войной. Вся наша легальная рабочая печать уничтожена. Большинство союзов закрыто, множество наших товарищей арестовано и сослано. Но наше парламентское представительство—Российская С.-Д. рабочая фракция в Государственной Думе—сочло своим безусловным социалистическим долгом не голосовать военных кредитов и даже покинуть залу заседания Думы для еще более энергичного выражения своего протеста, сочло долгом заклеймить политику европейских правительств, как империалистическую...

Крах II Интернационала есть крах оппортунизма, который вырастивался на почве особенностей миновавшей (т. наз. «мирной») исторической эпохи и получил в по-

следние годы фактическое господство в Интернационале. Оппортунисты давно подготовляли этот крах, отрицая социалистическую революцию, и подменяли ее буржуазным реформизмом,—отрицая классовую борьбу с ее необходимым превращением в известные моменты в гражданскую войну, и проповедуя сотрудничество классов...

При данном положении нельзя определить, с точки зрения международного пролетариата, поражение которой из двух групп воюющих наций было бы наименьшим злом для социализма. Но для нас, русских соц.-демократов, не может подлежать сомнению, что с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии, самого реакционного и варварского правительства, угнетающего наибольшее количество наций и наибольшую массу населения Европы и Азии.

В России задачами соц.-демократии, в виду наибольшей отсталости этой страны, не завершившей еще своей буржуазной революции, должны быть по-прежнему три основные условия последовательного демократического преобразования: демократическая республика (при полном равноправии и самоопределении всех наций), конфискация земель и 8-мичасовой рабочий день. Но во всех передовых странах война ставит на очередь лозунг социалистической революции, который становится тем насущнее, чем больше ложатся тяжести войны на плечи пролетариата, чем активнее должна будет стать его роль при воссоздании Европы, после ужасов современного «патриотического» варварства в обстановке гигантских технических успехов крупного капитализма...

Превращение современной империалистской войны в гражданскую есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный базельской (1912 г.) резолюцией и вытекающий из всех условий империалистической войны между высоко развитыми буржуазными странами. Как бы ни казались велики трудности такого превращения в ту или иную минуту, социалисты никогда не откажутся от систематиче-

ской, настойчивой, неуклонной подготовительной работы в этом направлении, раз война стала фактом.

Только на этом пути пролетариат сможет вырваться из своей зависимости от шовинистической буржуазии и, в той или иной форме, более или менее быстро, сделать решительные шаги по пути к действительной свободе народов и по пути к социализму.

Да здравствует международное братство рабочих против шовинизма и патриотизма буржуазии всех стран!

Да здравствует пролетарский Интернационал, освобожденный от оппортунизма!

1914 г., момент начала войны.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
РОССИЙСКОЙ С.-Д. РАБОЧЕЙ ПАРТИИ.

ТОВ. ЛЕНИН ПИСАЛ

1 ноября 1914 года:

Война не случайность, не «грех», как думают христианские попы (проповедующие патриотизм, гуманность и мир не хуже оппортунистов), а неизбежная ступень капитализма, столь же законная форма капиталистической жизни, как и мир. Война наших дней есть народная война. Из этой истины следует не то, что надо плыть по «народному» течению шовинизма, а то, что в военное время, и на войне, и по-военному продолжают существовать и будут проявлять себя классовые противоречия, раздирающие народы. Отказ от военной службы, стачка против войны и т. п. есть простая глупость, убогая и трусливая мечта о безоружной борьбе с вооруженной буржуазией, воздыхание об уничтожении капитализма без отчаянной гражданской войны или ряда войн. Пропаганда классовой борьбы и в войне есть долг социалиста; работа, направленная к превращению войны народов в гражданскую войну, есть единственная социалистическая работа в эпоху империалистического вооруженного столкновения буржуазии всех наций. Долой поповски-сантиментальные и глупенькие воздыхания о «мире во что бы то ни стало»! Поднимем знамя гражданской войны. Империализм поставил на карту судьбу европейской культуры: за данной войной, если не будет ряда успешных революций, последуют вскоре другие войны, сказка о «последней войне» есть пустая, вредная сказка, мещанская «мифология» (по верному выражению «Голоса»). Пролетарское знамя гражданской

Владимир Ильич
ЛЕНИН (УЛЬЯНОВ)
на трибуне

войны не сегодня, так завтра,—не во время теперешней войны, так после нее,—не в эту, так в ближайшую следующую войну, — соберет вокруг себя не только сотни тысяч сознательных рабочих, но и миллионы одураченных ныне шовинизмом полупролетариев и мелких буржуа, которых ужасы войны будут не только запугивать и забивать, но и просвещать, учить, будить, организовать, закалять и подготовлять к войне против буржуазии и «своей» страны и «чужих» стран.

II Интернационал умер, побежденный оппортунизмом. Долой оппортунизм, и да здравствует очищенный не только от «перебежчиков» (как желает «Голос»), но и от оппортунизма III Интернационал!

II Интернационал выполнил свою долю полезной подготовительной работы по предварительной организации пролетарских масс в долгую «мирную» эпоху самого жестокого капиталистического рабства и самого быстрого капиталистического прогресса последней трети XIX и начала XX века. III Интернационалу предстоит задача организации сил пролетариата для революционного натиска на капиталистические правительства, для гражданской войны против буржуазии всех стран за политическую власть, за победу социализма!

(Г. ЗИНОВЬЕВ и Н. ЛЕНИН «Против течения».—«Положение и задачи социалистического Интернационала»).

1-го мая 1915 года:

Что «народ», т.-е. масса мелких буржуа и часть одураченных рабочих, верит в буржуазную сказку о «злокозненности» неприятеля, это несомненно. Но задача с.-д. бороться с обманом, а не поддерживать его. Все с.-д. во всех странах задолго до войны говорили и в Базеле подтвердили, что **каждая** из великих держав на деле стремится к укреплению и расширению господства над колониями, к угнетению маленьких наций и т. д. Война идет из-за дележа колоний и грабежа чужих земель; воры дерутся—и ссылаться на то, что в данную минуту

терпит поражение такой-то вор, для изображения интереса воров интересами народа или отечества, есть бессовестная буржуазная ложь. «Народу», страдающему от войны, мы должны говорить **правду,** которая состоит в том, что защита от бедствий войны невозможна без свержения правительств и буржуазии каждой воюющей страны. Защитить Бельгию **посредством** удушения Галиции или Венгрии не есть «защита отечества» .

(«Против течения», ст. «Софизмы социал-шовинизма»).

ВОЙНА!

Как будто это произошло вчера. На улицах и в кафе ревет националистическая сволочь! Черно-бело-красные *) флаги! Песни! Крики! Собрания истерически жестикулирующих людей.

— Война!..

Разнузданная страсть доходит до безумия! Ненависть, ложь и клевета празднуют оргии! На всех углах улиц стоят подстрекатели и подливают масло в огонь! Где нет масла, там его заменяет грязь! И из глубины народной души подымается грязная кровавая пена...

Хищный зверь жаждет крови! Некий невинный иностранец бесшумно проходит мимо. Какой-то опьяненный шовинизмом кричит: «Шпион, шпион!».

— «Шпион»,—повторяет толпа. Сотни кулаков подымаются против несчастного! Шум поглощает его слова!.. Трепещущая кровавая масса остается от него...

Герои, шатаясь, продолжают свой путь! «К дворцу!»—звучит пароль. Ах, как развеваются знамена!— Император произносит речь:—Да здравствует Германия!

* * *

...В тот же час в маленьком зале собралось несколько десятков юношей и девиц из рабочей среды. Их лица выражают глубокую скорбь, глаза некоторых полны слез. Они прощаются друг с другом!—«Вы уходите туда, где царствуют безумие и смерть... Убийство вас будет

*) Германский императорский флаг состоял из черной, белой и красной полос.

окружать.. Ненависть будет пылать вокруг вас! Ужас наполнит ваши души! Оставайтесь же вы людьми среди насилия! По другой стороне тоже стоят рабочие... Не забывайте же вашего знамени!».

Молодой солдат собирается держать речь. Он глубоко вздыхает. Глухо звучат слова: «Мы должны итти воевать,—говорит он,—мы—убойный скот капитализма. Мы хотели бы воспрепятствовать этому ужасу! Но массы этого не желали, массы этого не понимали. Теперь нам придется истекать кровью. Мы вынуждены итти на войну! Но и на полях битвы и в траншеях мы будем пропагандировать социализм. Все рабочие—братья! Мы не хотим убивать! Быть может, не всякий из нас вернется. Но те, которые вернутся, потребуют от вас то сокровище, которое мы вручаем вам в данный момент. Храните его! Работайте для мира, для пролетарской революции, для социализма! Разверните знамена»!..

(ЭДВИН ГОРНЛЕ).

МИЗЕЕРЕЛЬ. Люди и война.
Церковь.

ЦАРСКАЯ ВОЙНА

Ходит староста Федот,
Мужиков на сход зовет:
— «Выходи, Егор, Тарас
От начальства есть приказ:
Увязался царь в войну;
Нужны денежки в казну,
А для царских для полков
Надо много мужиков».
С печи дед кряхтя спустился
И на сходку потащился.
Обступили деда вкруг:
— «Присоветуй, друг!»
А старинушка в ответ:
— «Уж не знаю что, мой свет.
То ли рать
Царю сбирать,
То ли брагу затирать?
Эх, заварим бражку нову
На погибель на цареву.
От царей не жди добра,
Взяться нам за ум пора,—
Гнать их с нашего двора».

* * *

Война не шутка —
Нутка! —
Чаяли три похода,
А не упрятать и в три года.
Мужики, хлопы, —
Все в окопы
Под метлу.

А кто побогаче, —
В тылу,
Не иначе.
Купцы — буржуи
Цены вздули —
Ай-люли!
Всякий товар
Жжется, как вар,
А подряд для войны—
И не выговорить цены.
Купцы за войну.
Овес
С помещичьих полос
Вверх, вверх пополоз.
Поставка в казну —
Цены ударные,
Угарные.
Помещики за войну.
Церковные звоны,
Поклоны,
Моления
О победе и одолении,
О болящих,
Скорбящих,
Сущих в плену;
А и панихида
Попу не обида.
Попы за войну.
Земля пить кровь устала,
А цари говорят «мало».
Над царями царь — Капитал —
Под небо встал,
Пушками грохотал:
— «Будет бой,
Пока банкиры
Не поделят мира
Между собой».

(С. БАСОВ-ВЕРХОЯНЦЕВ, «Расея»).

У ВОИНСКОГО НАЧАЛЬНИКА

Город только что просыпался, когда Шабановы в'ехали на широкую, по сторонам поросшую травой, улицу. У воинского начальника уже толпился народ. Около забора стояли разнузданные лошади и жевали сено.

— Вон Мишка Трутнев, — показал Михайло кнутовищем.

Боровские встретились и кучкой, словно боясь потерять друг друга, вошли во двор. Михайло с Матреной и Ванюшка остались у телеги. Было шумно. Шныряли мальчики с белыми хлебами. Бойко торговала маленькая лавчонка семячками и пряниками. Два флага колыхались на воротах и придавали улице праздничный вид. Но невесел был праздник: бесцельно бродили призванные, не зная, как скоротать до приема время.

— Слышь, ребята, солдат сказывал: хранцуз за нас! — говорил кто-то в толпе у забора: — тоже будто агличанка...

— Ну, паря, ври: агличанка! — перебили его. — Агличанка завсегда супротив нас.

— Пра слово, солдат сказывал. Быдто в газетах пропечатано.

— Это все, братцы, японец мутит! — вступился бородатый мужик. — Уж я его, шельму, призошел вокак! — Мужик вытянул корявые пальцы. — Значится, как стояли мы под Лаояном...

— Это правильно: японец, не иначе! — поддакнул сосед: — немец — он толстый, ему зад тяжело сдвигать, а япошка, как ерш. Это беспременно японец...

— А вот тоже говорят: у немца на все машина. Примерно сказать, хлеб сеять — машина, молотить — машина. Ежели сосчитать что, чик и готово... Тоже, будто машиной тучи разводит.

— Как это понимать, а? — на что-то озлобляясь, вдруг перебил бородатый.—Нет, ты мне скажи, как это понимать? Ты мне, этак, милый человек, богу молиться машиной станешь!

— Я что ж, я — ничего... — заоправдывался сосед.— Я говорю, не иначе, как японец...

— Это уж поверь! — и оба, успокоившись, замолчали, прислушиваясь к разговорам.

(Б. ТИМОФЕЕВ «Чаша скорбная»).

ДЬЯВОЛЬСКАЯ ПЕРЕДЕЛКА

(Социалисты надевают хаки)

Напротив вокзала был общественный сквер, около которого собралась толпа, и Джимми зашагал туда, чтобы взглянуть, что там происходит. Он увидел десятка два молодых людей—кого в хаки, кого в штатских брюках и свитерах — которые проходили военную муштру. Джимми, на правах свободного от дел джентльмена, остановился посмотреть на это зрелище.

Перед ним было то, о чем он говорил и думал в течение почти трех лет: чудовищное извращение человеческой души, именуемое Милитаризмом, сила, которая захватила людей и превратила их в автоматы, движущиеся машины, которые повинуются приказам, как один человек, идут и совершают поступки, на какие никто из них, взятый в отдельности, не был бы способен, даже во сне. Здесь собралась группа обыкновенных милых лисвильских юношей, служащих с ближайших заводов, кельнеров и конторщиков, приказчиков, которые когда-то расторопно примеряли хорошенькие ботинки на дамские ножки. А теперь они подчинялись этой уродующей дисциплине, подвергались этой дьявольской переделке!

Взор Джимми пробежал по рядам: вот знакомый ему вагоновожатый трамвая, вон механик с заводов «Эмпайр»; тут был также сын Аштона Чалмерса, председателя правления Первого Национального Банка в Лисвиле. И вдруг Джимми вздрогнул. Не может быть! Этого не может быть! Но, нет, это так и было! Молодой Эмиль Форстер! Эмиль—социалист, Эмиль—немец, Эмиль—ученый и мы-

слитель, который понял лицемерную маску этой капиталистической войны и бесстрашно провозглашал истину по пятницам на вечерних заседаниях местной группы,— он здесь в форме защитного цвета, облегающей его довольно хрупкую фигуру, с винтовкой в руке и с взглядом мрачной решимости на лице, и проделывает эволюции ротного учения: левой, правой, левой, правой, левой, правой—отделениями слева, шагом марш—раз, два, три, четыре — левой, правой, левой, правой — рота, кругом марш—левой, правой, левой, правой—рота, левое плечо вперед, шагом марш—и так далее.

Если вы хотите получить точную картину происходившего, то должны представить себе быстрый топот многих ног в унисон—тум, тум, тум, тум, тум, тум; должны представить себе марширующих с сосредоточенными, застывшими лицами и громовую команду, отдаваемую краснолицым молодым человеком отчаянного вида, при чем слова «ш а г о м м а р ш» всякий раз выкрикиваются с таким ударением, что вы чувствуете, как они поражают вас прямо в сердце. Этот краснолицый молодой человек был настоящим воплощением военного деспота, как его представлял себе Джимми: он окидывал всех ястребиным взором, ругался, толкался, понукал, не обращая ни малейшего внимания на ощущения рабов, которыми он командовал, или хоть на какие-либо условия приличий, принятых в цивилизованном обществе.

— Соблюдайте, Кази, дистанцию на пол шага! Не спускайте глаз с флангового, ведь, он из-за вас раздерет себе ноги, если вы не будете его дожидаться. Отделениями слева, шагом марш—раз, два, три, четыре—ну, вот теперь совсем хорошо—не так, не так—вот теперь лучше! Давайте ногу крепче, Чалмерс, ради бога—если вы будете входить в Берлин таким шагом, то подумают, что это слабосильная команда! С правого фланга по четыре—шагом марш! Держите же дистанцию, эй, фланговый! Да сколько же раз твердить мне вам одно и то же?—И так далее и так далее—трам, трам, трам,

трам. А тем временем маленький мальчик, стоявший около Джимми и очевидно, улизнувший из школы, пел, не переставая:

Левой, правой, левой, правой!
Пьян солдат напился бравый.
Уложил свои монатки,
Да со всех ног без оглядки!
Левой, левой, правой, правой!
Не умно ль он сделал, право?

(У. СИНКЛЕР «Джимми Хиггинс»).

ВИХРЬ

(1-е действие драмы Вяч. Шишкова)

Восстает против них дух силы и, как вихрь, развеет их.

(Притчи Соломона, гл. 5, стр. 23).

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Петр — зажиточный крестьянин, лет 45-ти, крепкий, чернобородый, брови густые, волосы в скобку.

Варвара — жена Петра, хворая, преждевременно увядшая.

Влас — их сын.

Назар — отец Петра, благообразный лысый старик, в голосе и манере ласковость.

Катерина — жена Власа.

Ванька-Пастух — молодой парень, с хитринкой.

Митька-Смерть — юродивый парень, всегда одет смертью, в длинном белом балахоне, с косой. Лицо то открыто, то закрыто наголовником, смотря по обстоятельствам. Говорит гнусаво, тягуче, старушьим голосом. Хохот промыхающий, дикий, злобно таинственный, наводящий ужас.

Гости на свадьбе, народ.

Просторная изба Петра. Он недавно оженил сына. «С'езжий праздник»—престол. Гости из своего села и соседних деревень. Девицы, парни, мужики. Назар угощает гостей пивом: нацедит в жбан и подает крайнему. Жбан идет по гостям, сидящим на лавках вдоль стен, возвращается Назару, вновь наполняется и передается дальше.

Веселая вечорка. Занавес поднимается в самый разгар песни.

Хор (громко).

Снежки бе-е-елые пуши-и-сты-ы
При-и-инакры-ы-ыли все поля-а-а. Поля!

Женский хор.

Одного-о-о-о лишь не накры-ы-ы-ли да го...

Хор (громко).

Го-о-рюшка лю-у-у-утого мово-о-о. Мово!

Женский хор.

Среди-и-и-и поля кусто-о-очик да о...

Хор (громко).

О-о-о-дне-о-о-ошенек сто-ит. Стоит!

(Ванька-Пастух, в лаптях, стоит посреди избы, размахивает руками, тренькает на балалайке, с вывертом притопывает—хочет плясать).

Ванька. Ну, чего тянете!.. Быдто дохлую коровы за хвост. Надо веселое, с плясом. Ух, ты, но-о!.. Чтобы изба дрожала, потому што...

Девица. А ты пошто в лаптях?

Ванька. Я-то?

Парень. Поди, не пахать поехал... Вечорка здесь, гульба...

Ванька. Здеся-то?

Девица. Да у него и сапог-то нету...

Ванька. Врешь. Это у меня-то?

Мужик. Его сапоги в лесу растут.

Ванька. Врешь. Есть сапоги. Да еще какие. С подковками. Только не сшитые. В лаптях сподручней. Эх, ты, но-о!..

Голоса. Ха-ха!.. Удалой ты парень.

Ванька. Кто? Я то? Завей горе веревочкой!

Голоса. Спляши-ка, Ванюшенька, спляши...

Ванька. А не спляшу, что ли... Хы!..

Петр (стоит с женой Варварой возле печки). Да поудалей ты! В случае чего, и я бы приударил.

Голоса. Вот, вот, Петр Назарыч...

Ванька. У тебя больно борода большая: того гляди наступишь.

Голоса. Пляши, знай. Чего—борода. Пляши!

Петр. А что? Унывать нечего, ребята... Значит, урожай сняли добрый...

Голоса:

— Лучше требовать нельзя...

— Сыты будем...

— Пивов наварим, браги...

— Пей, не хочу! Жить можно...

Петр. Вот, слава те Христу, сынка оженил... Все честь честью... Эвота какую королеву высватал...

Голоса:

— Пара.

— Самая краса...

— Куда краше...

(Все гости смотрят в передний угол на молодых Власа и Катерину, сидящих в обнимку).

Ванька. Парочка, баран да ярочка.

Голоса:

— По всему селу первая.

— По всей волости.

Влас. Нет, братцы. По всему свету белому. (Целует Катерину).

Петр (прищелкнув пальцами и прикрякнув). Эх, ты, смачно как. Любо!

Ванька. Хы-хы-хы! Ловко... Влас Петрович, вкусно? Катерина, каково? А? А вот я гляжу-гляжу, да и сам женюсь, потому што...

Девичьи голоса:

— Да за тебя и пойти-то никто не подумает.

— Нечего сказать, жених.

Ванька. Это за меня-то? Девки, да вы в уме ли? За меня-то? За пастуха-то? Я самый богатеющий мужик. А что? Вот балалайка, а вот и лапти.

Гости (смеются):

— Ишь, какой богатый.

— Богатый и есть.

— Миллионщик.

Ванька. А не богатый что ли? У меня в губернии домище стрóхан, о семи жердях с под'ездом... Низ деревянный, верх кирпичный... Хы-хы-хы!.. Крутом бегом...

Гости (смеются).

Ванька (проходит гоголем не торопясь по кругу, тренькает на балалайке, запевает):

Эх, мамка по миру ходила,
Мне тальяночку купила,
Все кусочки продала,
Балалайку завела...

Эх, ты, но, завей горе веревочкой!

Гости (смеются).

Ванька. Еще у меня, братцы, есть разные вещи, молоток да клещи, да чайник безо дна, только ручка одна. Совсем новенький... Хы-хы. Вот я какой богатый господин потому што...

Гости (смеются).

— Ну, и говорок.

— Экой язык-то у тебя.

— Ваня-пастушок, а что ж ты плясать-то?

Ванька. Мать честная! Я и позабыл совсем... (Бросается на середину избы, ударяет по струнам балалайки, притопывает). В присядку, что ли?

Петр. Валяй. Только повеселей. Подсобим.

Ванька. Ладно, не учи... Сам шашнадцать годов в ниверситете обучался, (выкидывает ногами козла и запевает *):

Ну, ребята, пляшитё!
Не жалейте лапти-тё!
Подхва-а-тывай!
Хор.
Ну, ребята, пляшитё!
Не жалейте лапти-тё!

*) На мотив—«Барыня».

Ванька.

Ежли эти стопчетё,
Батька новы сплететё!
Подхватывай!

Хор.

Ежли эти стопчетё,
Батька новы сплететё!

Ванька. Эй, плясуны, в круг! Об это место!.. Айда! (Несколько парней и девок бросаются плясать, к ним пристает и Петр. Ванька гикает, носится, подпрыгивает, свистит. Разудалый русский пляс, песня. Изба ходуном ходит).

Хор (ударя в ладони).

Ну, ребята, пляшитё!
Не жалейте лапти-тё!
Ежли эти стопчетё,
Батька новы сплететё!

Голоса (резкие, громкие, подбавляющие жару):

— Веселей!
— Ну, поудалей. С присвистом!
— Эй, Мишка, свистни!
— Айда, айда...
— Рой землю каблуками!
— Рой! Вот так!

Хор.

Ну, ребята, пляшитё,
Не жалейте лапти-тё!...

(Вдруг среди пляса порывисто распахивается дверь, входит запыхавшийся старшина с цепью на груди, в руках бумага).

Старшина (трясет бумагою). Мир честной! Мир честной!..

(Все враз смолкают, останавливаются).

Старшина. Православные! Война!

(При слове «война» быстро входит Митька-Смерть, лица не видать, прикрыто балахоном, останавливается у косяка и все время стоит не шелохнувшись).

Петр (подходит не торопясь к старшине). Как война? Какая война? Что ты?

Старшина. Здорово, Петр Назарыч, здорово, хозяюшка молодая да молодой хозяин. Здорово, мир честной... Враг войну об'явил нам. Из города курьер прискакал. Мобилизация об'явлена... Война...

Митька-Смерть (при общей тишине страшно хохочет). Хо-хо-хо!. .Хо-хо-хо!..

(Сидящие вскакивают, оцепенение прошло, подходят к старшине).

Голоса.

— Неужто война?

— Го-о-осподи.

— Царица небесная...

— Война...

Старшина. Кроволитие будет большое. Много держав ввязалось в драку...

Голоса.

— Господи! Что-то будет, что-то будет...

— Ой-ти мнёшеньки, спаси Христос...

— Недаром вчерашнюю ночь собаки выли...

— А наша бабушка видела старца в лесу. Плачет, сидит старец, горькими разливается.

— А тут враз пропал, как сгинул.

— Война...

— Война. Война.

— Сказывают, планида по небу гуляет... Звезда с хвостом...

— Ой, господи, помилуй нас... Война.

Старшина. Война, хрещеные... Прогневали мы господа бога... Кровь рекой польется... Погибель всем, погибель.

Митька-Смерть. Хо-хо-хо!.. Хо-хо-хо!..

Голоса.

— Ой, кто это?! Кто ржет?

— Кто это?

(Митьки в суматохе не замечают).

Старшина. Православные! Парни, мужики. Краснобилетники, белобилетники... Завтра к утренней заре все в волость. Мобилизация... Много народу требуют.

Голоса. А оттуда?

Старшина. В город.

Голоса:

— Как? Пошто в город?

— Сразу?

Старшина. Сразу. Спешно. Строгий приказ. И тебя, Влас Петрович, огорчить должон. Заберут. И тебя, Степан, и тебя, и тебя. Да без малого всех возьмут.

(Входит народ с улицы. Начинается плач. Девки обнимают парней. Слышны выкрики: «Война, война».—«Братец».—«Сестрица... Мамынька».—«Сынок, соколик». Влас обнимает плачущую Катерину. К нему бросается на шею мать. Петр подходит, дедушка Назар подходит).

Ванька. Бабы, девки!.. Чего вы, дуры, воете? А я-то на что же, потому што. Я останусь.

Старшина (строго). И тебе, молодчик, красной шапки не миновать.

Ванька. Кому это, мне-то? Нет, я не пойду.

Старшина. По-ойдешь...

Ванька. Я, дяденька-старшина, останусь. Я не люблю воевать.

Старшина. Мало ль бы чего.

Ванька. У меня левая нога очень короткая, конешно, потому што...

Старшина. Врешь.

Ванька. У меня и сапог нет, дяденька, одни лапти. Не возьмут меня?

Старшина. За милую душу заберут.

Ванька. Я не люблю воевать. У меня, дяденька, вот этот глаз ничего не видит. Кривой я... А этот чуть-чуть, конешно...

Старшина. Эй, мужики! По домам, по домам! Нюни распускать некогда. Эй, бабы!.. Марш! Еще успеете наплакаться. (Все толпясь, помаленьку, выходят. Старшина следит глазами).

Старшина. При полной аммуниции явиться. Эй, запасные! Сразу же в поход.

(Влас крупно шагает взад-вперед, рассуждая сам с собою. Потом идет к сундуку. Катерина стоит у стола, понурив голову).

Назар (подает старшине жбан). Отпей-ка, вот, пивца-то. Ох, господи.

Петр. Кушай-ка.

Старшина. Благодарим покорно. Не до пива тут... (Пьет).

Ванька. А женатиков берут, ай нет? Я женюсь.

(Старшина, не отрываясь от жбана, топает и трясет головой).

Петр. Берут... Не смотрят.

(Ванька утирает слезы, идет, понурив голову, к выходу).

Старшина. Пиво доброе. Этакая беда-то стряслась... А?

Ванька (возвращаясь). А как же коровы? Стадо-то? Нешто пастухов берут?

Старшина (кричит). А подь ты к корове на рога! Надоел!.. Берут.

Ванька (кричит). То-ись, как это берут?! Врешь!.. Нешто возможно взять человека, да с места и стащить. Нешто это порядок! У меня одних быков—пять штук в стаде. Это озорство! (Сквозь слезы). На-ка, выкуси, чтоб я пошел.

Старшина (грозно). Ты, парень, потише. (Смягчаясь). Да ведь тебя, дурня, никто и не тянет на войну-то. Гуляй пока, расти.

Ванька (в широкой улыбке). Ну? Ах, ты. Чего ж ты настращал-то как. Хы-хы-хы!.. Так, значит, гулять, конешно? (Убегая). Эй, бабы! Девки! Стой!..

Ну, ребята, пляшитё,
Не жалейте лапти-тё!.. (Скрывается в сенцах).

Влас (сердито кричит ему вслед). Эй, ты! Попой еще.

(В окно сияет молния, грохочет гром).

Все (крестятся). Свят, свят, свят...

Назар. Вот он, Илья-то пророк, батюшка. (Крестятся).

Варвара. Ильин день завсегда с грозой живет. Ой ты, Власушка ты наш...

Старшина. Ну, памятный день сегодня.

Варвара (утирая слезы). Из-за чего же это война-то, господин старшина, батюшка?

Старшина. Неизвестно. Стало-быть, цари не поладили чего-то.

Петр. Нас спрашивать не станут.

Влас (он роется в сундуках, разыскивая аммуницию. Сердито). Не станут? Вот то-то, что не спрашивают... Мы бы им...

Старшина. Наше дело маленькое.

Влас (еще более раздражаясь). Маленькое?! Они своими боками попытались бы... А то выпишут указ — народ иди! Эвот я, почитай, мальчишкой был в японскую-то войну. Реки корейские солдатскими телами прудили. Как трава под косой, народ ложился. И теперь то же самое? Где же правда-то? Где бог-то?!

Варвара. Забыл нас истинный Христос.

Петр. Забыл и есть.

(Молния. Гром).

Все (крестятся). Свят, свят, свят.

Назар. Не он нас, а мы его, батюшку, забыли... Свят, свят, свят... Варвара, зажги-ка богову свечу.

Варвара. Сейчас. (Зажигает). Свят, свят, свят.

Назар. А лампу-то прикрутить надо. (Тушит лампу. В избе полумрак).

Петр. Сила небесная. Эко громыхает как.

Влас. Погоди, еще не так громыхнет. Головы, как кочны, полетят с плеч. У-ух!

Старшина. Я пойду. Поздно уж. Нет ли дерюжинки какой накрыться? Дождь. (Варвара подает ему дерюгу). Прощайте пока. (Идет к двери). Дак, собирайся, смотри, Влас Петров. Время идет... Пожалуй, пора и в волость ехать. (Уходит).

(Варвара валится на кровать и воет. К ней подходит Катерина).

Влас (крупно шагает по избе). Черти!.. Ух, черти! Верно рабочие-то толковали: к чорту всех царей, тогда и войнам крышка. Ну, пошто народу друг с другом воевать? Земли, что ли, у врага мало стало?

Петр. Экие дела какие. Канитель какая... А?

Влас. А ежели тесно — приходи, живи у нас. То-ись, прямо не из-за чего стало бы народу драться. А это цари все, да графья с князьями. Да богачи-миллионщики. Тьфу! Вот ужо по всем церквам указ... «Мы, божьей милостью»... Милость! Нешто это милость?!. (Трясет рукой к божнице). Это окаянство... Попущение!

(Гром. Молния).

Варвара. Свят, свят, свят... Что ты, сынок, что ты?

Влас. Вина сюда! Водки! Водки! (Хлопает кулаком в стол и, повалившись головой, плачет. Семейные окружают его, Катерина и мать целуют в голову).

Петр. Не тужи, сынок, крепись.

Назар. Э, внучек, внучек... Болезный мой.

Катерина. Власушка, желанный. Родименький.

Варвара. Господи ты, господи. Светы мои дорогие. Сыночек мой ненаглядный... Ой...

Влас (приподнимая голову). Катеринушка, голубонька моя. Вот какая вышла у нас с тобой свадьба. Давно ли оженились-то?.. Эх, тяжко...

Катерина. Власушка!

Варвара. Сыночек родненький. Дитятко!

Петр. Бог даст, освободят еще.

Все (крестятся). Давай-то бог, давай-то бог.

Влас (встает). Кого, меня-то? Этакого-то? Медведя-то? Ну, батюшка с матушкой, — собирайте-ка меня. Один конец. (Безнадежно машет рукой).

Женщины (суетятся). Сейчас, сейчас... Ой, дитятко мое, дитятко.

Влас. Вот пришел с войны. Работать принялся.

Катерину себе высватал, женился... Да я бы и теперь этими ручищами чорта своротил. Я бы!.. Эх, да чего тут толковать. Только бы жить да радоваться... А вот...

Петр. Только бы жить да радоваться, сынок. Такая краля баба-то у тебя...

Влас. Ну, что поделаешь. Судьба велит.

Назар. Судьба. Это верно, что судьба. Ежели судьба допустит, жив-здоров будешь. Ну, а ежели...

Петр. Чего тут впредь загадывать. Бога пытать.

Влас. Нет, батюшка, чую... Вот тут чую, у сердца. (Варвара, прислушиваясь, бросается от сундука к сыну, валится на колени перед ним, плачет).

Петр. Ну, ты! Чего ты...

Влас. Встань, матушка, встань... Уймись. Теперь уж не поможешь. Царь велел. (Поднимает ее. С желчью). Царь велел!.. Бог попустил. (Трясет рукой).

Назар. Не вороши, внучек, господа, не вороши. Это людское дело. Не божье, людское. Обгадил себя весь мир, вся земля. Содом кругом, ненависть, всякий грех, распутство... Вот бог и наслал грозу. Оглянитесь, мол, люди, кто вы есть... Звери вы! По-звериному живете вы... Я мир вам проповедовал, я любовь вам проповедовал, а вы что. Вот ударю молнией и поражу.

(Молния. Гром).

Все (крестятся). Свят, свят, свят.

Влас. Я, пока что, сбегаю проститься с крестной. Да давайте-ка попрощаемся и с вами как след быть. А то живо подвода подкатит. Недосуг тогда. (Все подходят к нему).

Назар. Варвара, сними-ка образок Николы-угодника, христова.

Влас (берет Катерину за руки). Катеринушка, краса моя. Прощай... Не довелось нам с тобой пожить в мире да в согласьи... Прощай, родная. Прощай... Нет, нет—да и вспомни... В мыслях подержи меня... Влас, мол, у меня есть, супруг, мол, тяжко там ему... Да, да... Тяжко. (Задумывается). Ну, что же... Вот, голубка, бе-

лая моя лебедушка... Прощай. (Обнимает ее. Катерина плачет). Соблюдай себя. Одним венцом нас с тобой крыли, вокруг налою водили. Помни!

Назар (Власу). Становись-ка, милый внучек, на колени. Честь-честью надо благословить.

Влас. Постой минутку. (К отцу). Батюшка! Вот тебе жена моя... Береги... Береги... Больше ничего не скажу. Береги... Матушка, и ты тоже...

Петр и Варвара. Не сумлевайся. Что ты.

Влас. Ну, а теперь благословляйте... Эх, матушка! Жалко мне тебя. Дюже нездорова ты, хвораешь. Эх, не увидать мне тебя больше. Не хотел говорить, да уж... (Отвертывается, лицо скорбное).

Варвара. Коротки мои денечки, дитятко мое. Не себя жалко, участь твою жалко горькую. Дитятко, Власушка...

Назар. Никто, как бог.

(Влас опускается на колени, отец, мать и дед благословляют его, целуют).

Влас. Ну, пойду. Спасибо вам. Живите... (Направляется к выходу).

Назар и Варвара. Стой, стой!.. Нельзя за порог. Присядь... Садись, а то пути не будет. (Все кроме Власа садятся).

Назар. Да и помолись еще богу, Власушка, у родного образа...

Влас (останавливается). Богу? (Пауза). Что-то сердце не лежит молиться. Не охота, мол...

Митька-Смерть. Хо-хо-хо! Хо-хо-хо!

(Молния, грома не слышно. Все вдруг оборачиваются на хохот. Катерина вскрикивает и хватается за Варвару).

Влас. Митька, это ты? (Молчание).

Петр. Он самый.

Варвара. Что ты народ стращаешь? И без тебя тошнехонько.

Влас. Уходи!.. А то я тебя! Кого ты хоронить собрался?!

Назар (руку козырьком, шагает вперед на Митьку). Да кто это? Не видно ничего... Господи, помилуй. Свят, свят, свят.

Влас. Вон!.. (Схватывает с лавки сапог и швыряет в Митьку). Вон!..

(Митька с хохотом выхватывает из-под балахона гармошку, изо всех сил растягивает мехи и под оглушительные звуки орет диким страшным голосом).

У-а-а-а!.. Аааaа-Уаааaа!

У-а-а-а!.. Аааaа-уа-а-а! (Уходит).

(Сильный гром. Все крестятся, кроме Власа).

Назар. Господи, отведи грозу. Дай тихий час на землю нашу.

Занавес.

(ВЯЧ. ШИШКОВ—«Вихрь», драма в 4-х действиях).

II

ПОД ГРОХОТ ОРУДИЙ

СВЕТ

Однажды, когда мы тащили к месту ночлега солому, один из скромных товарищей моих подошел ко мне и спросил на ходу:

— Об'ясни ты мне, пожалуйста, почему это на земле исчезла справедливость. Я пошел проситься у капитана в отпуск, на который имел право, и показываю ему письмо, что так и так, тетка моя только что скончалась. «Это враки», говорит он мне. «Ну, подумал я про себя, это еще чище!» Так вот, ты мне и скажи. Почему, когда началась война, не началась также и настоящая справедливость для всех, ведь ее можно было устроить, потому что никто не сказал бы в тот момент: «Я не хочу». Почему все вышло как раз наоборот? И дело вовсе не только в том, что случилось со мною, а ты возьми крупных промышленников, которые зарабатывают, говорят, сотни лишних франков в день на этой бойне, да еще их шкура остается при них, и возьми ты франтов, что окопались в тылу, а сами вдесятеро здоровее этих дохлых запасных, которых не эвакуировали отсюда еще до нынешнего утра, и возьми ты кутежи по городам с красотками, жемчугами и шампанским, о которых нам рассказывал Жюссеран.

Я ответил, что полная справедливость невозможна, что нужно смотреть на всю совокупность вещей. Потом, сказав это, я смутился перед настойчивым, неумелым и определенным любопытством моего товарища, в одиночку искавшего света.

После этого случая я часто в те однообразные дни пытался собрать воедино свои мысли о войне. И не мог.

Кое-что я знаю наверное, и эта уверенность была у меня всегда. Но дальше я не знаю. И тут я полагаюсь на тех, кто руководят нами и представляют собою государственный разум. Но иногда я жалею, что возле меня уже нет такого наставника, каким был Жозеф Бонеас.

Вообще же, люди, окружающие меня,—за исключением тех случаев, когда затронуты их непосредственные интересы, да за исключением нескольких болтунов, которые вдруг пускаются излагать теории, с целыми абзацами из газетных статей, — равнодушны ко всем чересчур глубоким вопросам, касающимся сцепления увлекающих нас неизбежных бедствий. Помимо вопросов момента и, в особенности, вопросов личных, они мудро сознают свое неведение и свое бессилие.

Однажды вечером, когда я вернулся на ночевку в отведенную нам конюшню, солдаты, лежавшие вдоль и поперек на охапках соломы, долго разговаривали и все сошлись на одном. Кто-то из них сказал как бы в заключение:

— Раз все идут — и ладно.

Но Термит, свернувшийся клубком на общей подстилке, как сурок, не дремал. Он поднял свою косматую голову, задергался, словно попал в капкан, потряс болтавшейся на руке бляхой, колокольчиком и сказал:

— Нет, не ладно. Надо думать, но думать своими мыслями, а не чужими.

Поднялись оживленные лица, предвидя, что он пустится в свои бесконечные рассуждения.

— Тише, ребята, он сейчас заговорит о милитаризме! — возвестил один весельчак, прозванный Зябликом, — я уже отметил его бойкий ум.

— Вот взять хотя бы вопрос о милитаризме... — продолжал Термит.

Все засмеялись, глядя на лохматого карапузика, жестикулировавшего на темной соломе, произнося громкие слова, как на публичном собрании, и отбрасывавшего китайские тени на завешенном паутиной слуховом оконце.

— Уж не хочешь ли ты сказать, — спросил кто-то, — что боши не милитаристы?

— Понятно, милитаристы, — должен был признать Термит.

— Ну, что ж, вот тебя и загнали в угол,—поспешно вмешался Зяблик.

— А я, брат, — сказал один запасный, отличный служака, — я так далеко не забираюсь и не так хитер, как ты. Я знаю, что на нас напали, а мы только одного и желали, чтоб жить спокойно и в мире со всеми. Да вот, у нас в Крезе, например, я знаю...

— Знаешь! Ты ровным счетом ничего не знаешь! — Яростно завопил Термит.—Ты просто несчастная домашняя скотина, как и миллионы товарищей. Они нас собирают вместе, но раз'единяют. Они говорят нам, что хотят, или ничего не говорят. Они говорят: «вот что у тебя должно быть на сердце!.. Они...

Я вдруг почувствовал против Термита такое же глухое раздражение, как то, что некогда заставило меня обрушиться на его единомышленника Брисбиля. Я прервал его:

— Кто это они?

— Короли,—ответил Термит.

В эту минуту в серой дымке переулка, ведшего к конюшне, показался силуэт Маркасэна.

— Тише, старшой идет, заткни глотку,—добросердечно посоветовал один из присутствующих.

— Я не боюсь говорить то, что думаю!—заявил Термит, мгновенно понижая голос и ползком удирая сквозь солому, отделявшую соседнее стойло от нашего.

Опять посмеялись. Марга был серьезен:

— Всегда,—сказал он,—будут две породы людей, которые всегда и есть: бунтари и послушные.

Кто-то спросил:

— Чего ради он записался, этот дядя?

— Дома есть нечего было,—ответил запасный, выразитель общественного мнения.

Сказав это, старый солдат зевнул, оправил под собой солому и прибавил:

— Не надо унывать, а там пусть себе делают, что хотят. Особенно, раз что все равно по-другому нельзя.

Час был поздний, конюшня была раскрыта спереди и сбоку. Но воздух был не холодный.

— Кончились непогожие дни,—проговорил Ремюс.— Уж не вернутся.

— Пора!—отозвался Марга.

Растянулись локоть к локтю. Солдат в темном углу задул свою свечку.

— Поскорей бы кончилась война! — пробормотал Оранго.

— Хоть бы уважили мое прошение и перевели меня в самокатчики,—отозвался Марга.

Все смолкли, и каждый про себя повторил эту же большую смутную мольбу и какую-нибудь маленькую просьбу, подобную просьбе Марга. Спускавшаяся ночь тихонько окутала нас на соломе: веки наши смежились.

* * *

На перекличке начальник, уткнувшись носом в бумагу, произнес: «По приказу высшего командования». И стал бормотать имена солдат из полка нашей бригады, расстрелянных за ослушание. Список был длинный. В начале этого чтения кругом послышался слабый ропот. Потом, по мере того, как произносились имена, по мере того, как они толпой разливались вокруг нас, наступило молчание; это непосредственное соприкосновение с призраками казненных повеяло на нас ужасом и заставило поникнуть головой.

(Из романа А. БАРБЮСА «Свет»).

ПЕСНЯ ОБ ОТПУСКНОМ СОЛДАТЕ

Батальонный встал и сухой рукой
Согнул пополам камыш:
— Так отпустить проститься с женой,
Она умирает, говоришь.
— Без тебя винтовкой меньше одной,
Не могу отпустить — погоди:
Сегодня ночью последний бой,
Налево кругом, иди. —
Пулемет задыхался, хрипел, бил,
И с флангов летел трезвон.
Одиннадцать раз в атаку ходил
Отчаянный батальон.
Под ногами утренних лип
Уложили сто двадцать в ряд.
И табак от крови прилип
К рукам усталых солдат.
У батальонного по лицу
Красные пятна горят,
Но каждому мертвецу
Сказал он: спасибо, брат.
Рукою острее ножа,
Видели все егеря,
Он каждому руку пожал,
За службу благодаря.
Пускай гремел их ушам
На другом языке отбой,
Но мертвых руки по швам
Равнялись сами собой.

— Слушай, Денисов Иван,
Хот ты уж не егерь мой,
Но приказ по роте дан—
Можешь итти домой. —
Умолкли все—под горой
Ветер как пес бежал.
Сто девятнадцать держали строй,
А сто двадцатый встал.
Ворон сорвался, царапая лоб,
Крича, как человек.
И дымно смотрели глаза в сугроб
Из-под опущенных век.
И лошади стали трястись и ржать,
Как будто их гнали с гор,
И глаз ни один не смел поднять,
Чтобы взглянуть в упор.
Уже тот ушел на восток,
Не оставив на льду следа,
Сказал батальонный, коснувшись щек:
— Я, кажется, ранен. — Да.

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ.

ДЕЗЕРТИР

Часовой усталый уснул,
Проснулся, видит — в траве
В крови весь караул
Лежит голова к голове.
У каждого семья и дом,
Становись под пули, солдат,
А ветер зовет: уйдем,
А леса за рекой стоят.
И ушел солдат, но в полку
Тысяча ушей и глаз,
На бумаге печать в уголку,
Над печатью—штамп и приказ.
И сказал женщине суд:
— Твой муж трус и беглец,
И твоих коров уведут,
И зарежут твоих овец.
А солдату снилась жена,
И солдат был сну не рад,
Но подумал: она одна,
И вспомнил, что он—солдат.
И пришел домой, как есть,
И сказал: отдайте коров
И овец иль овечью шерсть,
Я знаю все и готов.
Хлеб, два куска
Сахарного леденца,
А вечером сверх пайка
Шесть золотников свинца.

Н. ТИХОНОВ.

МУЖИК

Начались дни тяжких переходов.

Сражались мало, все больше ходили.

Солдаты к вечеру угрюмели от усталости,—искали, на ком бы сорвать злобу.

— Попадись теперь австрияк, — зубом бы заел.

Раз отряд шел целый день, преследуя уходящего врага.

К вечеру стало известно, что враг, или, как говорят солдаты, «он», остановился.

И, как вода в запруде, стали собираться роты и полки.

Рота, где был Пильщиков, расположилась подле леска.

Только содаты поужинали, вдруг из избы толстоусый фельдфебель, тот самый, которого все в полку втихомолку звали Сазаном.

— Ребята, кто нынче в разведку?

Притаились все, с'ежились, и сразу угас смех.

— Пильщикову, Пильщикову надо итти, — загалдели солдаты.

Обрадовались, что нашлось, на кого свалить.

И часу не прошло, — Пильщиков вышел за лесок, прошагал с полверсты полем за сторожевую цепь и попер в тьму, дальше.

Где-то вправо есть бугор, невидимый теперь во тьме, и ротный приказал узнать, занимает ли его неприятель, или нет.

Шел просто, пригибаясь, слушая.

Искал межу.

Пильщиков почувствовал, что он теперь один. Один перед этим небом, усеянным звездами, перед этой тьмой.

Страх поднял волосы на его затылке.

Болтали солдаты, что земля каждую ночь плачет.

Верил, что земля на самом деле плачет. Да и как ей не плакать. Ведь в каждый бой тысячами гибнет крестьянский люд.

Земля гудела ровно и глухо.

— Плачет матушка. Плачет землица.

Любовно он глянул в тьму, растроганный.

Вдруг странный звук поразил его слух. Будто машина пыхтела где-то далеко. Пильщиков остановился и стал слушать. Вслушиваясь, он осторожно полз дальше. Звук становился сильнее. Вот где-то здесь он начинается, будто в этой траве, растущей на склоне холма...

— Батюшки, да ведь это храпит кто-то.

Все внутри у него метнулось. Весь напрягся, слушая. Да, теперь ясно: храпит кто-то.

Пильщиков осмелел. Он уже прямо шел к спящему.

Вот «он». Весь тут. Руки разбросал, голова запрокинулась. Пильщиков потянул носом незнакомый запах.

— Австрияк. Наши так не пахнут.

Винтовка и ранец из кожи лежали сбоку. На винтовке штык-нож. Пильщиков потянул винтовку к себе. Теперь враг был безоружен.

Здоровый австриец. Рот раскрыл, а в горле будто телега едет и тарахтит.

— Умаялся. Тоже, поди, достается.

Не торопясь он надел на себя ранец и взял в правую руку винтовку австрийца, а в левую свою винтовку и осторожно пошел назад, довольный.

Ног под собой не чувствовал Никифор, когда шел к ротному.

И все лицо блестело, как блин скоромный.

— Видел.

— Так точно, ваше бродь. Видел. Тот бугор-то, что вы мне показывали...

— Ну?

— Там на нем австрияк. Вот винтовку и ранец забрал.

— Та-ак,—протянул ротный.—А самого-то австрийца нельзя было живьем привести?

— Никак нет.

— А чем ты его, врага-то, прикончил?

— Вот ранец и винтовку взял у него.

— Ну да, это так. А с самим-то с ним что ты сделал?

— А он там остался.

— Я знаю, что там остался. Но чем ты убил-то его?

Пильщиков широко открытыми удивленными глазами посмотрел на офицера.

— Ты же убил его?

— Никак нет.

— Как так? Ты его не тронул?

— Да он же спал, ваше бродь.

— Ну, так что же, что спал, чорт тебя побери!—вдруг закричал офицер. — Ты должен был убить его. Раз нельзя взять в плен, надо убить. Он кто тебе? Брат родной? Или отец твой?

— Никак нет.

— Так почему же ты не убил?

— Да я же говорю... Он же спал, ваше бродь.

И показалось Пильщикову, что офицер не все понял, — об'яснить надо.

— Ваше благородие, австрияк-то спал... храпел... умаялся, должно. Ежели б он не спал, я бы его в полон взял, аль бы поранил. А то он спит и храпит. Здорово так храпит.

Офицер пристально посмотрел на Пильщикова.

И вдруг поползла, поползла улыбка по губам офицера.

— Ах, ты, урод этакий! Какой ты воин? Ты мужик. Пошел вон...

Повернулся Пильщиков налево кругом, вышел, полный недоумения. И, отойдя от избы, сказал вслух, по привычке, ни к кому не обращаясь:

— Главное дело, спал он. И при том же храпел...

(По рассказу А. ЯКОВЛЕВА «Повольники»).

ПРОБУЖДЕНИЕ

В армии французов в годы войны

— Вот она, война!

— Да, вот она, война,—повторяет солдат далеким голосом.—Война, а не что-нибудь иное.

Война состоит из плоти и из души простых солдат. Это мы образуем долины смерти и реки крови, мы все, из которых каждый невидим и безмолвен, благодаря тому, что нас неисчислимо много. Опустевшие города, разрушенные деревни, эти пустыни—тоже мы. Да, это все мы, и мы все целиком.

— Народы борются теперь за то, чтобы не иметь господ, которые ими управляют. Эта война — это славно продолжающаяся французская революция.

— Народы, это ничто, и это должно быть всем,— сказал вдруг мой сосед.

И этот солдат, уцелевший в беде, на четвереньках, на грязной земле, поднял свое лицо прокаженного и с жадностью смотрел перед собой, смотрел в бесконечность.

Он глядел и глядел.

— Народам столковаться бы между собой через шкуру и брюхо тех, кто их эксплоатирует так или иначе. Все массы людские должны были бы столковаться между собой.

— Все люди должны бы стать равными.

Это слово как будто пришло на помощь.

— Равными... Да... Да... Есть великие идеи справедливости и истины. Есть вещи, в которые веришь, к которым обращаешься, как к источнику света. И первое, это — равенство.

— Это также свобода и братство.

— В первую голову — равенство.

Это люди из народа, собравшиеся здесь, предвидят, но еще не знают, что за революция, более великая, чем прежняя, источником которой являются они сами, грядет теперь, подступает к самому их горлу, и они повторяют:

— Ра-вен-ство...

— В таком случае, раз народы желают справедливости и раз народы—сила, пусть же они осуществят их.

— Они уже начинают, — произнесли чьи-то темные уста.

— Дело клонится к этому,—заявил другой.

— Когда все люди сделают себя равными, они будут вынуждены об'единиться.

— И не будет перед лицом неба ужасных вещей, сделанных на войне тридцатью миллионами людей против их воли.

— Будут себя спрашивать,—говорит кто-то:—В конце концов, чего же ради вести войну? Для чего—никто не знает; но для кого—это можно сказать». Целые народы идут на бойню, построившись армиями, стадами, для того, чтобы люди в золотых погонах вписали свои барские имена в историю, для того, чтобы люди золота, которые прнадлежат к той же касте в погонах, устраивали свои делишки в интересах своих особ и своих лавок. И, когда люди откроют глаза, они увидят, что нет разделения между народами, а между классами, между господами и рабами.

— Слушай, — прервали его внезапно.

Мы умолкаем. Слышен вдали грохот пушки. Там грохот потрясает воздушные слои, и эта далекая сила слабо отзывается в наших ушах, между тем, как вокруг нас наводнение продолжает пропитывать землю и медленно захватывать высоты.

— Опять начинается...

А. БАРБЮС.

ЛИБКНЕХТ!..

Где враг? Он оставил тела мертвых, повсюду мы видели ряды пленных; вон там еще и сейчас тянется цепь их, монотонная, бесконечная, словно струя дыма на мутном небе. Но ядро армии, повидимому, скрылось вдали. Несколько снарядов, выпущенных ими, неуклюже падают около нас; мы смеемся над ними. Мы свободны, мы спокойны, мы одни в этой своеобразной пустыне, где безмерность трупов ведет к одному ряду живых.

Наступила ночь. Пыль исчезла, но она уступила место сумрачной мгле, нависшей над толпой, растянувшейся в длину. Люди начинают сходиться ближе, усаживаются, встают, ходят, опираясь или держась одни за других. Образуют группы, садятся на корточки между землянками, входы в которые завалены грудами трупов. Некоторые поставили ружья на землю, и бродят так у концов рва с пустыми руками; вблизи видишь их почерневшие лица, исполосованные грязью, с воспаленными глазами.

Они почти не говорят, но начинают искать друг друга.

В темноте выделяются силуэты санитаров, которые ищут, наклоняются и затем двигаются вперед, взявшись по двое за свою длинную ношу. Там, направо от нас, раздается стук кирки и лопаты.

Мы созерцаем тени идущих и тех, что сидят неподвижно, склонившись, свернувшись в различных позах,

К. ЛИБКНЕХТ—мобилизованный

словно чернильные пятна, на сером фоне неба, вдоль всего разрушенного бруствера. В темноте они кажутся маленькими, как насекомые или червяки; и странно сумрачны их движенья среди окутанных мглою, умиротворенных полей, где блуждают отдельные солдаты, где застаиваются целые города солдат, поверх безмерных и глубоких гробниц, городов мертвых.

Две темные фигуры проходят в нескольких шагах от нас, разговаривая вполголоса.

— Ты понимаешь, старина, что, вместо того, чтобы слушать его, я всадил ему штык в живот так, что насилу мог его потом вытащить.

— А я, — их было четверо в землянке, — я позвал их, чтобы заставить их выйти; по мере того, как они выходили, я приканчивал их. Руки у меня были по локоть в крови. До сих пор рукава клеятся.

— Да, — сказал снова первый, — когда будешь рассказывать впоследствии, если только вернешься, своим, там, дома, у очага, у зажженной свечи, кто этому поверит? Разве это не ужасно, скажи-ка?

— Ну, я на это плюю, лишь бы вернуться, — отвечает другой, — только бы скорей конец.

Бертран обычно говорит мало, и никогда о самом себе. Но на этот раз он произносит:

— Я имел дело с тремя. Я бил, как безумец. Эх, все мы были зверьми, когда добрались сюда.

Его голос подымается, сдержанно дрожа.

— Это было нужно, — говорит он, — нужно для будущего.

Он скрещивает руки и качает головой.

— Будущее! — восклицает он вдруг, с видом пророка. — Какими глазами те, кто будет жить после нас, те, чье сознание будет находиться в равновесии, благодаря прогрессу, неизбежному, как судьба, какими глазами будут они глядеть на эти убийства и на эти подвиги, относительно которых даже мы, совершающие их, не знаем, с чем сравнить их, — с деяниями героев Плутарха и Корнеля, или с подвигами апаша?

— И все же, — продолжал Бертран, — гляди! — Нашлось одно лицо, которое поднялось выше войны и которое будет блистать своей красотой и величием своего мужества...

Я слушал, опираясь на палку, наклонившись к нему, подбирая звуки его голоса, который теперь, в безмолвии сумерек, исходил из этого обычно безмолвного рта. Он вскричал ясным голосом:

— Либкнехт!

Он выпрямился, по-прежнему со скрещенными на груди руками. Его красивое лицо, глубоко серьезное, как у статуи, поникло на грудь. Но он еще раз выходит из своей мраморной неподвижности и повторяет:

— Будущее! Будущее! Делом будущего будет стереть это настоящее, стереть его больше, чем это думают, стереть его, как что-то отвратительное и постыдное.

(А. БАРБЮС. «В огне»).

ЛИБКНЕХТ ПОД ВОЕННЫМ СУДОМ

1. Из письма в военный суд

Государственая измена для международного социалиста—полнейшая бессмыслица. Он не знает «неприятельской» державы, об оказании помощи которой он мог бы даже помыслить. Он также революционно настроен против иностранного капиталистического правительства, как и против своего собственного. Не неприятельской державе оказать содействие, но в международном контакте с другими социалистическими силами других стран нанести удар всем империалистическим державам без исключения,—вот в чем квинт-эссенция его стремлений.

Во имя международного пролетариата он борется с международным капитализмом. Он нападает на него там, где он его находит и где может нанести верный удар. В своей собственной стране борется он во имя международного пролетариата, против собственного правительства, собственных господствующих классов, как представителей международного капитализма.

В этом диалектическом процессе, в национальной классовой борьбе против войны осуществляется международная классовая борьба против войны.

В этом заключается смысл слов Жореса, взятых мною эпиграфом к моей статье от конца марта 1915 г.: «Классовая борьба против войны».

Если бы, например, германские социалисты стали бороться против английского правительства, или английские против германского, то это было бы похоже на фарс или на что-нибудь худшее. Кто нападает на врага, на

империализм, не в лице его представителей, стоящих непосредственно перед ним, но в лице тех, которые находятся от него на расстоянии пушечного выстрела, да к тому же с одобрения и поощрения собственного правительства (т.-е. непосредственно стоящих перед ним представителей империализма),—тот не социалист, а жалкий агент господствующих классов. Такого сорта политика есть только подстрекательство к войне; это не классовая борьба, а нечто ей совершенно противоположное.

(«Письмо в военный суд от 8 мая 1916 г.»).

2. Защита Либкнехта перед военным судом

Подсудимый. Каторжная тюрьма! Лишение чести! Прекрасно! Ваша честь—не моя честь! Но я вам скажу, что ни один генерал не носил с такой честью свой мундир, как я буду носить каторжную куртку!

Я нахожусь здесь, чтобы обвинять, а не оправдываться.

Не гражданский мир, а гражданская война—вот мой лозунг! Долой войну! Долой правительство!

Представитель обвинения возбужденно жалуется на нападки против себя со стороны обвиняемого и ссылается на народ, который, по его мнению, осудил бы обвиняемого.

Подсудимый. Припомним: представитель обвинения обозвал меня бесчестным, он предлагает шесть лет и несколько месяцев каторжной тюрьмы и десять лет лишения чести. Я ему посвящаю лишь несколько слов слишком справедливой критики, а он, назначивший мне шесть лет каторжной тюрьмы и десять лет лишения чести—безделица!—выходит из себя. Представитель обвинения призвал против меня народ. Эй, не делайте этого только на словах, только при держании под десятью замками, которые прячутся от народа! Снимите же с народа тиски и ручные кандалы осадного положения. Созовите народ сюда, созовите солдат с поля сражения!

И дайте нам выступить перед собравшимися.—На одной стороне, вы все, весь суд, представитель обвинения и те господа из генерального штаба, военного министерства и бюро военной прессы, и еще кто хотите. На другой стороне,—я один или один из моих друзей. На чьей стороне окажется народная масса, когда с ее глаз будет сорвана завеса обмана, на вашей или на моей? У меня сомнения нет!

Подсудимый восклицает: Долой правительство! Долой войну!

Представитель обвинения предлагает закрыть двери при оглашении мотивов приговора.

Подсудимый. Действительно, у вас имеются все причины для избежания гласности!

(Двери были закрыты для обсуждения предложения).

(Из сборника «К. Либкнехт, его жизнь и борьба»).

ПОСЛЕ БИТВЫ НА МАРНЕ

Солдат Кеменер умирал... Вокруг его койки стоял отвратительный запах... Даже его крики приобрели какой-то гангренозный оттенок.

Он извивался всем телом своим, бурно и бешено, словно изрезанный на части земляной червь.

Он, казалось, полз за своей ампутированной рукой. Его ноги были раздвинуты огромной ватной перевязкой, в которую сочился гной из ужасной раны в половых органах, истерзанных осколком снаряда.

Через каждые шесть часов срезали перевязку, твердевшую от крови, и, под лучами солнца, среди жужжавших вокруг мух, брызгали водой на неимоверно распухший и почерневший орган, от которого отсекали скальпелем омертвевшие куски ткани...

Душный вечер, чуть-чуть освежаемый легким ветерком.

Вдали, на позициях, грохочут пушки, гул которых оптимисты принимают за гром...

Голоса. Стук сапог. Приносят раненых. Куда их положить? Открывают последний пустой зал.

— Это англичане, подобранные в Вилле-Котерэ,—говорит санитар.

Приходит хирург.

Молчаливо осматривает простреленную насквозь ляжку одного из раненых. Пуля раздробив кость, вышла наружу, разорвав мускулы и оставив после себя зияющую зловонную воронку.

— Скажите ему, что с ногой у него дело дрянь...

— Он говорит, что лучше ее отрезать, что это не важно.

— Он прав. Беднята... Снесите его в хирургическую...

В операционном зале—деловая и словно стерилизованная атмосфера.

Англичанин засыпает, хрипло выкрикивая, под пропитанным хлороформом носовым платком, отрывистые слова команды.

Врач надрезает скальпелем, сверху донизу, зачерненную иодом ляжку и обнажает бледно-зернистую жировую ткань; потом он вонзает нож глубже, до лилового пучка мускульных волокон, и маленькие артерии бьют крохотным фонтаном, обрызгивая багровыми точками блузу хирурга и мою.

Я держу ногу.

Передо мной стоит ведро, куда я ее брошу...

Вдруг на соседних дворах раздаются дикие крики.

До нас доносится могучее храпение и тяжелый полет аэроплана, а вслед затем—отдельные ружейные выстрелы, которые сейчас же заглушает трескучая и равномерная пальба бешено стреляющих митральез.

Хирург поднимает на секунду свой нож.

— Щипцы Кохера.

Бегут за инструментом...

Страшный взрыв. Все пляшет и трясется в прозрачных шкапах. Оконные стекла лопаются. Врач делает знак, что ждет щипцы.

Он захватывает ими маленькую артерию, направляет Кохер на другие, уже висящие на туловище, жилы и, продолжая резать, отделяет большой пучек кровеносных сосудов.

— Кэттут два.

Он перевязывает артерии и отсекает, одним ударом, остаток лиловых мышц...

Пила скрипит по кости, но не берет ее. Хирург весь в поту.

— Другую...

Бросаются за пилой.

...Я тяну ногу—и тяжелая, мягкая масса падает мне в руку. Из ведра торчит грязная желтая конечность, обвитая красно-синими от крови и иода бинтами...

— Подите-ка узнайте, Гораций, — спокойно говорит хирург,—не повредила ли бомба здание.

На кроватях разговаривают больные.

— Скоты... Не дали даже времени захватить и пожитки...

— А мы не успели взять весь табак с фабрики в Вузье... Мы плавали, дружище, в табаке, а потом все побросали в дороге... И все досталось немцам...

— Почему неприятель заставил нас уйти с левого берега Самбры, чтобы потом опять отдать его нам?..

— Да, это был смелый человек...

— А нас подвела карта... Наш поручик, кажется, неособенно в ней силен... Смотрел, смотрел, а в результате мы три раза обошли один лес, так что целых три часа перестреливались со своим же 306-м полком... Меня хватило осколком в ляжку...

— Нас заперли на два дня в загаженном пометом вагоне для скота,—сказал солдат с раздробленной рукой, лежавший справа от Кеменера: маленький бородатый человек, грязный, улыбающийся и наивный.—Это было ужасно. Нас было четверо, но когда санитары о нас вспомнили, то нашли в живых только двоих—меня и еще одного... Двое других умерло... А у одного была не очень серьезная рана: разбита нога осколком снаряда.. Но его так плохо перевязали, что он истек кровью и пропал... Перед смертью он так смешно кричал...

— На меня сегодня нацепили медаль,—сказал унтер, у которого утром отрезали обе ноги.—Спасибо им. Это значит, что меня хватит не надолго. Как вы думаете?

Никто ему не ответил.

В наступившей тишине снова послышались резкие стоны, хрипенье в легочных ранах и плач более нервных больных.

А на другом конце зала раздавался короткий равномерный свист, выходивший из утратившей всякое чело-

веческой подобие гнойной головы, глаза и нос которой, скрытые за раздувшимся мясом, имели вид глубоких впадин. Из отверстия кровавых губ безостановочно сочилась розовая слюна.

Это был человек, раненый в лицо и в горло.

Он сделал мне знак рукой. Я подошел. Он написал в записной книжке: «Неужели вам так трудно впрыснуть мне морфия?».

— Ведь это продолжается уже 3 дня, я в тягость и другим и самому себе...

(В. ЛЕФЕВР и ВАЙЯН КУТЮРЬЕ
«Солдатская война»).

ТЫЛОВЫЕ СВИНЬИ

Генерал завтракал в ресторане Штифтера каждый день. Руфь в это время была занята в своей народной столовой, а сидеть одному дома в пустой столовой... нет. Днем она была еще неуютней, чем вечером, и мертвенно тиха... В ресторане, по крайней мере, было людно и шумно, как раз настолько, как это бывает за столом в порядочном доме, где есть детская,—успокаивающий, благодатный шум. Серебро звенело... Здесь, в этой нише, за остролистником, генерал почувствовал себя скрытым от людской назойливости. Только иногда проникал чей-нибудь любопытный взгляд сквозь зеленые листья, чтобы затем тотчас почтительно скрыться.

Ресторан Штифтера не был обычным рестораном, это был храм еды. Цветные церковные окна, полусвет и толстые ковры... Процесс еды принимал здесь форму религиозного культа. Кельнеры шептали торжественно, как священники на исповеди... Между заведением и его посетителями словно состоялось молчаливое соглашение: заведение обязывалось кормить своих гостей сытно и здорово во все время войны, за что гости, в свою очередь, обещали молчать и платить. Здесь бывали почти исключительно одни и те же лица. По большей части важные сановники, чтобы набраться новой энергии для изнуряющей работы, и богатые помещики, приезжавшие из своих имений в Берлин и знавшие кухню ресторана. Иногда случайно попадал сюда и подозрительный элемент: но тотчас же появляется метрдотель... к сожалению, все занято, господа.

Словно орган гудел низкий бас метрдотеля, ближе, чем то осмелился бы сделать какой-либо смертный, склонялся он к красному уху генерала.

— Бульон с мозгами или клецки, ваше превосходительство?

«ОБ'ЯВЛЯЕМ войну мы»...

— Клецки! Прекрасно.

— Куриные котлетки, ваше превосходительство? Сегодня постный день, но, конечно, только для наших постоянных гостей, — шатобриан. Получено случайно немного икры, разрешите подать порцию, не справляясь с ценой.

Генерал одел золотое пенснэ и посмотрел на человека во фраке:

— Вы говорите?

— Да, через Финляндию. Русский мир уже приносит пользу. Вы видели флаг на русском посольстве, ваше превосходительство? Нет? Сегодня первый раз вывесили. Пудинг или камамбер?

— Камамбер.

— Слушаю, ваше превосходительство. Вино я уже приготовил. Слушаю.

...Напротив сидели два ротмистра. Коротко остриженные круглые головы в наростах, здоровые лица, розовые жирные затылки, — то были типичные «тыловые свиньи», не слыхавшие даже свиста пуль. Ничего генерал не ненавидел так, как все, что называлось тылом. К тому же на груди они носили ленточки от орденов в аршин длиною. Они не стеснялись надевать полумесяц, хотя никогда не видели Турции. Этого ордена не было даже у генерала. Они постоянно шушукались, постоянно хихикали, постоянно наполняли стаканы и золотые браслеты блестели на их волосатых руках. Они выказывали уважение к генералу, но в меру, как люди одного круга. Генерал презирал их до глубины души. Метрдотель уже стоял перед ним с горящей свечей. «Пожалуйте сигару,

«ИДЕМ на войну мы!»

ваше превосходительство». Слава богу, оба молодца отправились. Генерал с удовольствием откинулся в кресле.

«Да, а как же конский состав?»—спросил его какой-то скептический голос. День и ночь генерал был погру-

жен в проблемы войны. Вынесут ли лошади новое наступление?

«Лошади отдохнули, хорошо откормлены и выхолены»,—отвечал второй уверенный голос.

Снова покой, снова божественное погружение в ничто. Генерал исчез в дыму гаванны...

(Из КЕЛЛЕРМАНА «9-ое ноября»).

ОНИ ТОЖЕ ПРИНОСЯТ ЖЕРТВЫ...

В квартире председателя с'езда земских начальников было первое собрание дамского благотворительного кружка. Громадная висячая лампа освещала столовую. Тяжелел в углу дубовый буфет. Масляные картины, изображавшие живность, тянулись по стенам в золотых рамках. На белоснежной с голубыми каймами скатерти сердито бурлил никелированный самовар. Вазочки были полны вареньем. Пухлые столбики печенья желтели в цветных обложках.

Сама хозяйка, Юлия Петровна, высокая молодящаяся дама в локонах, сидела за самоваром. Человек шесть дам из местной интеллигенции пили чай и вели оживленную беседу. Разговор вертелся около хозяйства и мелких семейных вопросов.

— Как дорожает все! — в ужасе говорила казначейша, молодая бойкая дама. — Спрашиваю курицу: рубль двадцать! Вы не поверите, голубушка, я прямо так и ахнула!

— Ужасно, ужасно! — тряхнула хозяйка локонами.

— Телятина — сорок, головка — рубль, вымя... что такое вымя? Вымя — сорок пять. Это грабеж среди бела дня! Я исправнику Павлу Петровичу так и сказала: «Это грабеж среди бела дня!»

— Ужасная дороговизна, — поддержала казначейшу соседка. — Я говорю: война-то вот где нам сидит! — дотронулась она до шеи. — Не мешало бы позаботиться и о нас, кому следует...

В столовую вошел хозяин, плотный стриженный мужчина в щегольском пиджаке.

— Добрый вечер, добрый вечер! — на ходу говорил он сочным низким голосом и прикладывался к ручке. — Ну, как наши дела, наши бедные герои? На чем остановилось ваше просвещенное внимание?

— Мы, Серж, еще не начинали, — улыбнулась жена. — В это ужасное время видишься так редко. Накопилась масса впечатлений по своим женским маленьким делам: хозяйство, кухня, дети...

— Ах, я прямо изнервничалась за эту войну! — кокетничала с хозяином казначейша. — Поверите, Сергей Геннадьевич, ни минуты покоя!

— Да, господа, это священный долг каждого из нас — и мужчин и женщин. Родина — прежде всего! — хозяин поднял палец с крупным золотым кольцом. — Каждый по своим силам! Мы, мужчины, — организаторы. Да-с, мы организуем победу. «Все для победы», это — страшные слова!

— Да, Серж, мы перейдем в гостиную и займемся делом.

— Великолепно! Позвольте откланяться! — расшаркался хозяин. — Уверен, что прекрасные дамские ручки смогут сделать для защитников родины не меньше, чем наши грубые рабочие руки.

И, раскланявшись, он твердой походкой вышел из столовой.

— Нам нужно, мэдам, решить: в чем же должна выразиться деятельность нашего кружка? — открыла Юлия Петровна собрание.

— Да, да, необходимо, и сейчас же, здесь же! Каждый час, каждая минута, я скажу больше: каждая секунда — это лишнее мученье солдатикам.

— Мы устраивали сбор, который дал нам... — председательница заглянула в маленькую, с золотым обрезом, записную книжечку. — Дал... 532 рубля 47 копеек. Сумма, как видите, не малая, другие города дали значительно меньше...

— Да, да... — перебила опять казначейша: — сумма громадная! Но нужно еще и еще и, я сказала бы, еще раз еще!

— Но у нас ведь на очереди спектакль и лотерея...— заметила жена товарища прокурора. — Я положительно не успеваю. Целыми днями не вижу детишек: репетиция — собрание, собрание — репетиция. Мы делаем, что можем.

— Но, господа, нужда так велика!

Все заволновались, заговорили разом.

На следующий день казначейша встретила на улице Ольгу Петровну Чубарову.

— Голубушка, родная! — бросилась она обниматься. — Сокровище мое, да как же я давно не видала вас! Тоскуете, плачете? Не надо, цветочек мой, надейтесь на милость божию! — она часто замигала. — А у нас новость: дамский кружок — я, Юлия Петровна, и другие там, мы открыли мастерскую солдатского белья. Каково, а? Первые, первые!

— Да, душечка, что ж поделаешь? Будем страдать, будем шить белье, щипать.. как ее?.. ну, эту... Пушечка, да скажи же, что это на войну щиплют? — обратилась она к вошедшему мужу.

— Корпию, Мушечка.

— Корпию, корпию. Будем щипать корпию. Я заставлю щипать корпию моих детей. Дети! — крикнула она в детскую.

Выбежало пять девочек.

— Дети, завтра мы будем щипать корпию. Вы согласны?

— Да-да, — закричали, ничего не понимая, ребятишки и повисли на матери.

— Ну, идите к себе. Ах, Пушечка, ну, почему у нас так мало детей? Мы бы заставили всех щипать корпию...

(Из «Чаши скорбной»—ТИМОФЕЕВА).

ЗАВТРА

Тятька вернется на зорьке,
Весело будет в избе,
Будет с усмешкою горькой
Он говорить о себе.
Выставит ногу—отрубок
Жаркому дню напоказ,
В хате запакленной любо
Слушать диковинный сказ.
Будет охотно дивиться
Жутким рассказам народ.
Только жены белолицой
Грусти никто не поймет!

П. ОРЕШИН.

ДАМА В ЗЕЛЕНОМ

Я не могу об'яснить вам, почему я любил Рабо. Каждое утро, бегая взад и вперед по палате для выполнения служебных обязанностей, я замечал Рабо, вернее, голову Рабо, еще точнее: глаза Рабо, спрятанного в беспорядке простынь. Он несколько походил на морскую свинку, укрывшуюся под соломой и с тревогой следящую за вашими движениями.

Проходя мимо Рабо, я всякий раз подавал ему дружеский знак: я резко закрывал левый глаз и сжимал губы. Глаз Рабо тотчас же закрывался в свою очередь, и на его увядшем больном лице появлялись борозды тысяч мелких морщин. Это было все: мы обменялись нашими приветствиями и нашими признаниями.

Рабо никогда не смеялся. Он вырос в воспитательном доме, и легко было догадаться, что в детстве ему не удалось вдоволь напитаться молоком кормилицы: потом, ведь, не удастся наверстать потерянного!

Рабо был рыжеват, с бледным лицом, испещренным оспой. У него было так мало ума, что он одновременно походил на кролика и на птицу. Обратится только к нему кто-нибудь, как нижняя губа его начинала трястись, а подбородок с'еживался, точно орех. Нужно было прежде всего об'яснить ему, что его вовсе не собираются бить.

Бедный Рабо! Много бы я дал, чтобы увидать, как он смеется. Все, напротив, складывалось так, чтобы заставить его плакать: тяжелые, бесконечные перевязки, возобновлявшиеся каждый день, в течение месяцев; необходимость лежать неподвижно, мешавшая ему играть с

товарищами. Но, кроме того, Рабо ни во что не умел играть и почти ничем не интересовался.

Кажется, только я один стал к нему несколько ближе: как я уже сказал, заключалось это, главным образом, в том, что, проходя мимо его кровати, я закрывал левый глаз.

ЖОРЖ ГРОСС.

«Мое дело воевать—твое грабить»...

Рабо не курил. Когда раздавали папиросы, Рабо брал свою часть и на короткое мгновение играл ими, двигая большими, худыми пальцами, изуродованными за долгое лежание. Пальцы больного труженика—некрасивое зрелище: едва они теряют свои твердые ногти и крепкий вид—они уже ни на что ни похожи.

Я думаю, Рабо очень хотелось бы предложить эти хорошие папиросы своим соседям: но говорить—так трудно, особенно, когда даешь что-нибудь кому-нибудь. И папиросы покрывались пылью на полке, а Рабо продолжал лежать на спине, тонкий и прямой, точно маленькая соломинка, унесенная потоком войны и ничего не понимающая во всем, что происходит.

Однажды штабной офицер вошел в палату и направился прямо к Рабо.

— Это он и есть? — сказал он: — прекрасно! Я принес ему медаль и крест за храбрость.

Он дал Рабо подписать маленькую бумажку и оставил его наедине с его игрушками. Рабо не смеялся: он положил коробку перед собою, на простыню, и глядел на нее с девяти часов утра до трех часов пополудни.

В три часа офицер вернулся и сказал:

— Я ошибся, произошло недоразумение. Эти знаки отличия не для Рабо, а для Рабу.

Он взял футляр, разорвал расписку и ушел. Рабо плакал с трех часов пополудни до девяти часов, когда он уснул. На другой день он начал плакать с утра. Господин Госсен—очень добрый начальник. Он отправился в штаб и вернулся с медалью и крестом, как две капли воды схожими с прежними: он даже дал Рабо подписать новую бумажку.

Рабо перестал плакать. Но на его лице осталась тень, тень недоверия, точно он опасался, что когда-нибудь у него опять отнимут его игрушки.

Прошло несколько недель. Я часто всматривался в лицо Рабо и пытался представить себе, как бы он изменился, если бы стал смеяться. Но мечты мои были тщетны: было ясно, что Рабо не умел смеяться и что лицо его не было создано для смеха.

И тогда-то и явилась дама в зеленом. В одно прекрасное утро она вошла в одну из дверей, как все люди. Но она не походила на всех: она была, точно ангел, точно королева, точно кукла. Она не была одета, как сестры милосердия, работающие в палатах, или как матери и жены,

что приходят навещать своих раненых детей и мужей. Она даже не походила на дам, которых встречаешь на улице. Она была гораздо красивее, гораздо величественнее. Она скорее напоминала тех фей, те чудесные образы, которые видишь на больших раскрашенных календарях и под которыми художники пишут: «Задумчивость» или «Меланхолия» или еще «Поэзия».

Ее сопровождали красивые, изящно одетые офицеры, выказывавшие особое внимание к каждому ее слову и рассыпавшиеся в знаках самого восторженного поклонения.

— Сударыня, пожалуйства, войдите,—сказал один из них,—ведь вам угодно взглянуть на раненых...

Она сделала два шага вперед, внезапно остановилась и произнесла грудным голосом:

— Бедные люди!

Вся палата насторожила уши и раскрыла глаза. Мери положил на стол свою трубку, Тариссак переменил костыли, что было у него признаком волнения; Доменж и Бюрнье перестали играть в карты и прижали колоду к животу, чтоб ее случайно не заметили. Пупо не пошевельнулся, ибо он был парализован, но отлично видно было, что он слушает изо всех сил.

Дама в зеленом направилась прежде всего к Сорри, негру.

— Тебя зовут Сорри?—спросила она, посмотрев на табличку.

Чернокожий кивнул головой, и дама в зеленом продолжала нежно и мелодично, словно дамы, играющие в театре:

— Ты пришел сражаться во Францию, Сорри, и ты покинул твою прекрасную родину, этот свежий и душистый оазис в океане пламенеющего песка. О, Сорри, как они прекрасны, африканские вечера, в тот час, когда молодая женщина идет вдоль пальмовой аллеи, неся на голове, подобно темной статуе, пахучую амфору с медом или кокосовым молоком...

Среди офицеров раздался шопот восхищения, а Сорри, который не понимает по-французски, пробормотал, кивая:

— Кокос... кокос...

Но дама в зеленом уже скользила дальше по каменным плитам. Она дошла до Рабо и тихонько застыла у его кровати, точно ласточка, на телеграфных проводах,

— Рабо,—сказала она,—ты храбрец.

Рабо ничего не ответил; но, по своему обыкновению, отвел глаза в сторону, точно ребенок, боящийся получить шлепок.

— О, Рабо,—сказала дама в зеленом,—как мы должны благодарить всех вас, оберегающих неприкосновенность нашей сладостной Франции. Но ты, Рабо, ты познал уже высшую благодарность: славу! Героический пыл сражений! Восхитительное чувство, когда ты бросаешься вперед со штыком, сверкающим на солнце; сладострастие, с которым ты вонзаешь железо—мстителя в окровавленную грудь врага! А затем страдание—божественное, ибо ты испытываешь его ради всех; святая рана, делающая из героя—бога! О, какие прекрасные воспоминания, Рабо!

Дама в зеленом замолчала, и религиозная тишина воцарилась в палате.

И тогда-то произошло нечто совершенно неожиданное: Рабо перестал походить на самого себя. Все черты его лица с'ежились, изменились почти трагическим образом. Из его худой груди вырвались прерывистые хриплые звуки—и всем стало ясно, что Рабо смеется.

Он смеялся свыше трех четвертей часа. Дамы в зеленом уже давно не было, а Рабо все еще смеялся, приступами, точно кашляя, точно задыхаясь.

С тех пор в жизни Рабо произошла какая-то перемена. Когда он собирался плакать или сильно страдал, с ним можно было сладить и вызвать его смех, во время сказав ему:

— Рабо! Мы сейчас приведем даму в зеленом.

(ЖОРЖ ДЮАМЭЛЬ — «Цивилизация»).

НАРОД НА ВОЙНЕ

Солдатские разговоры.

— Об одном жалко солдату, что у него голова на плечах... Эх, кабы да только руки-ноги, воевал бы беспечально, царю славу добывал.

— Что война... Купцы проторговались, а с нас шкуру дерут...

— По совести сказать, не вижу я врага ни в каком человеке. Ну, что мне немец, коли он меня ничем не обидел? А знаю я, что не солдатское это дело, так рассуждать. Войну воюем, так уж тут нечего сыропиться. Только с чего это война, не пойму.

— У немца башка, ровно завод хороший, смажь маслицем, да и работай на славу, без помехи. А мы что... Перво-наперво, бито много. Вон мне и по сей день окромя побоев, ничего не снится. Учить не учат, бьют да мучат...

— Нет хуже немецкого офицера. Вот это так собака, куды наш!.. Мне ихний раненый рассказывал, — не видит просто тебя, ну, ровно ты и не на свете совсем... Наш-то хоть за собаку тебя почитает, все легче.

— Очень хорошо с немцами говорить, образованный народ. Одно тяжеленько, что по-русски не маракует. Да про настоящее все понять у друг-дружки можно.

— Я с какой угодно нацией разговорюсь. Я ему головой—«здравствуй,» значит. Ну, и руку. Ладно, знакомы. А после ему хлеба в руку, папироску в зубы. За руку возьму — рядком посажу. Тут и дружба, тут всякий разговор. Все равно, что немец, что француз.

— Нет у меня в душе добра против богатых. Больного то богатых я и не видал, однако, думаю, что еще хуже... Ему бедный, что дурень, что прямо злодей. Брюха не нажил, значит—плохо жил... Много им дадено, а народ самый вредный... И богач на одной ж... сидит, а такой гордый, словно две под им...

— Думал я долго надо всеми делами людскими. Особливо, почему я нищ и убог, а у другого брюхо по колени. Годы целые думал, слушал умных людей и ученых спрашивал. И одно решил: все мы равны на свете сем. Чего у него много — того у меня мало. Одно на одно и выходит. Вот, пока смешно мне, а как всурьез пойму, на ладошки и поналюю...

— Я уж домой не хочу вернуться, чего я там не видал. Здесь землю куплю, и с жителями буду хорошо обращаться, чтобы кровь забыли. Нашей-то крови тоже не мало пролито... Земля от крови парная. хорошо родить будет... Войну люди скоро забудут...

— Все понимаем, ничего не забудем, научены, что показать, вернувшись, дайте только войну кончить... А как?.. Что ты мне все «как, да как», на каке, что на коняке... Хвост трубой, а сам глупой...

Запиши ты твердо слово: наша жизнь такая теперь, что век ее помнить надо. А то и не живи потом, на тот свет уйди... Коли мы эту наш жизнь, теперешнюю, проспим, так, значит, нас и трубе при страшном при суде не разбудить будет. Не только, что помнить, а и век по новой по науке жить надо до смерти...

(С. ФЕДОРЧЕНКО «Народ на войне»).

ДОВОЛЬНО!..

Час, казалось, был недалек. За год до окончания войны в течение нескольких месяцев, нескольких недель казалось, что вот-вот лопнет бесконечное терпение в обоих станах истязуемых народов, и раздастся великий клич: «Довольно!». В первый раз почудился им кровавый обман. Как не понять негодования людей из народа, когда на их глазах шла безумная игра миллиардами, тогда как раньше власти торговались из-за сотни тысяч франков на социальные нужды! Иные цифры приводили их в отчаяние больше, чем всякие речи. Было подсчитано, что на войне убийство одного человека обходилось в 75.000 франков! И на сумму, в которую обходится убийство десяти миллионов человек, можно бы сделать десять миллионов зажиточных людей! Самым ограниченным открылась безмерность земных богатств и чудовищное обращение с ними. Бесстыдная расточительность из-за призрака какой-то цели: а самое отвратительное — эти кишащие по всем концам Европы вши, раздобревшие от мертвечины, эти хищники войны, грабители трупов...

— «Ах, — думали все эти молодые люди, — пусть нам не болтают о борьбе демократий с автократиями! Все эти «кратии» прикрывают одну и ту же грязь. Всюду война одинаково обрекла мести народов их правящие классы, их недостойную финансовую, политическую и интеллигентную буржуазию, которая в одно столетие своего всемогущества нагромоздила больше лихоимства,

преступлений, разорений и безумий, чем накопили их за десять столетий бичевавшие нас короли и церкви».

И зато, когда вдали, в лесу зазвучали топоры героев-дровосеков Ленина и Троцкого, — не мало угнетенных сердец задрожало надеждой. В каждой стране не один человек заготовил свой топор.

...Котел кипел. Чтобы остановить его, европейские правительства герметически заткнули его и уселись сверху. Глупая правящая буржуазия, поддерживая огонь, удивлялась мрачным раскатам. Она об'ясняла возмущение стихий дурным влиянием нескольких свободомыслящих ораторов, таинственными интригами, неприятельским золотом, пацифистами. И совсем не видела того, что мог видеть каждый ребенок,—что, если желаешь воспрепятствовать взрыву, надо первым делом погасить огонь.

Идолом всех властей, какова бы ни была их вывеска, империя или республика, был кулак. Сила, правда, в перчатках, замаскированная, нарумяненная, но всегда жестокая и уверенная в себе. По закону обратного действия она же становилась и законом угнетенных. То была глухая борьба между двумя противоположными давлениями. Там, где металл был изношен,—прежде всего, в России, — котел лопнул. Там, где покрышка была менее прочна — в нейтральных странах, — со свистом вырвался горячий пар. Обманчивое спокойствие царило в воюющих странах, на которых тяжелее всего сказывалось давление. Спокойствие это как-будто утверждало притеснителей в мысли, что они правы: вооружившись на врага, они тем самым были вооружены также и против своих сограждан; военная машина всегда бывает о двух концах: один—спереди, другой—сзади; крышка плотно закрыта, она сделана из лучшей стали и привинчена гайками. Она не взорвется. Нет. — Эй, смотри! — все разом лопнет!

(РОМЭН РОЛЛАН—«Клерамбо—История человека с свободной совестью во время войны»).

III

ДОЛОЙ ВОЙНУ!

К РАЗОРЯЕМЫМ и УМЕРЩВЛЯЕМЫМ НАРОДАМ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Два года мировой войны! Два года опустошения! Два года кровавых жертв и бешенства реакции!

Кто несет за это ответственность? Кто скрывается за теми, которые бросили пылающий факел в бочку с порохом? Кто давно хотел войны и подготовлял ее?

Это господствующие классы!

Когда мы, социалисты воюющих и нейтральных стран, в сентябре 1915 г., не взирая на кровавую свалку, протянули друг другу руки и среди бешенства разгоревшихся военных страстей об'единились в Циммервальде, мы сказали в нашем манифесте:

«Правящие силы капиталистического общества, в руках которых покоились судьбы народов, — монархические, равно как и республиканские правительства, тайная дипломатия, могущественные предпринимательские организации, буржуазные партии, капиталистическая пресса, церковь—они все несут на себе всю тяжесть ответственности за эту войну, которая возникла из питающего их и ими охраняемого общественного порядка и ведется во имя их интересов»...

Уложив миллионы людей в могилу, повергнув в горесть миллионы семей, превратив миллионы во вдов и сирот, нагромоздив развалины на развалины и разрушив незаменимые культурные ценности, война попала в тупик.

Несмотря на горы жертв на всех фронтах, никаких решающих результатов. Чтобы только поколебать эти фронты, правительства должны были бы пожертвовать новые миллионы людей.

Ни победителей, ни побежденных, или вернее, все побежденные, т.-е. все изошли кровью, все разорены, все истощены — таков итог этой полной ужасов войны. Таким образом, фантастические мечты господствующих классов об империалистическом мировом господстве не сбылись.

И вновь обнаружилось, что только те социалисты сослужили службу интересам народов, которые, несмотря на клевету, выступили против националистического безумия и потребовали немедленного мира без аннексий.

Об'единимся поэтому под боевым лозунгом:

Долой войну! Да здравствует мир!

Рабочие городов и деревень!

Правительства, империалистические клики и их пресса говорят вам, что нужно вести войну до конца, чтобы освободить угнетенные народы. Из всех средств обмана, пущенных в ход во время этой войны, это средство самое грубое. Истинная цель этой всеобщей бойни—это обеспечение для одних того, что они награбили в течение столетий, в течение многих войн; другие хотят нового раздела мира, чтобы увеличить свои владения; они хотят аннектировать новые области, разорвать на части народы, низвести их к роли простых рабов и илотов.

Ваши правительства и их пресса говорят вам, что войну необходимо продолжать, чтобы уничтожить милитаризм.

Не давайте себя обманывать! Милитаризм той или иной нации может быть ниспровергнут лишь ею самою, и во всех странах надо его преодолеть.

Ваши правительства и их пресса говорят вам, что войну надо продолжать, чтобы сделать ее последнею.

Но и это обман. Никогда война не убивала войны. Наоборот. Она пробуждает желание возмездия, насилие порождает насилие.

Таким образом, после каждой жертвы ваши мучители будут требовать от вас новых жертв...

Существует одно лишь единственное средство помешать будущим войнам: это завоевание политической власти и отмена собственности рабочим классом.

«Прочный мир» будет плодом победы социализма...

. . . . . .

Еще яснее, чем в мирное время, выступает во время войны социальная несправедливость и классовое господство.

Во время мира капиталистическая система отнимает у рабочего всякую радость в жизни, во время войны она отнимает у него все,—даже жизнь.

Довольно убийств! Довольно страданий!

. . . . . .

Требуйте немедленного прекращения войны! Поднимайтесь на борьбу, разоряемые и умерщвляемые народы!

Смелей! Помните, что вы большинство и, если захотите, можете стать силой...

Да здравствует мир, немедленный мир, без аннексий!

Да здравствует международный социализм!

Вторая социалистическая международная циммервальдская конференция.

1 мая 1916 г.

К МИРОВОМУ ПРОЛЕТАРИАТУ

Из манифеста V-го всемирного конгресса Коминтерна К десятилетию империалистической войны

I

ИТОГИ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ БОЙНИ

Десять лет прошло с тех пор, как мировая буржуазия разнуздала адские силы милитаризма. 1 августа 1914 года открылась величайшая в истории человеческая бойня. Правящие классы и их военные стратеги считали, что война закончится в несколько месяцев. Однако, вызванные ими события скоро переросли через их головы. Армии, непрерывно возрастали в числе, закапывались в землю друг против друга. Вся трудовая энергия Европы, — и далеко за ее пределами, — направлялась на нужды войны. Созидали, чтобы разрушать, и разрушали, чтобы творить новые орудия истребления. **Четыре года три месяца и 26 дней длился этот подлый и безумный процесс, в котором капиталистическое общество нашло свое законченное выражение.**

Пролетарии строили машины разрушения. Пролетарии вместе с крестьянами их применяли. Пролетарии и крестьяне разных наций истребляли друг друга... Предотвратить надвигавшуюся войну и сделать войну вообще невозможной могла только революционная борьба, только восстание трудящихся против империализма. Такое восстание, какие бы жестокие формы оно ни приняло, не причинило бы и одной сотой, и одной тысячной доли тех человеческих жертв и материальных разрушений, которые вызвала война. Но восстания не произошло.

Социалистические партии в подавляющем большинстве своем не только не призывали рабочих к революционной борьбе против войны, но, наоборот, примкнули к своим правительствам, провозгласили войну своего государства правильной, справедливой войной и призвали трудящиеся массы поддерживать войну. Только благодаря этой поддержке социалистов, буржуазия получила возможность держать в узде массы и вести войну. Только благодаря измене социалистических партий буржуазия могла длить войну свыше четырех лет...

День 1 августа 1914 года, первый день империалистской войны, **день открытой капитуляции социал-демократических вождей перед буржуазией, останется навсегда самым черным, самым зловещим, самым бесчестным днем человеческой истории.**

Рабочие и работницы, крестьяне и крестьянки!..

Социал-демократы обещали в результате войны справедливый, демократический, честный мир между народами. Они лгали. Они сознательно и расчитанно обманывали вас. Они не могли не знать, что мир будут диктовать победоносные империалисты. Бесчестная война, руководимая буржуазией при бесчестной поддержке социал-демократов, могла привести только к бесчестному миру. Он был подписан в Версале, где торжествующий хищник наступил ногой на горло хищнику побежденному. Германию и ее союзников раздавили и расчленили.

Чтобы оправдать порабощение немецкого народа, не менее подлое, чем сама война, социалисты победоносных стран—Гендерсон, Ренодэль, Вандервельде и другие повторяли вслед за своей буржуазией: «Германия наказана за то, что именно она хотела войны и вызвала ее». Какое лицемерие и какое тупоумие! Если бы даже верно было, что только Гогенцоллерн и Габсбург ответственны за войну,—можно ли карать народ за злодеяние давившей его династии? Можно ли душить германский пролетариат за преступления его буржуазии? Социалисты стран Антанты считают справедливым лишать немецких

рабочих, их жен и детей хлеба и молока в наказанье за то, что немецкая буржуазия истребила и искалечила их братьев, мужей и отцов. Но может ли здравомыслящий и честный человек хоть на минуту допустить, что ответственность за войну ложится исключительно на Германию и Австро-Венгрию? Разве мы не знаем ненасытного империализма английской буржуазии, поработительницы колониальных народов? Разве мы не знаем отвратительной жадности французской биржи?

Разве царская Россия, в союзе с Францией и Англией, не стремилась к захвату Константинополя и проливов? **Империалистская война явилась в результате столкновения разнузданных аппетитов обеих сторон. Все они вооружались для войны. Все хотели нового передела мира. Все стремились к захватам. Все рвались к добыче. Правящие классы обоих лагерей ответственны за войну, за ее четырехлетнюю длительность, за ее жертвы и разрушения, за ее безумный версальский исход.** Не меньшая ответственность ложится клеймом бесчестья на лица социал-демократических политиков, патриотических профессионалистов, прислужников буржуазии, наемных и добровольных агентов империализма, социалистических нотариусов версальского мира.

Одна страна не участвовала в версальском позоре ни как побежденная, ни как победительница. Трудящиеся массы революционной России, руководимые коммунистической партией, низвергли буржуазию, взяли в свои руки власть и вывели страну из адского круга войны.

Трудящиеся Германии и Австро-Венгрии в результате войны также поднялись на восстание. Старые династии были низвергнуты. Но социал-демократия удержала рабочие массы на первом этапе революции. Если после ноября 1918 года немецкие помещики и капиталисты сохранили богатства и власть, то они этим полностью и целиком обязаны Шейдеману, Эберту, Каутскому и всем другим вождям германской социал-демократии. Те же люди, те же политики, те же предатели, которые в течение четырех лет помогали кровавой гогенцоллернской

шайке истреблять немецкий народ, удержали в конце 1918 года трудящихся от низвержения эксплоататоров. **Если в потрясенной до самых основ Европе устояла после войны власть капитала, это полностью и целиком заслуга Второго Интернационала, сторожа, цепной собаки у ворот буржуазии.**

Германия экономически отброшена назад. Осколки императорской Австро-Венгрии отделены друг от друга колючей изгородью. Еще хуже на Балканском полуострове. Франция подавлена военными долгами и бременем милитаризма, как никогда. Италия ослабла и не выходит из потрясений. Англия может только мечтать о своем довоенном экономическом могуществе. Хроническая безработица, как саркома, раз'едает тело Европы. **Численность европейских армий и флотов не ниже, чем накануне 1 августа 1914 года, а военные расходы, в соответствии с усложнением техники, несравненно выше...**

II

ИНТЕРНАЦИОНАЛ РУРСКОЙ ОККУПАЦИИ

Оккупация Рура французскими войсками в январе прошлого года явилась прямым продолжением империалистской войны: победитель добивал побежденного. Оккупация нанесла новый удар хозяйству Европы, и в первую голову стала источником дальнейшего ужасающего разорения Германии, обнищания ее народных масс. Но та же оккупация, опрокинув франк, обнаружила неосильность для хозяйства Франции поддерживать военную диктатуру тяжелой индустрии над Европой.

Каким, однако, образом французская буржуазия, после всех преступлений, которыми она себя покрыла в войне, могла снова бросить свою армию на рурское преступление? Каким образом могло оказаться, что трудящиеся массы Франции и всей Европы не помешали новому разбойничьему нападению? Рабочие, вдумайтесь в это, и вам станет ясно, что только поддержка буржуазии социалистами, во Франции, как и в Германии, сделала

возможной рурскую военную операцию и, следовательно, дальнейшее разорение Европы.

Мы снова повторяем здесь: **если бы рабочие массы Франции и Германии решились в революционном восстании принести те жертвы, какие вызвала одна только рурская оккупация, буржуазия была бы опрокинута, милитаризм был бы раздавлен, и в Европе могли бы восторжествовать мир и труд.** Но именно в такие наиболее ответственные часы, когда дело идет о жизни и смерти буржуазии, и о судьбе трудящихся, социал-демократы злостно нарушают единство революционного пролетарского фронта, сеют нерешительность в рабочих рядах, вызывают упадок духа, изолируют коммунистическую партию, подготовляя торжество капиталистической реакции.

Как бы в ознаменование великих заслуг, оказанных капитализму социал-демократией за истекшее десятилетие, европейская буржуазия к близящемуся кровавому юбилею ставит своих заслуженных, доверенных, испытанных меньшевиков у власти то полностью, то частично...

Фашизм временно сходит со сцены,—он как бы выполнил свою задачу...

И мы наблюдаем широкую смену декораций. Вчера еще авансцену занимали фашисты—с револьвером, кинжалом, зажженным фитилем,—а социал-демократы свою подсобную работу выполняли за кулисами; сегодня, когда непосредственная опасность кажется миновавшей, буржуазия торопится фашистов увести за сцену и выводит из-за кулис на переднее место радикалов, реформистов, меньшевиков—апостолов легальности, демократии и мира.

Буржуа говорит меньшевику: твои фашистские двоюродные братья не соблюли необходимой меры; нужно сгладить и смягчить последствия их работы; **нужно замыть слишком яркие кровавые следы, нужно пролить бальзам утешения на зияющие раны; нужно пробудить в наиболее удрученных сердцах новые надежды или**

старые иллюзии, иначе безнадежность перейдет в отчаяние, а отчаяние—в революционное возмущение. Вот почему и вот для чего у власти ставятся или к власти приближаются Макдональды, Блюмы, Станнинги, Вандервельде, Шейдеманы и Вельсы.

Милитаризм тем временем автоматически продолжает свою работу. При правительстве Макдональда воздвигаются новые крейсера, расширяется строительство танков, растет военный воздушный флот, умножаются химические средства войны. Для чего это? Не для борьбы ли английского пролетариата против капитала?

Нет, для поддержания власти английского капитала над Индией, Египтом, над Ирландией и над английским пролетариатом. Не поступаясь ничем в пользу трудящихся, буржуазия укрепляет свою бездушную военную машину руками меньшевиков. Французское министерство Эррио, опирающееся на социалистов, продолжает военную и международную политику Мильерана—Пуанкарэ. Когда мы, коммунисты, утверждали, что ответственность за оккупацию Рура ложится не только на буржуазию, но и на социал-демократию, меньшевики протестовали.

Теперь весь мир видит, что оккупация Рура сохраняется лишь в результате сделки между Эррио, Макдональдом, Блюмом, Вандервельде, Эбертом и Вельсом. На наших глазах Второй Интернационал стал Интернационалом рурской оккупации.

Консерваторы, фашисты, радикалы и меньшевики приходят и уходят, а милитаризм остается. Он восстановляет и умножает свои запасы, он совершенствует свои орудия, он строит новые планы, он пережидает, пока в памяти народов сгладятся наиболее жгучие воспоминания о последней войне, пока социал-демократии удастся примирить заново рабочие массы с мыслью о незыблемости буржуазного государства. Тогда он снова сможет выйти открыто на дорогу мировых разбоев. Тогда пробьет час новой империалистской войны.

III

БАЗА МИЛИТАРИЗМА ШИРИТСЯ

Причины и поводы для новой войны с железной необходимостью вытекают из последней войны и версальского мира. Правящие классы Франции все сильнее чувствуют, что созданный ими в Европе режим террора не может длиться долго. Французский буржуа, и реакционный и радикальный, одинаково боится немецкого реванша и в то же время вызывает и подготовляет его. С своей стороны, германская буржуазия, идя на соглашение за счет народа, нетерпеливо ждет, когда пробьет час реванша. **Европейский и колониальный антагонизм Англии и Франции непрерывно обостряется. Дипломатические** сделки и соглашения прикрывают этот процесс, но не ослабляют его. Военная программа обоих союзников, в особенности программа авиационных и химических сил, строится в расчете на грядущую англо-французскую войну. В то время, как Эррио пацифистски воркует с Макдональдом, генеральный штаб Парижа развертывает план будущих авиационных налетов на Лондон, а британский штаб занят разработкой встречного визита.

Второстепенные государства Европы уступают первостепенным в силе, но не в жадности и не в злой воле...

Нет сомнения, что **новая война с первых же дней своих вовлекла бы в кровавый водоворот большинство мелких держав.** Милитаризм стран Малой Антанты, балканских или балтийских государств, является вспомогательным ресурсом больших держав и в то же время источником самостоятельной опасности в отношениях мелких государств между собою.

Самый могущественный мировой антагонизм медленно, но упорно прощупывает ту линию, где интересы Великобританской империи сталкиваются с интересами Соединенных Штатов Северной Америки. За последние два года могло казаться, будто между этими гигантами достигнуто прочное соглашение. Но видимость прочности будет сохраняться лишь до тех пор, пока экономический

под'ем Северо-Американской республики развертывается, главным образом, на основе внутреннего рынка. Ныне этому явно наступает конец. Аграрный кризис, выросший из разорения Европы, явился предвестником уже надвигающегося торгово-промышленного кризиса. Производственные силы Америки должны искать все более широкого выхода на мировой рынок. Внешняя торговля Соединенных Штатов может развиваться прежде всего за счет торговли Великобритании; американский торговый и военный флот—за счет британского флота. Период англо-американских соглашений должен уступить место все возрастающей борьбе, которая, в свою очередь, знаменует военную опасность в невиданных миром размерах.

Антагонизм Японии и Соединенных Штатов сохраняет всю свою напряженность. Японское землетрясение изменило соотношение сил, но не смягчило вражды. Запрещение желтой иммиграции в С. Штаты придает борьбе тихоокеанских империалистов окраску расовой борьбы. В случае схватки между Соединенными Штатами и Великобританией роль японского милитаризма будет несравненно активнее, чем во время прошлой империалистской войны.

Неисчислимые богатства буржуазии Соединенных Штатов представляют ныне вообще могущественнейшую взрывчатую силу мировой обстановки. Временная замкнутость Соединенных Штатов, пытавшихся переварить награбленные богатства, приходит к концу.

Северо-американскому капиталу нужно расширение по всем направлениям. Один из его путей ведет на юг. Натиск на Мексику должен усилиться, на ряду с дальнейшим проникновением в Южную Америку, вытеснением оттуда европейского капитала и полным ее подчинением. **Милитаризм в Соединенных Штатах не только на море, но и на американском континенте примет более активный и наступательный характер.**

Рост революционного движения на Востоке, происходивший в течение всего истекшего десятилетия, все

больше придает колониальному владычеству империалистских держав характер открытого военного насилия.

Конституционные иллюзии, соглашательские надежды порабощенных масс Индии рушатся...

Законною ненавистью, еле сдерживаемой злобой трепещут сердца многомиллионных масс **Китая.** И здесь, как в Индии, в тяжких испытаниях и в повторных попытках сопротивления создается революционная организация, которая призвана освободить Китай от чужеземных и собственных насильников.

Франция, раздвинувшая пределы своих колоний, делает настойчивые попытки расширить источники своего милитаризма, вовлекая не только арабов, но и негров в армию капитала. Военно-обученная цветная масса должна явиться не только резервуаром будущих войн— нет, черные и желтые полки должны стать в руках буржуазии надежным орудием для разгрома пролетарской революции в Европе.

База милитаризма ширится, как и база революции.

IV

ЭКСПЕРТЫ КАПИТАЛА И ЭКСПЕРТЫ ИЗМЕНЫ

Война и сегодня царит над человечеством в скрытом состоянии. Что такое новое решение вопроса о германских платежах—«план экспертов»—как не применение методов войны к решению основных экономических вопросов? Америка, карманы которой набиты европейским золотом, опирается на военную силу Франции и предписывает Германии определенный хозяйственный режим в наказание за то, что та дала себя победить. Только отпетые шарлатаны могут говорить, будто решение экспертов есть мирное, демократическое, пацифистское решение вопроса.

На самом деле, Антанта диктует свое решение, приставив браунинг к виску Германии... На деле **основной вопрос европейского хозяйства разрешается при помощи непрерывного военного насилия над Германией, ко-**

торая еще недавно была руководящей капиталистической страной Европы.

Германская буржуазия идет на эту сделку потому, что она расчитывает—при помощи иностранного капитала и, если понадобится, иностранной вооруженной силы—совладать с германским пролетариатом. Она постепенно забирает его в тиски, вырывая у него последние завоевания революции, удлиняя рабочий день, повышая интенсивность труда, и таким образом хочет заставить немецкого рабочего, в условиях новой техники и концентрации производства, пройти вторично через все тяготы, лишения и бедствия эпохи первоначального накопления.

Обессиление и принижение германского пролетариата должно будет служить европейской буржуазии средством держать под страхом немецкой конкуренции рабочий класс остальных стран. Наконец, американский капитал собирается при помощи своих экспертов «контролировать» Европу, т.-е. фактически управлять ею, как отдельные американские магнаты контролируют десятки трестов и железных дорог. Вместе с тем он расчитывает при помощи европейских прибылей подкармливать верхушку американского рабочего класса, его аристократию, руководимую самым желтым из всех изменников Гомперсом, и беспощадно подавлять десятки миллионов пролетариев, держа их под угрозой новой волны иммиграции из разоряемой Европы.

Этот чудовищный план закабаления европейских трудящихся масс англо-саксонским капиталом через посредство французского милитаризма принят и одобрен партиями Второго Интернационала. Под крики и вопли о коммунистческих заговорах и международной Че-Ка развертывается на наших глазах **гигантский заговор капитала против трудящихся Европы и всего мира. Организатором заговора является финансовый капитал, с генеральным штабом в Нью-Йорке и отделением в Лондоне. Важнейшая исполнительная работа возложена на маршалов французской биржи. Истолковате-**

лями, защитниками, мелкими адвокатами заговора выступают социал-демократы и амстердамские профессионалисты. Экспертам капитала приходят на помощь эксперты измены.

V

ШАРЛАТАНЫ ПАЦИФИЗМА И КРАСНАЯ АРМИЯ

Спросим снова: что же мешает до сего дня рабочим и крестьянам единодушно восстать против губящего их милитаризма? Международная социал-демократия, меньшевики, Второй Интернационал, бюрократия амстердамского об'единения профсоюзов. Таков главный урок империалистской войны. Таков основной вывод истекшего десятилетия.

Об этом мы, рабочие, организованные в Коммунистический Интернационал, заявляем открыто на весь мир. Мы хотим, чтобы нас услышали трудящиеся всех стран. Мы хотим, чтобы голос наш достиг каждого труженика, каждой труженицы города и деревни. Мы хотим пробудить революционную тревогу в сердцах угнетенных: глядите, буржуазия готовит новую войну, а социал-демократия растлевает вашу мысль, чтобы тем легче предать вас.

Рабочие и работницы! Вслушайтесь, всмотритесь, вдумайтесь. Несколько недель тому назад вожди амстердамского Интернационала профсоюзов обсуждали в Вене между собой и вместе с вождями Второго Интернационала вопрос о военной опасности. Организация, во главе которой стоят Вильямсы, Жуо, Грассманы, Макдональды, Эберты, Носке, Вандервельде, вынуждена была заняться вопросом о войне только потому, что опасность войны снова носится в воздухе. И вот мы слышим, как эти господа велеречиво обещают бороться против войны всеми средствами вплоть до всеобщей забастовки.

Неужели вы поверите этой презренной комедии, в которой те же актеры играют перед вами во второй раз ту же предательскую роль? Ведь на международном с'езде

в Базеле в 1912 году они куда более торжественно клялись не останавливаться ни перед какими средствами для предотвращения войны,—чтобы стать вскоре затем самыми ревностными и самыми надежными помощниками воюющей буржуазии.

После войны они служили капиталу в качестве министров, или верных депутатов, или патриотических лидеров профессиональных союзов. Они удерживали и удерживают рабочих даже от экономических стачек. Они голосуют за военный бюджет. И они же обещают бороться против войны! Можно ли поверить, что Макдональд, который строит крейсера, танки и самолеты по поручению своей буржуазии на деньги рабочих масс, призовет рабочих к стачке в тот час, когда буржуазия решит пустить в ход построенные Макдональдом самолеты, танки и крейсера?

Можно ли поверить, что Вандервельде, помогавший своему королю вести войну и давший свою подпись под версальским договором, призовет бельгийских рабочих к восстанию в тот час, когда бельгийская буржуазия найдет нужным вмешаться в войну для охраны версальских завоеваний?

Можно ли думать и верить, что Блюм и Жуо, вожди патриотического социализма и синдикализма Франции, поддерживающие сегодня рурскую оккупацию, призовут завтра рабочих ко всеобщей стачке, если французской буржуазии для закрепления оккупации придется прибегнуть к силе оружия?

Убийца еще не успел отойти от своей жертвы, еще с ножа его каплет кровь, и он торжественно обещает выступить грозным мстителем за совершенное убийство! Где тот слепец, где тот безумец, который захочет ему поверить?

Трудящиеся и угнетенные, вглядитесь, вслушайтесь, вдумайтесь. **Социал-демократы затевают к десятилетию войны маскарад борьбы за мир, комедию протеста против военной опасности.** Они хотят рассеять ваше внимание, усыпить вашу бдительность, чтобы тем вернее свя-

зать вас по рукам и ногам и предать в руки милитаризма. **Не верьте им, изобличайте их. Спрашивайте их на каждом собрании: если они хотят бороться против войны, зачем вотируют они военный бюджет, зачем голосуют за буржуазные правительства, зачем поддерживают капиталистическое государство?**

Опыт десяти лет не должен пройти даром. Мы наблюдали за это время пацифистов, социалистических и буржуазных, во всех частях света: они все стоят друг друга.

Пацифисты стоят за мир во время мира. Они безоговорочно примыкают к своим правительствам во время войны. В международном масштабе они ползают на брюхе перед сильными и помогают им давить слабых.

Главным полем действия пацифистов является ныне борьба против революции и, в частности, против Красной Армии. Пацифисты против революционного насилия, против восстания, против гражданской войны. Но буржуазия вооружена, а рабочий—безоружен.

Борясь против вооружения рабочих, пацифисты поддерживают капиталистический милитаризм и тем самым расчищают путь будущим войнам. Тем отвратительнее их ссылки на гуманность и культуру.

Когда обличают пацифистов в том, что они поддерживают милитаризм своей буржуазии, они отвечают неизменно ссылкой на Красную Армию.

Пацифисты молчали, когда вооруженные отряды Франции, Англии, Соединенных Штатов и др. стран оккупировали Одессу, Мурманск, Архангельск, Владивосток.

Зато они возмущались насилием, которое революция применяла против угнетателей.

Пацифисты ссылаются ныне на то, что военные интервенции прекратились, и что одно буржуазное государство за другим видит себя вынужденным признать советскую республику.

Было бы, однако, величайшей глупостью думать, будто военной опасности для государства рабочих и кре-

стьян более не существует. Рост коммунистических партий укрепляет международное положение Советского Союза, но, с другой стороны, тревожит и ожесточает империалистов. В известный момент, когда революционная опасность снова обнаружится более непосредственно, она может толкнуть их на путь грандиозной военной интервенции...

Между капиталистическом миром и республикой советов возможны соглашения, но не примирение. Как правительства Макдональда и Эррио должны будут в известный момент снова уступить свое место более открытой и решительной реакции, так и договоры капиталистических стран с Советским Союзом могут и должны будут в известный момент пересечся новыми интервенциями.

Вот почему Красная Армия и Красный Флот необходимы. Они ограждают величайший плацдарм мировой революции. Если бы советская республика пала, дело буржуазии было бы выиграно на многие десятки лет. Наступлению капитала на пролетариат не было бы преград. Но этого не будет, ибо рабочие и крестьяне Советского Союза вооружены. Красная Армия—щит угнетенных и меч восставших!

VI

БОРЬБА С ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНОЙ

Все, что творится ныне в человеческом обществе—в области хозяйства, политики, науки, искусства—отступает на задний план перед гигантской задачей—помешать во что бы то ни стало новой войне и тем спасти человечество от вырождения и гибели. Сделать это могут только трудящиеся под руководством революционного пролетариата. **Никакие репрессии, никакие силы милитаризма не справятся, если пролетариат единым фронтом поднимется против войны.** Машины убийства мертвы, пока их не приводит в движение человек. В пода-

вляющем большинстве своем этом человек — рабочий или крестьянин. Это вы, трудящиеся! От вас зависит судьба войны, следовательно, и ваша собственная судьба.

Борьбу против милитаризма нельзя откладывать до того часа, когда война разразится, ибо тогда будет поздно. **Борьбу против войны нужно вести теперь же, немедленно, изо дня в день. Первое условие такой борьбы**— отказать капиталистическому государству в бюджете, в доверии, в поддержке. **Тот социалист, который вступает в буржуазное министерство, тот депутат, который помогает буржуазии взимать налоги или привлекать рабочих и крестьян на военную службу—предатель и изменник.** Ему не может быть места в рядах рабочего класса. Нужно гнать из профсоюзов таких вождей, которые прямо или косвенно помогают милитаризму, оправдывают его, солидаризируются с ним. Нужно очистить пролетарские организации от политических штрейкбрехеров. Нужно напоминать всем трудящимся мужчинам и женщинам о том, как была подготовлена последняя война, и как социал-демократы помогали генералам империализма четыре года истреблять рабочих и крестьян.

Нужно неутомимо обращаться к молодежи города и деревни. Нужно, чтобы нечеловеческие страдания отцов и старших братьев во время империалистической войны превратились у рабочей и крестьянской молодежи в жгучую ненависть к виновникам войны. Нужно, чтобы молодежь входила в капиталистические армии с внутренней готовностью направить оружие не против братьев-пролетариев, а против классового врага—буржуазии. Нужно неутомимо разрушать ту искусственную стену, которая возводится между армией и рабочим классом. Нужно поддерживать связь с казармой. Нужно, чтобы слова правды доходили до каждого солдата. Нужно об'единять сознательных солдат в небольшие группы. Нужно создавать революционные организации на железных дорогах из наиболее преданных и мужественных пролетарских борцов.

Нужно обратить особое внимание на военные заводы. На каждом из них должны быть крепкие боевые ячейки, способные в решительный момент повести за собой всю рабочую массу. Буржуазия не боится ни пацифистских проповедей, ни социал-демократических угроз всеобщей забастовкой. Зато буржуазия трепещет от ненависти и страха при вести о каждой мелкой нелегальной ячейке на железных дорогах, на военных заводах и особенно в армии и флоте. Буржуазия знает, что не одни рабочие и крестьяне, но и солдаты не хотят войны, и что только их разобщенность и неуверенность в себе вынуждают их итти покорно на бойню. Буржуазия знает, что небольшое, но крепкое ядро в каждом полку может сыграть решающую роль в решающий момент. Вот почему всякое капиталистическое правительство, под любой демократической вывеской, беспощадно преследует подлинно революционную работу, и вот почему долгом каждого революционера является удвоить и удесятерить свои усилия на этом пути.

Только та партия действительно борется против войны, которая изо дня в день ведет непримиримую борьбу против буржуазии, та партия, которая сплачивает трудящихся в этой борьбе, которая учит ненавидеть государство капитала, которая закаляет массы этой ненавистью, которая готовит для борьбы необходимые силы и средства, которая создает для революции опорные пункты в казарме...

Трудящиеся! Пусть вопрос войны станет оселком, на котором вы будете испытывать верность партий и вождей. Поистине, довольно трудящихся морочили словами, фразами, посулами, звонкой ложью демагогии. Требуйте дела, проверяйте на фактах. **Долой шарлатанов пацифизма, которые во время мира ведут словесную войну против войны, а при первом пушечном залпе превращаются в шовинистских шакалов.**

Долой тех социалистов, которые в газетах и на собраниях обличают гнет буржуазии, а во все трудные для буржуазии дни являются лучшей ее опорой. Долой тех

желтых профессионалистов Амстердама, которые получают свои директивы у буржуазных министров и у магнатов капитала. Долой предателей, голосующих за буржуазный бюджет, помогающих строить капиталистические армии, охраняющих буржуазное государство, поддерживающих колониальное рабство и тем подготовляющих новые войны. Долой меньшевистских вождей политических и профессиональных организаций. Гоните их прочь, обличайте их, бойкотируйте, изгоняйте из рядов рабочего класса.

Вглядывайтесь зорко, сравнивайте, не верьте словам, проверяйте на деле,—и вы убедитесь, что есть одна лишь партия, готовая вести вас в бой и способная обеспечить победу: это коммунистическая партия. **Глядите на Россию:** в этой отсталой стране, раскинувшейся на необ'ятных пространствах, созданная гением Ленина революционная партия сумела не только опрокинуть свою буржуазию, но и отстоять власть трудящихся от бесчисленных врагов. Среди величайших трудностей, вызываемых отсталостью страны, низким уровнем культуры и грандиозностью разрушений, произведенных двумя последовательными войнами, рабочие и крестьяне воздвигают кирпич за кирпичем здание социалистического общества.

Вы, пролетарии Европы и Америки, могли бы совершить на этом пути дела несравненно большие, чем пролетариат России, ибо вы многочисленнее, и ваши страны богаче. Для того, чтобы стать несокрушимой силой, вам нужно лишь понять вашу силу и суметь применить ее. Этому вас учит международная коммунистическая партия. Следуйте за ней!

И вы, разоряемые и угнетаемые крестьяне, примыкайте к нашему великому союзу. Созданный в прошлом году Крестьянский Интернационал полностью и целиком отдает свои силы борьбе против милитаризма и опасности новой войны.

Крестьяне Европы! Фермеры Америки! Пахари всего мира! О судьбе вашего хозяйства, о головах ваших сы-

нов идет дело. Поднимайтесь, об'единяйтесь, примыкайте к революционному рабочему классу! Другого пути, другого спасения для вас нет.

Женщины, сестры, жены и матери,—менее заметно, чем мужчины, но не менее тяжко несут на себе чудовищное бремя милитаризма и войны... Разрушая рабочую семью, подрывая крестьянское хозяйство, четырехлетняя война превратила трудовую женщину во вьючное животное капитала... В сердцах матерей, жен и сестер бойня оставила страшные рубцы. После всего, что трудящаяся женщина испытала за эти годы, она должна быть в первых рядах борьбы против войны и капитала.

Работницы! Крестьянки! Ваше место — с нами, мы ждем и призываем вас.

Революционное просвещение колониальных народов становится вопросом жизни и смерти для пролетариата. Если буржуазия стремится угнетением колоний поддержать и увековечить угнетение пролетариата, то мы должны с своей стороны восстание колоний призвать на помощь восстанию пролетариата.

Национальные и расовые предрассудки суть продукт рабства и питают рабство. Шовинистское настроение, явное или скрытое, является лучшей опорой милитаризма и верным средством для подготовки будущих войн. Надо об'явить **беспощадную борьбу национальным предрассудкам и расовому высокомерию.** Не только прямая вражда, издевательство, ироническое отношение, но и покровительственно-снисходительный тон белых по отношению к желтым или черным должны сурово караться общественным мнением трудящихся, как отвратительное нарушение солидарности, как злостное штрейкбрехерство. Нужно, чтобы борьба классов не затемнялась и не искажалась шовинизмом. Нужно научить колониального труженика видеть в белом рабочем своего брата. А для этого **белый пролетарий должен научиться по-братски относиться к цветному населению колоний.**

Пролетарии Европы! Больше внимания вопросу о колониях, больше сил для революционной работы в ко-

лониях. Оттуда, где буржуазия хочет найти свою надежную опору, должен быть нанесен ей один из величайших ударов.

Труженики колоний! Рабы империализма! Наши братья! Пробуждайтесь к борьбе и независимости. Коммунистический Интернационал с вами!

* * *

Ближайшей, очередной, неотложной задачей нашей в борьбе против войны является в настоящий момент борьба против того заговора капиталистических насильников, который носит невинное название плана экспертов. И здесь, как везде, первый удар должен быть нанесен социал-демократии. Она пугает рабочих грозной силой Америки, она требует от них подчинения и покорности, она предрекает Европе и, прежде всего, Германии гибель, если та выйдет из-под подчинения американскому капиталу. Мы же коммунисты, говорим трудящимся Европы: ваше **спасение в непримиримой войне против плана экспертов, его проводников и защитников. Надо убрать с пути социал-демократию, надо опрокинуть буржуазию, надо взять в свои руки власть, надо об'единить европейское хозяйство, надо направить его по социалистическому пути.** Если Советская Россия могла в течение ряда лет победоносно отстаивать себя от капиталистической Европы и Америки, вместе взятых, то тем вернее будет победа пролетариата Европы, если он, овладев властью, об'единит европейские государства в Советскую Федерацию, в Рабоче-Крестьянские Соединенные Штаты Европы. Этим будет не только спасена европейская культура от упадка и гниения, не только будут обеспечены свобода и самостоятельность колониальных и полуколониальных стран, но и нанесен будет смертельный удар мировому самодержавию американского капитала. Революционное движение в Америке получит гигантский размах. Европейская социалистическая федерация станет, таким образом, краеугольным к мнем мировой социалистической республики. Только

с того времени человечество получит возможность мыслить и действовать по-человечески, мировое хозяйство будет организовано на началах солидарности и разума, мировые связи превратятся в братский обмен материальными и духовными благами между отдельными материками и народами. Войны отойдут в прошлое, ибо для них не будет более причин. Армии исчезнут вместе с войнами. Все усилия людей будут направлены на обогащение нашей планеты, на улучшение и украшение человеческой жизни.

Такова задача Коммунистического Интернационала,—грандиозная, но осуществимая. Путь ее осуществления указан Марксом и Лениным. Это—путь суровой борьбы в каждой стране против национальной буржуазии, это—путь сочетания борьбы пролетариата разных стран во имя захвата власти и установления диктатуры пролетариата. Кто говорит, что есть другие пути, — тот лжет вам. Коммунистический Интернационал служит делу пролетариата тем, что говорит ему правду. Пусть эта правда звучит повсюду, как набатный колокол революционной борьбы!

Против войны, против буржуазии, против социал-предателей, — за всемирную революцию, за диктатуру пролетариата, за коммунизм!

ПРЕЗИДИУМ ПЯТОГО ВСЕМИРНОГО КОНГРЕССА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА:

Зиновьев, Клара Цеткин, Сталин, Бухарин, Троцкий, Браун, Гебгард, Трейн, Селье, Бордига, Шмераль, Муна, Шефло, Колларов, Краевский, Катаяма, Рой, Стюарт, Дэнн, Вайнкоп.

Манифест принятый единогласно на заседании V конгресса 5 июня 1924 года.

В Е Р У Ю!..

Нам
Поселянам Земли
каждый Земли Поселянин родной.
Все
по станкам
по конторам
по шахтам братья.
Мы все
на земле
воины одной
жизнь созидающей рати.
Пробеги планет
держав бытие
подвластны нашим волям.
Наша земля.
Воздух нам.
Наши звезд алмазные копи.
И мы никогда
никогда!
никому
никому не позволим!
землю нашу ядрами рвать
воздух наш раздирать остриями отточенных копий!
Чья злоба надвое землю сломала?
Кто вздыбил дымы над заревом боен?
Или солнца
одного
на всех мало?!

Или небо над нами мало голубое?!
Последние пушки грохочут в кровавых спорах.
Последний штык заводы гранят.
Мы всех заставим рассыпать порох.
Мы детям раздарим мячи гранат.
Не трусость вопит под шинелью серою,
не крики тех, кому есть нечего;
это народа огромного громовое:
— Верую
величью сердца человечьего!
Это над взбитой битвами пылью,
над всеми, кто грызся, в любви изверясь,
днесь
небывалой сбывается былью
социалистов великая ересь!

(В. МАЯКОВСКИЙ.
«Революция.—Поэтохроника»).

ВОЙНА ПРОТИВ ВОЙНЫ

В октябре 1916 года т. Ленин писал:

Если теперешняя война вызывает у реакционных христианских социалистов, у плаксивых мелких буржуа только ужас и запуганность, только отвращение ко всякому употреблению оружия, к крови, смерти и пр., то мы должны сказать: капиталистическое общество было и всегда является ужасом без конца. И если теперь этому обществу настоящая реакционнейшая из всех войн подготовляет конец с ужасом, то мы не имеем никаких оснований приходить в отчаяние. А не чем иным, как проявлением именно отчаяния, является, по своему об'ективному значению, «требование» разоружения—вернее сказать: мечтание о разоружении—в такое время, когда на глазах у всех силами самой буржуазии подготовляется единственно законная и революционная война, именно: гражданская война против империалистической буржуазии.

* * *

Один буржуазный наблюдатель Коммуны писал в мае 1871 года в одной английской газете: «Если бы французская нация состояла только из женщин, какая это была бы ужасная нация!» Женщины и дети с 13 лет боролись во время Коммуны на ряду с мужчинами. Иначе не может быть и при грядущих битвах за низвержение буржуазии. Пролетарские женщины не будут смотреть пассивно, как хорошо вооруженная буржуазия будет расстреливать плохо вооруженных или невооружен-

ных рабочих. Они возьмутся на оружие, как и в 1871 году, и из теперешних запуганных наций—вернее: из теперешнего рабочего движения, дезорганизованного более оппортунистами, чем правительствами,—вырастет, несомненно, рано или поздно, но абсолютно несомненно, интернациональный союз «ужасных наций» революционного пролетариата.

Теперь милитаризация проникает собой всю общественную жизнь. Империализм есть ожесточенная борьба великих держав за раздел и передел мира,—он неизбежно должен поэтому вести к дальнейшей милитаризации во всех странах, и в нейтральных и в маленьких. Что же будут делать против этого пролетарские женщины? Только проклинать всякую войну и все военное, только требовать разоружения? Никогда женщины угнетенного класса, который действительно революционен, не помирятся с такой позорной ролью. Они будут говорить своим сыновьям:

«Ты вырастешь скоро большой. Тебе дадут ружье. Бери его и учись хорошенько военному делу. Эта наука необходима для пролетариев—не для того, чтобы стрелять против своих братьев, рабочих других стран, как это делается в теперешней войне, и как советуют тебе делать изменники социализма,—а для того, чтобы бороться против буржуазии своей собственной страны, чтобы положить конец эксплоатации, нищете и войнам не путем добреньких пожеланий, а путем победы над буржуазией и обезоружения ее».

Если отказаться от ведения такой пропаганды и именно такой пропаганды в связи с теперешней войной, то лучше вовсе не говорить больше слов о международной революционной с.-д., о социалистической революции, о войне против войны.

(«Против течения», статья «О лозунге разоружения»).

ГОЛОС

Ряды ружей, ряды шлемов колебались, подвигались гонимые непостижимой силой вперед, сжатые вместе непонятной волею. То—батальон несчастного Хеплейна!..

Юноши, румяные, простодушные, детские лица, еще не подозревающие, что завтра кругом будет смерть! Как часто переживал Аккерман эти минуты отправления на вокзал... Старые боевые солдаты с медалями на груди... Нет, у них не было никаких иллюзий!

Тупо маршировали они, так же точно, как прежде маршировал он: тупые, потные, нагруженные, дрожа от взгляда начальства.

Сотни раз могли они рисковать своей жизнью в окопах... все же они оставались только животными...—здесь, как и у всех ведущих войны народов—солдат был только животным, не больше! Несколько женщин маршировали в рядах солдат,—невесты, матери, жены—бледные, пошатываясь, плача...

Так шли они...

И вот, вдруг.

Вдруг раздался голос!

Откуда?!

Никто не знал...

Голос,—ясный, металлический, проникновенный...

И голос этот воскликнул звонко, гулко над жужжащим, бушующим Берлином:

— Да здравствует дружба народов!..

Молчание.

Площадь звенела, эхо, барабаны...

— Долой войну! — Молчание, рев, барабаны... — Все люди—братья!..

На куче камня стоял человек, солдат, в широкой серой развевающейся шинели; он дико вскинул вверх руки, мертвенно бледный... Руки его дрожали, а голос звенел, звенел...

И вдруг этот звенящий, восторженный голос оборвался!..

Солдат исчез.

Он лежал на мостовой, окруженный кучкой людей.

Секунду спустя человека в серой солдатской шинели волокли по мостовой.

Батальон двигался дальше. Снова играл оркестр...

Большинство ничего не видало... но слышало... да, слышало голос в воздухе!

Этот голос когтями впился в их сердца, изодрал их так, что они засочились кровью от тоски и муки...

Голос!.. Что за голос?!..

...Человека в серой шинели втолкнули в военный автомобиль. Лицо его было в крови...

(КЛЛЕРМАН, «9-ое ноября»).

СОЛДАТ С ДЕРЕВЯННОЙ НОГОЙ

В дверях, выходящих на двор, появилась какая-то высокая фигура, совершенно заслонившая свет, и начала, медленно и хромая, спускаться по ступенькам вниз. Фигура была на костылях и двигалась с трудом.

Минна увидела перед собой солдата с деревянной ногой. Он спросил ее:

— Здесь живет фрау Мюллер?

В подвальном этаже уже было темно, и Минна испугалась его голоса. Она не чувствовала в нем ни нетерпения, ни ожидания, ни тоски, а слышала только гадкий, хриплый, надломленный голос. Она испуганно и тихо проговорила: «Да!»

Этот человек стал нагибаться к ней все ниже и ниже. Она видела, как вращаются белки его глаз. Страшно испуганная, она уже хотела убежать. Вдруг он ее схватил.

— Не ты ли Минна? Минна Домбровская? — спросил он.

Она едва успела прошептать «да», как он ее поднял на руки и так крепко прижал ее к своей груди, что у нее перехватило дыхание. Она барахталась и отбивалась от него. Мюллерша говорила ей, что она, ни в коем случае, не должна позволять себя никому хватать и не должна ни с кем уходить. Но тут ничего не помогало. Этот чужой человек крепко держал ее в своих об'ятиях, целовал ее и стонал при этом...

. . . . . .

Так это отец? Он не привез с собой кожи для башмаков, и дети нисколько ему не обрадовались. Совсем иначе представляли они себе возвращение отца.

Станислав Домбровский сидел в комнате Мюллерши. Мальчик стоял перед ним и смотрел на него большими глазами. Мало ли что! Этак каждый, ведь, может сказать: «Я твой отец». Эрик уже много видал на своем веку и перестал быть легковерным, как прежде. Он недоверчиво посматривал на чужого человека. А Минна прямо сказала:

— У нашего отца были две ноги. Я это знаю хорошо.

Лицо Домбровского до такой степени искривилось, что почти стало похоже на маску. Казалось, он заплачет, но он громко засмеялся.

— Минна,—сердито крикнула Мюллерша, — не будь такая дерзкая. Скорее поцелуй отца... Вы не должны обижаться на нее, господин Домбровский. Она еще малое дитя и притом слишком боязливая...

Мюллерша хотела поправить дело и потому, подтолкнув Минну, прибавила:

— Ну, скорее, поцелуй своего отца.

Минна струсила. Она знала уже по опыту, что когда Мюллерша так смотрит, то это не предвещает ничего хорошего. Вся дрожа, она прижала свои губки к щетинистой щеке своего отца, пугавшей ее, пожалуй, еще больше, чем шлепки Мюллерши.

* * *

Станислав Домбровский был выпущен из лазарета. Искусственную ногу он мог получить только позднее и пока должен был довольствоваться деревяшкой. Это еще не было самое худшее. К хождению на костылях привыкают. Но дрожание, трясение... Голова у него тряслась во все стороны, и все тело пронизывала дрожь. Он был тяжело ранен и засыпан землей и обломками. Под ними он пролежал лишь немного часов, другие выдерживали гораздо больше, но для него оказалось достаточно и этого. «Хромой калека», говорил он про себя с горечью. Он уже не был прежним, несколько туповатым и добродушным рабочим. Если он теперь смеялся, то смеялся

угрюмо. Когда у него бывали деньги, он покупал водку и напивался, но и водка не доставляла ему желательного утешения.

— Поеду к своей сестре в Опаленицу,—отвечал он фрау фон-Фойхт, когда она спросила его, что он намерен делать.—Ничего другого мне не остается. Мой зять не обрадуется. Но что же мне делать? «Хромой калека».

* * *

Вагон трамвая был совершенно переполнен, и они с трудом в него влезли. Инвалид, однако, научился твердо устанавливать свой костыль. Ему удалось даже стоять твердо на одной ноге и во время хода поезда. Он устоял даже тогда, когда кондуктор, протискавшийся мимо него в вагон, чуть не столкнул его. Но дрожание и это проклятое трясение головы и всех членов всегда усиливалось при малейшем волнении и напряжении. Он заворчал на кондуктора, который взял его под руку, чтобы поддержать, и с бешенством взглянул на даму, которая встала со своего места и сказала ему: «Пожалуйста садитесь». Он даже не благодарил ее. Зачем она смотрит на него с таким состраданием? Всякий взгляд, выражающий сострадание, непременно приводил его в бешенство. Он не хочет никакой жалости, никакого сострадания. Ну, да, конечно! Эта особа в шелковом платье может простоять четверть часа. Ведь, стоял же он для нее под Верденом много часов. А эти часы стоили целых годов, такими они казались долгими. Вообще, все, которые сидят здесь и там на мягких скамейках, разговаривают, смеются, читают газету или книгу, не думают о том, что он сделал для них. Разве они все не должны бы вскочить и уступить ему место? А они остаются сидеть. Он пожертвовал для них своей ногой, своей крепкой, здоровой ногой, да еще вдобавок получил это дрожание, это проклятое трясение, от которого избавиться не может... И, сам того не сознавая, он застонал.

Все взоры обратились в его сторону: несчастный! И он услыхал чей-то голос, говоривший:

— Ужасно. Такому не следовало бы ездить на трамвае.

А на чем же ему следует ездить, скажите, пожалуйста? На автомобиле, что ли? Домбровский мрачно смотрел в пространство. Он не хотел ни видеть, ни слышать ничего. Но не мог помешать своим ушам слышать. Разве там не говорят о нем? С сожалением, с состраданием... О, проклятое сострадание! Они с ужасом говорят о нем... На лбу у него выступил пот..

* * *

Прошло несколько часов, прежде чем отошел поезд. Но они ждали терпеливо в огромном зале с заплеванным и выпачканным сотнями ног полом. Некоторые из проходивших мимо взглядывали на инвалида, и хорошо, что он не замечал этих взглядов. Он сидел с опущенной на грудь головой, которая тряслась у него даже во сне. Но мрачное выражение исчезло, и только невыразимая печаль виднелась на его измученном лице, когда он сидел так, с закрытыми глазами. Ему рисовались мирные картины: деревня, потонувшая в зелени, дом сестры на краю пшеничного поля... У нее, по крайней мере, дети его будут сыты, будут довольны. Ну, а он, он... Лоб его сморщился точно от приступа боли, и он застонал во сне.

Кто-то из проходивших мимо него бросил монету бедному инвалиду в поношенной солдатской шинели. Она упала ему на колени, но он даже не заметил этого. Мина тоже не заметила. Она заснула крепким детским сном, прислонившись к деревянной ноге отца, и щечки ее раскраснелись. Эрик, однако, видел и взял деньги. Отец стал бы ругаться. «Я не нищий, — сказал бы он, — брось!..» Но мальчик решил их припрятать для него..

(КЛАРА ФИБИХ—«Красное море»).

ЖОРЖ ГРОСС

Послевоенная картинка в Германии

«ДО ПОСЛЕДНЕГО ЧЕЛОВЕКА!»

Гадский старался разглядеть, что происходило вокруг, как вдруг глаза его неожиданно приковала к себе необычайная сцена. Неподалеку от него, разводящий оживленно что-то доказывал кому-то невидимому. Он резко жестикулировал и, вытирая мокрый от пота лоб, старался силой поднять сидевшего на земле, в густой тени, человека, боязливо поглядывая все время на разговаривавшего с горнистом капитана.

Гадский, заинтересовавшись, подошел поближе и узнал «капуцина», — загадочного солдата, попавшего в батальон незадолго до его отправления на позицию. Этот человек упорно избегавший разговоров, сидел на полу землянки с молитвенником и четками в толстых пальцах и, бледный, как мертвец, упрямо качал головой. Он отказывался... он не желал подниматься наверх... Наступила его очередь итти в караул... но он не хотел... В сущности он был прав. Пока артиллерия работала с таким усердием, неприятель навряд ли выйдет из своих окопов. Но что, если капитан... Гадский с тревогой проследил взгляд разводящего и облегченно вздохнул: капитан все еще разговаривал.

— Я не пойду, — громко заявил «капуцин».

Все присутствовавшие моментально оглянулись, и сноп любопытных и полных изумления взглядов устремился к тому месту, откуда донеслись эти слова.

Пот струился по лбу разводящего. С отчаянием он поднял руки и, возвышая голос, гневно сказал:

— Чорт возьми. Тут ничего не поделаешь.

Острым, как игла, взглядом Гадский впился в белое, как мел, лицо «капуцина». Ему очень хотелось подойти ближе, но он не посмел, так как находился между капитаном и двумя другими офицерами. Почему он никогда не обменялся ни одним словом с этим солдатом? Именно с ним.

— Я не пойду.

Эти ужасные слова еще раз прозвучали среди быстро нараставшей тишины. Они были сказаны так громко, что разводящий потерял всякую надежду и решительно отвернулся.

«Не надо... Не надо»... — с мольбой зашептал про себя Гадский, как это он делал ребенком, когда, не зная хорошо урока, видел, что учитель, перелистывая классный журнал, приближался к его фамилии. Голос капитана раздавался все яснее среди тревожного молчания, сковавшего всю землянку. Резкие, как взмахи бритвы, жесты разводящего, довели до высшей степени напряжения и без того уже возбужденные нервы присутствовавших.

«Не надо», — простонал Гадский... Но сзади него уже прогремела страшная фраза, остановив биение его стучавшего, как часы, сердца.

— Ну, что там такое?

О, как ненавидел Гадский этот грубый, отвратительный голос. Он проник в него с такой силой, что ему стало дурно, и он заткнул себе рот платком. Бородач медленно поднялся. Молчание, словно готовый захлопнуться капкан, стало еще напряженнее, и все головы поникли, как будто их притянули к земле. Разводящий, весь в поту и заикаясь, подошел к капитану, делая руками отрывистые и безнадежные движения. В эту минуту «капуцин» вдруг раскрыл рот и бросил в лицо офицеру стегнувшие того, как хлыстом, слова:

— Я не пойду.

Капитан отскочил назад, выдвинул вперед свою нижнюю челюсть, как собирающаяся укусить собака, и заорал на великана. Но тот моментально задрапировался

в свое невозмутимое спокойствие. И только после того, как офицер положил руку на кобуру своего револьвера и с бешенством повторил свой вопрос, только тогда едва заметная дрожь пробежала по могучему телу «капуцина», а его бледные губы, с глухим скрежетом, словно они скоблили каменную глыбу, выплюнули сквозь густую бороду к ногам спущенного с цепи бульдога в мундире одно единственное слово:

— Нет.

У всех находившихся в землянке сперло дыхание. Они застыли, точно каменные... Сотня искаженных и неподвижных лиц стойко выдержала взгляд капитана, когда он, скользя, как ядовитая жаба, по рядам людей, недоверчиво впивался в их глаза. Наступило грозное молчание... Как хищный, готовый прыгнуть зверь, оно нацелилось сотней когтей на плечи укротителя, когда он, приняв моментально решение, выхватил револьвер и прицелился.

«Не надо» — воскликнул про себя Гадский. Он зажмурился, заткнул уши... Но выстрела не последовало. Офицер опустил оружие и плюнул:

— Даже твой труп, паршивый пес, не должен лежать среди честных солдат.

И визгливым, почти срывавшимся голосом, он скомандовал:

— Унтер-офицер Фребель, возьми пять человек...

(Из романа А. ЛАЦКО. «Суд над войной»).

ВЕЛИКИЙ ПАМЯТНИК

Басня

Не знаем в точности, в каком уж там году, —
Про это разные доселе ходят толки, —
Но достоверный факт: львы, кабаны и волки
Пустили как-то слух, что жить хотят в ладу.
Не воевать же, дескать, вечно.
Львы довели до сведенья волков,
Что уважают их и любят их сердечно,
А волки стали выть, что нрав-де их таков,
Что мирное житье для них всего дороже,
И если б знали кабаны...
Им кабаны в ответ захрюкали: «Мы тоже
Готовы сделать все, чтоб избежать войны».
В конечном результате
Таких речей — от львов, волков и кабанов
В торжественном трактате
За подписью ответственных чинов
(Чьих, — мы имен опять не знаем, к сожаленью)
Об'явлен был всему лесному населенью
И населенью «прочих мест»
Особенный такой наказ иль манифест
«О прекращении звериных войн
навеки
И о характере опеки
Над теми, кто»...
Увы, кто в старину влюблен,
Тот нашу грусть поймет: сей акт отменно-важный,—
Не знаем, каменный он был, или бумажный,

И протестантским ли он знаком был скреплен
Иль католическим, иль знаком православия, —
Суть в том, что окромя неполного заглавия
(Его нашла одна ученая овца)
К нам больше не дошло ни одного словца:
Великий памятник великой
Древне-звериной старины —
Погиб он в пламени — всесветной, зверски-дикой —
Не прекратившейся до наших дней войны.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ.

1921 т. ноябрь.
Во время Вашингтонской конференции по «разоружению».

ЕЩЕ БУДУТ ВОЕННЫЕ БУРИ

После этой войны будет другая. Война будет повторяться до тех пор, пока решать ее будут не те, кто воюют. Одни и те же причины будут вызывать те же результаты, и люди, живущие сейчас, должны оставить всякую надежду.

Нельзя знать, какие исторические комбинации породят великие бури, и под какими именами будут красоваться в тот мемент времени изменчивые идеалы, внушенные людям. Причиной будет, быть может, повсюду, боязнь истинной свободы народов. Единственное, что можно знать, это — что бури эти будут.

Вооружения станут ежегодно возрастать в головокружительных размерах. Меня снова терзает болезненное пристрастие к точности. Мы отбывали три года воинской повинности; наши дети будут отбывать пять, десять лет. Мы платим два миллиарда в год на подготовку к войне. Будем платить двадцать, будем платить пятьдесят. Все достояние наше будет отнято; это будет грабеж, разорение, банкротство. Война убивает богатство так же, как людей, оно исчезает в дыму и обломках, и золото столь же невозможно изобрести, как невозможно изобрести солдат. Люди разучились считать; разучились всему. Триллион—миллион миллионов... Слово мерещится мне напечатленным на хаосе вещей. Я с ужасом стараюсь постигнуть непостижимость этого нового слова, рожденного вчера войною.

На земле не останется ничего, кроме подготовки к войне. Все живые силы будут поглощены ею, она завла-

деет всеми открытиями, всею наукой, всеми идеями. Одного только овладения воздухом, упорядоченного рассекания пространства будет достаточно для сокрушения национальных достояний — ибо воздухоплавание, это волшебное и чудесное завоевание, с момента рождения своего превратилось, в кругах завистников, в богатую добычу, которой желал всякий и которую все яростно оспаривали друг у друга.

Другие расходы иссякнут раньше расходов на истребление, а также и другие стремления и всякие иные цели жизни. Таков будет смысл последнего века человечества.

АНРИ БАРБЮС.

ЖОРЖ ГРОСС

ТАКОЙ мир обеспечен

ИМПЕРИАЛИЗМ И ВОЙНА—ИЛИ СОЦИАЛИЗМ И МИР?

Апрель 1918 года

В чем заключаются те противоречия, которые до сих пор приводили к войне и которые будут к ней приводить, пока они существуют? Капиталистическая мировая конкуренция между различными политически об'единенными группами интересов, между отдельными империалистическими системами из-за богатств земли (сырье, рабочая сила, рынки сбыта для расширения хозяйства).

Так уничтожим же эту конкуренцию, сделав богатства земли общим достоянием всего человечества! Заменим капиталистическое общество, раздирающее человечество на классы и на уничтожающие друг друга орды разбойников, обществом социалистическим, примиряющим и об'единяющим человечество!

Создать этот интернационал будущего, этот интернационал победы, вот задача Интернационала, настоящего интернационала борьбы. Средство к этому—социальная революция, которая одна лишь может не только подготовить сейчас мир, но и уничтожить будущие причины войны.

Кто желает цели, должен желать средства.

Империализм и война или социализм и мир—третьего не существует.

Восстаньте, спящие! Близорукий народ! Если ты сегодня не покончишь с империализмом, прежде чем власть имущие достигнут своей цели, то настоящая война явится лишь увертюрой к целой эпохе ужасных мировых войн.

И ты надеешься избегнуть тех жертв, которые потребует от тебя сейчас социалистическая революция?..

Ведь, эта революция должна наступить, чтобы не погибло человечество. И ты должен будешь принести ради нее жертвы,—те жертвы, из которых вырастет счастье человечества. Трудности и жертвы не станут ни меньше, ни больше, если ты их будешь откладывать, если ты их нынче же, во время войны, не решишься взять на себя. Это только увеличит твои бедствия, и никакие колебания их не отстранят!

(КАРЛ ЛИБКНЕХТ—«Тюремные записки»).

О БОРЬБЕ ПРОТИВ ВОЙНЫ

Заметки по вопросу о задачах нашей делегации в Гааге

Настоящий замечательный документ написан В. И. Лениным 4-го декабря 1922 года и был предназначен в качестве инструкции нашей делегации, отправлявшейся на конференцию II Интернационала в Гааге по вопросу о борьбе против войны.

Г. З.

По вопросу о борьбе с опасностью войны в связи с конференцией в Гааге я думаю, что самой большой трудностью является преодоление того предрассудка, что этот вопрос простой, ясный и сравнительно легкий.

— Ответим на войну стачкой или революцией,—так говорят обыкновенно все виднейшие вожди реформистов рабочему классу. И очень часто кажущаяся радикальность этих ответов удовлетворяет и успокаивает рабочих и крестьян.

Может быть, самый правильный прием состоял бы в том, чтобы начать с самого резкого опровержения подобного мнения. Заявить, что особенно теперь, после недавней войны, только самые глупые или безнадежно лживые люди могут уверять, что подобный ответ на вопрос о борьбе против войны куда-нибудь годится; заявить, что «ответить» на войну стачкой невозможно, точно так же, как невозможно «ответить на войну» революцией в простейшем и буквальном смысле этих выражений.

Надо об'яснить людям реальную обстановку того, как велика тайна, в которой война рождается, и как

беспомощна обычная организация рабочих, хотя и называющая себя революционной, перед лицом действительно надвигающейся войны.

Надо об'яснить людям со всей конкретностью еще и еще раз, как обстояло дело во время последней войны, и почему оно не могло обстоять иначе.

Надо об'яснить, в особенности, значение того обстоятельства, что «защита отечества» становится неизбежным вопросом, который громадное большинство трудящихся будет неизбежно решать в пользу своей буржуазии.

Поэтому раз'яснение вопроса о «защите отечества»,— во-первых; во-вторых, в связи с этим, раз'яснение вопроса о «пораженчестве», и, наконец, раз'яснение единственно возможного способа борьбы против войны, именно сохранение и образование нелегальной организации для д л и т е л ь н о й работы против войны всех участвующих в войне революционеров — все это должно быть выдвигаемо на первый план.

Бойкот войны — глупая фраза. Коммунисты должны итти на любую реакционную войну.

Желательно на примерах, хотя бы немецкой, литературы перед войной и, в частности, на примерах Базельского конгресса 1912 г., показать с особенной конкретностью, что теоретическое признание того, что война недопустима для социалиста и т. п. оказывается пустыми словами потому, что никакой конкретности в подобной постановке вопроса нет. Никакого действительно жизненного представления о том, как война может надвинуться и надвинется, мы не даем массам. Напротив, господствующая пресса каждый день в необ'ятном числе экземпляров затушевывает этот вопрос и распространяет относительно него такую ложь, против которой слабая социалистическая пресса совершенно бессильна, тем более, что и в мирное время она держится по этому пункту в корне неправильных взглядов. Коммунистическая пресса в большинстве стран, наверное, осрамится тоже.

Я думаю, что нашим делегатам на международном конгрессе кооператоров и трэд-юнионистов следовало бы разделить между собою задачи и разработать все те софизмы, которыми оправдывают войну в настоящее время, с самой детальной подробностью.

Может быть, самым главным средством привлечения масс к войне являются именно те софизмы, которыми буржуазная пресса оперирует, и самым важным обстоятельством, об'ясняющим наше бессилие против войны, является то, что мы либо этих софизмов не разбиваем заранее, либо еще больше отделываемся по отношению к ним дешевой, хвастливой и совершенно пустой фразой, что мы войны не допустим, что мы вполне понимаем преступность войны, и т. п. в духе Базельского манифеста 1912 года.

Мне кажется, что, если у нас будет на Гаагской конференции несколько человек, способных на том или другом языке сказать речь против войны, то всего важнее опровергнуть мнение о том, будто присутствующие являются противниками войны, будто они понимают, как война может и должна надвинуться на них в самый неожиданный момент, будто они сколько-нибудь сознают способ борьбы против войны, будто они сколько-нибудь в состоянии предпринять разумный и достигающий цели путь борьбы против войны.

В связи с недавним опытом войны мы должны раз'яснить, какая масса и теоретических и житейских вопросов станет на другой день после об'явления войны, отнимая всякую возможность у громадного большинства призываемых относиться к этим вопросам со сколько-нибудь ясной головой и сколько-нибудь добросовестной предубежденностью.

Я думаю, что раз'яснять этот вопрос надо с необыкновенной подробностью и раз'яснять его надо двояко.

Во-первых, рассказывая и анализируя, что было во время предыдущей войны, и заявляя всем присутствующим, что они этого не знают, или что они притворя-

ются знающими это, на самом же деле закрывают глаза на то, в чем состоит самый гвоздь вопроса, без знания которого ни о какой борьбе против войны не может быть и речи. По этому пункту, я думаю, необходим разбор всех оттенков, всех мнений, которые среди русских социалистов возникли тогда по поводу войны. Необходимо доказать, что эти оттенки возникли не случайно, а будучи порождены самой природой современных войн вообще. Необходимо доказать, что без анализа этих мнений и без раз'яснения того, как они неизбежно возникают и как они имеют решающее значение для вопроса о борьбе с войной; без такого анализа ни о какой подготовке к войне и даже о сознательном отношении к ней не может быть и речи.

Во-вторых, — надо взять пример теперешних конфликтов, хотя бы и самых ничтожных, и раз'яснить на их примере, как война может возникнуть ежедневно из-за спора Англии и Франции относительно какой-нибудь детали их договора с Турцией, или между Америкой и Японией из-за пустяковинного разногласия по любому тихо-океанскому вопросу, или между любыми крупными державами из-за колониальных споров, или из-за споров об их таможенной или вообще торговой политике и т. д., и т. д.

Мне сдается, что, если будут малейшие сомнения насчет возможности вполне свободно сказать всю свою речь против войны в Гааге, то следует обдумать ряд хитростей для того, чтобы сказать, хотя бы только главное, а затем издать то, что не удастся досказать, брошюрой. Надо итти на то, чтобы председатель оборвал.

Я думаю, что для этой цели в делегацию должны быть приглашены кроме ораторов, способных и обязанных сказать речь против войны в целом, т.-е. развивая все главные доводы и все условия борьбы против войны,—еще владеющие всеми тремя главными иностранными языками люди, которые посвящали бы себя разговорам с делегатами и выяснению того, насколько ими поняты основные доводы и насколько есть надобность в

постановке тех или иных аргументов, или привлечении примеров.

Может быть, по ряду вопросов способно оказать серьезное действие только привлечение фактических примеров из области прошлой войны. Может быть, по ряду других вопросов серьезное действие можно оказать лишь раз'яснением современных конфликтов между государствами и их связи с возможным вооруженным столкновением.

По вопросу о борьбе с войной мне помнится, что есть целый ряд заявлений наших коммунистических депутатов как в парламентах, так и в речах вне парламентов, заявлений такого рода, которые содержат в себе чудовищно неправильные и чудовищно легкомысленные вещи насчет борьбы с войной. Я думаю, что против подобных заявлений, особенно, если они делались уже после войны, надо выступить со всей решительностью, беспощадно называя имена каждого подобного оратора. Можно смягчить как угодно, особенно, если это нужно, свой отзыв о таком ораторе, но нельзя пройти молчанием ни одного подобного случая, ибо легкомысленное отношение к этому вопросу есть такое зло, которое перевешивает все остальное и к которому быть снисходительным абсолютно невозможно.

Есть ряд решений рабочих с'ездов, безнадежно глупых и легкомысленных.

Надо собрать немедленно все и всякие материалы и обстоятельно обсудить и все отдельные части и частицы темы и всю «стратегию» на с'езде.

С нашей стороны будет нетерпима по такому вопросу не только ошибка, но и существенная неполнота.

4/XII—1922 г.

ЛЕНИН.

18.000 ЧЕРЕПОВ В ЦИНКОВОМ ЯЩИКЕ

Каждый год союзники празднуют годовщину подписания знамени того перемирия. Таким образом, если верить праздникам, следует предположить, что так называемая «великая европейская война» — кончилась. Правда, я лично этого не заметил. Наоборот, мне казалось, что война продолжается, но, может быть, виной тому мой дурной характер. Итак, предположим, что война кончилась, и посмотрим, как понимают ее европейские народы.

Я прожил около двух месяцев во Фландрии, недалеко от Изера, в том районе, где происходили в годы войны памятные бои. Истерзанная земля хранит свои незалеченные болячки, как паршивая собака. Поля незасеяны. Дома неотстроены. В жалких бараках, в мокрых землянках ютятся жители погибших сел и городков. Может быть, услыхав это, вы подумаете о заседаниях репарационной комиссии. Да, да, конечно, господин Пуанкарэ открывает и закрывает рот. В Руре хорошенькие сенегальцы или сомалийцы подстреливают рабочих. Но в сырых норах по-прежнему дрожат крестьяне Фландрии и Пикардии. В министерстве изящных искусств обсуждаются проекты домов в строго национальном стиле. В газетах помещаются отчеты о каких-то хищениях крупных подрядчиков. Под суд!.. Долой национальный блок!.. Да здравствует национальный блок!.. Скоро выборы!.. Гони мандаты!.. А крестьяне все-таки дрожат, а болячки не заживают.

Между прочим, в порядке возвеличения чистого идеа-

лизма, спешу заверить, что со дня подписания перемирия и по ноябрь 1923 г. во Франции воздвигнуто 6.831 памятник героям войны. Правда, в памятниках нельзя жить, но зато они совершенно необходимы господину Пуанкарэ. Где бы он без них раскрывал и закрывал свой столь общеизвестный рот.

Фабрики не отстроены, но зато открылся новый вид дохода. В учебниках географии следует отметить: департаменты Нор, Эн-Мес и другие, торговавшие прежде батистом, мылом или вином, торгуют теперь предпочтительно патриотизмом. Не жалейте их... Это очень выгодная торговля. В Брюсселе, Париже, Лондоне, до сих пор функционируют бюро экскурсий на поля битв. Весной, в пригожий денек, целые табуны раскормленных боков и задов, снабженные головами лишь по необходимости, вроде как паспортами, отбывают в комфортабельных фордах к Вердену или же Ипру. Там, среди развалин, на паршивой земле построены шикарные кафе и рестораны.

— Знаменитый Морт-Ом. Здесь погибло свыше сорока тысяч человек! — выкрикивает гид. И зады любопытно поворачиваются: 40.000 — это что-нибудь да значит, ради этого стоит и повернуться. Хорошо бы именно отсюда послать карт-посталь. Все к их услугам. По земле ползают инвалиды: куски мяса, без ног, без рук, часто без лиц, обожженные горящей жидкостью или полуудушенные газами, они продают открытки с видами тех мест, где оставили свои руки, ноги или глаза. Зады покупают: они рады поддержать доблестных героев. Но задам жарко. И, отгоняя инвалидов, гарсон приносит ледяные коктайли.

Потом кладбища. Их тоже посещают. Чорт возьми— это же импозантно: 6.000 крестов, выстроенных в правильные ряды. Это же почти как Юнгфрау или как океан.

По одному из таких кладбищ как-то проходил г. Пуанкарэ. Он даже не раскрывал рта, он только торжественно проходил мимо тысяч крестов. И так как перед

ним не было оператора Патэ, он позволил себе откровенно улыбнуться. Кладбища опасные места: среди крестов скрывался нескромный фотограф. Запечатлев не вполне уместную улыбку г. Пуанкарэ, он быстро продал негатив в редакцию газеты «Юманите». Коммунисты в палате депутатов стали коварно допрашивать г. Пуанкарэ—отчего он, собственно говоря, так радуется убитым? Но я готов заступиться за французского премьера. Я думаю, что он улыбался, вовсе не думая об убитых. Он улыбался по всей вероятности, как истинный француз своему хорошему пищеварению. О мертвых никто зря не думает — это же глупо думать о таких невеселых вещах. Репарации, коммерция, мандаты!..

МИЗЕЕРЕЛЬ. Люди и война.
Победитель.

Кости одного неизвестного солдата выкопаны и вновь зарыты посреди площади Этуаль в Париже и на площади Конгресса в Брюсселе. Эти могилы стали

огромными плевательницами. Что ни день, туда являются депутации, горланят, машут тряпками и выплевывают очередную порцию гадких слов о правде, о любви. Сегодня лавочники Венсена, завтра военный атташе Уругвая, послезавтра сам т. Пуанкарэ. Здесь только пошлости, что она становится даже великолепной.

В Брюсселе, например, к костям провели газовые трубы.

День и ночь горит на великой могиле струя газа. Ну, чем не поэтично — неугасимая лампада?

Столько же внимания проявляется к живым трупам, оставшимся после войны: к инвалидам.

Брюссель. Вереница автомобилей. В них самые страшные из инвалидов. Не лица — просто плохо зарубцевавшиеся куски мяса. Светские дамы с кружками собирают пожертвования. Но, подождите, самое любопытное дальше. На автомобилях большие плакаты: «Пейте Тоник Кампи», «Курите папиросы Мисс», «Лучшее мыло Кадум». Так вот почему безногие, слепые очутились на два часа в столь прекрасных автомобилях. Пусть покатаются. Эта реклама чего-нибудь да стоит.

Это даже не жестокость. Это попросту быт. Возле Вердена стоит огромный ящик. Показывая его, гид с особенной энергией кричит: «Внимание! До 18.000 черепов: кости защитников форта Домон»... Подходит любопытный, стучит набалдашником палки об ящик. Кости молчат. Спрашивает: «А почему это не пахнет?» — «О, месье, ящик из цинка, все прекрасно оборудовано, и потом... уже прошло 4 года». Вот и все.

Когда-то нас удивлял в книгах образ крестьянина, быстро перепахивавшего поле битвы. Как он бледен по сравнению с этим европейским торгашем, который готов торговать черепами. 18.000... Прекрасно оборудовано.

Курите папиросы Мисс. Слава героям. 10 франков билет. Справедливость победила. Мыло Кадум. Не забудьте, только Кадум. Выше всего любовь.

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ.

ДОЛОЙ ВОЙНУ!

— Граждане, солдаты отныне свободной русской армии, мне выпала редкая честь поздравить вас со светлым праздником: цепи рабства разбиты, в три дня, без единой капли крови, русский народ совершил величайшую в истории революцию.

— Урррааааа!, — протяжно заревела тысячеголосая толпа солдат...

Перед трибуной на ровном поле с черными и грязными пятнами снега стояли солдаты, тысячи две человек, без оружия, в железных шапках, в распоясанных мятых шинелях и слушали, разинув рты, удивительные слова, которые говорил им багровый, как индюк, барин. Вдалеке, в серенькой мгле, торчали обгоревшие трубы деревни. За ней начинались немецкие позиции...

— Солдаты!—вытянув перед собой руку с растопыренными пальцами продолжал Николай Иванович...— еще вчера вы были нижними чинами, бессловесным стадом, которое царская ставка бросала на убой... Вас не спрашивали, за что вы должны умирать... Вас секли за провинности и расстреливали без суда... Я, назначенный временным правительством, комиссар армий западного фронта, об'являю вам... отныне нет более нижних чинов. Название отменяется. Отныне вы, солдаты, равноправные граждане государства российского: разницы больше нет между солдатом и командующим армией... Отдача чести солдатом какому-бы то ни было офицерскому чину — отменяется навсегда. Вы можете здороваться за руку с генералом, если вам охота...

— Го, го, го, — весело прокатилось в толпе солдат. Улыбался и полковник Тетькин, помаргивая испуганно.

— Наконец, самое главное: солдаты, прежде война велась царским правительством, нынче она ведется народом — вами. Посему, временное правительство предлагает вам образовать во всех армиях солдатские комитеты,—ротные, батальонные, полковые и т. д. вплоть до армейских... Отныне солдатский палец будет гулять по военной карте рядом с карандашом главковерха... Солдаты, я поздравляю вас с главнейшим завоеванием революции...

— А скоро замиряться с немцами станем?..

— Третий месяц в окопах гнием... Износились...

Один из солдат, рыжеватый, радостно злой, в шинели в накидку... поймал Николая Ивановича за ремень френча и, бегая кругом глазами, начал спрашивать:

— Господин военный комиссар, вы нам сладко говорили, мы вас сладко слушали... Теперь вы на мой вопрос ответьте... Получил я из деревни письмо, сдохла у меня дома коровушка, сам я безлошадный, и хозяйка моя с детьми пошла по миру, просить у людей куски... Значит, теперь имеете вы право меня расстрелять за дезертирство?—я вас спрашиваю...

— Солдаты, — Николай Иванович поднялся на цыпочки,—здесь происходит недоразумение... Первый завет революции, господа,—это верность нашим союзникам... Свободная, революционная армия со свежей силой должна обрушиться на злейшего врага свободы, на империалистическую Германию...

— А ты сам-то кормил вшей в окопах?..

— Он их сроду не видал...

— Ты нам про свободу не говори, ты нам про войну говори: — мы три года воюем... Это вам хорошо в тылу брюхо отращивать, а нам надо знать, как войну кончать...

— Солдаты,— воскликнул опять Николай Иванович,—знамя революции поднято: свобода и война до последней победы...

— Вот чорт, дурак непонятный...

— Да, мы три года воюем, победы не видали...

— А зачем тогда царя скидывали?..

— Чего на него смотрите, товарищи, он подкупленный...

— Подосланный, сразу видно...

Полковник Тетькин, раздвигая локтями солдат, протискивался к Николаю Ивановичу, и видел, как сутулый, огромный, черный артиллерист схватил комиссара за грудь и, тряся, кричал в лицо:

— Зачем ты сюда приехал?..—Говори—зачем приехал?..

Круглый затылок Николая Ивановича уходил в шею, вздернутая борода металась. Отталкивая солдата, он разорвал ему пальцами ворот рубахи. Солдат, сморщившись, сдернул с себя железный шлем и с силой ударил им Николая Ивановича несколько раз в голову и лицо...

(АЛ. Н. ТОЛСТОЙ. — «Хождение по мукам»).

IV

ОТ ВОЙНЫ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ К ВОЙНЕ ГРАЖДАНСКОЙ

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

Когда ее ведет
Царей проклятых род,
На смерть нас посылая
Для выгод кошелька
Банкира — паука, —
Будь проклята она
Кровавая война.
Когда народ, народ
Бьет, режет, топчет, рвет,
Вступая в поединок,
Чтоб в лапы богача,
Народа — палача,
Чужой достался рынок,
Будь проклята она
Кровавая война.
Но если, нищ и наг
Войну ведет бедняк,
Взрывая трон вампира,
Оковы рабства рвет,
И братьев в бой зовет
На овладенье мира,
Да здравствует она,
Священная война!
Но, если в битву нас
Ведут последний раз
И льются крови реки,
Чтоб вольных братств сыны
Не ведали войны
Отныне и навеки, —
Да здравствует она,
Священная война!

В. КНЯЗЕВ.

ЧЕРЕЗ МИРОВУЮ РЕВОЛЮЦИЮ—КО ВСЕОБЩЕМУ МИРУ

...Годы проходят... Ушедшие в первую очередь солдаты были ранены, убиты; многие пропали без вести. Новые жертвы были принесены на алтарь войны. С затаенной ненавистью, со стиснутыми зубами стоит маленькая кучка посреди ожесточенной битвы... Осадное положение, полицейские интриги, тюрьма угрожает молодежи. Но, несмотря на все это, работа кипит. Она проявляется в тайных собраниях, в дискуссиях, в совещаниях. Две звезды постоянно сияют: Роза Люксембург, Карл Либкнехт! Два имени, которые заставляют громче биться всякое сердце, сознательного пролетария! Долой правительство! Долой войну!—И во всех пунктах Германии образуются ячейки интернационального социализма.

...Иена *) 1916 г. Юноши и девушки рабочего класса всех германских областей собираются для тайного совещания. Пролетарская молодежь создает себе новую социалистическую боевую организацию. Либкнехт стоит среди них и провозглашает: «Долой милитаризм! Долой соглашательскую политику! Да здравствует международная классовая борьба! Через мировую революцию—ко всеобщему миру»!

Из Италии, Франции, Англии до нас доходят ободряющие приветствия. За Циммервальдом следует Кинталь. Международная женская конференция! Ме-

*) Большой город в Тюрингии, промышленной области Германии.

ждународная конференция пролетарской молодежи! Знамя снова развевается! Глухо раздаются звуки первой забастовки рабочих военной промышленности. Вперед, пионеры! Вперед, пролетарская молодежь!

Русская революция! Как громко бьются сердца... Как блестят глаза! Мы приветствуем вас, окровавленные русские пролетарии! Будьте стойки! Мы последуем вашему примеру!

В Германии исправительные дома переполнены, обыкновенные и чрезвычайные суды судят, железными клещами правительство держит за горло голодающий народ. Но милитаризм уже насквозь прогнил, хозяйству недостает соков для нового строительства. Усердно работают товарищи! На место одного павшего героя встают десять других.

* * *

Наконец, наступило 9-ое ноября. Рабочие и солдаты на улицах, рабочие и солдаты разбили милитаризм, смертельно ранили войну. Впереди всех выступает рабочая молодежь. Она рушит троны, прогоняет к дьяволу министров и королей. На всех замках, парламентах развеваются красные знамена!

— «Привет России, привет революционным рабочим всего мира».

Но старые социалисты-предатели занимают освободившиеся места. Из мрачных углов, куда они спрятались, выползают капиталисты, бюрократы, юнкера. Они снова подымают головы. Массы взрослого пролетариата еще не созрели для власти. Рабочие советы сами себя бичуют. Контр-революция организуется под флагом социал-демократического правительства...

Э. ГЕРНЛЕ.

ПОВОРОТ

31 января 1917 года тов. Ленин писал:

«Именно теперь, когда правящая буржуазия готовится к тому, чтобы мирно разоружить миллионы пролетариев и безопасно перевести их—под прикрытием благовидной идеологии и непременно окропив их святой водицей сладеньких пацифистских фраз!—из грязных, вонючих, смрадных траншей, где они занимались бойней, на каторги капиталистических фабрик, где они должны «честным трудом» отрабатывать сотни миллиардов государственного долга, именно теперь получает еще большее значение, чем в начале войны, тот лозунг, с которым обратилась к народам наша партия осенью 1914 года; превращение империалистской войны в гражданскую войну за социализм!

Карл Либкнехт, осужденный на каторгу, присоединился к этому лозунгу, когда сказал с трибуны рейхстага: обратите оружие против своих классовых врагов внутри страны!

Насколько созрело современное общество для перехода в социализм, это доказала именно война, когда напряжение сил народа заставило перейти к регулированию всей хозяйственной жизни свыше чем полусотни миллионов человек из о д н о г о центра. Если это возможно под руководством кучки юнкеров-дворянчиков в интересах горстки финансовых тузов, это наверное не менее возможно под руководством сознательных рабочих в интересах девяти десятых населения, истомленного голодом и войной».

(«Против течения», статья тов. ЛЕНИНА: «Поворот в мировой политике»).

ДОРОГА ПОКАЗАНА

«Вопрос об империалистических войнах, о той главенствующей ныне во всем мире международной политике финансового капитала, которая неизбежно порождает новые империалистские войны, неизбежно порождает неслыханное усиление национальноного гнета, грабежа, разбоя, угнетения слабых, отсталых, мелких народностей кучкой «передовых» держав,—этот вопрос с 1914 года стал краеугольным вопросом всей политики всех стран земного шара.

Это—вопрос жизни и смерти десятков миллионов людей. Это вопрос о том, будет ли в следующей, на наших глазах подготовляемой буржуазией, на наших глазах вырастающей из капитализма, империалистокой войне перебито 20 миллионов человек (вместо 10-ти миллионов, убитых в войне 1914—1918 годов, с дополняющими ее «мелкими» войнами, неконченными и посейчас), будет ли в этой неизбежной (если сохранится капитализм) грядущей войне искалечено 60 миллионов (вместо искалеченных в 1914—1918 годах 30 миллионов).

И в этом вопросе наша Октябрьская революция открыла новую эпоху всемирной истории. Слуги буржуазии и ее подпевалы в лице эс-эров и меньшевиков, в лице всей мелкобуржуазной, якобы «социалистической», демократии всего мира издевались над лозунгом «превращения империалистской войны в войну гражданскую». А этот лозунг оказался единственной правдой — неприятной, грубой, обнаженной, жестокой, все это так, но правдой среди тьмы самых утонченных

шовинистских и пацифистских обманов. Рушатся эти обманы.

Разоблачен мир брестский. Каждый день разоблачает все более беспощадно значение и последствия еще худшего, чем брестский, мира версальского. И все яснее, все отчетливее, все неотвратимее встает перед миллионами и миллионами думающих о причинах вчерашней войны и о надвигающейся завтрашней войне людей грозная правда: нельзя вырваться из империалистской войны, из порождающего ее неибежно империалистского мира (если бы у нас было старое правописание, я бы написал здесь два слова «мира» в обоих их значениях), нельзя вырваться из этого ада иначе, как большевистской борьбой и большевистской революцией.

Пусть с бешенством ругают эту революцию буржуазия и пацифисты, генералы и мещане, капиталисты и филистеры, все верующие христиане и все рыцари 2 и 2½ Интернационалов. Никакими криками злобы, клеветы и лжи не замутят они того всемирно-исторического факта, что первый раз за сотни и за тысячи лет рабы ответили на войну между рабовладельцами открытым провозглашением лозунга: превратим эту войну между рабовладельцами из-за дележа их добычи в войну рабов всех наций против рабовладельцев всех наций.

Первый раз за сотни и тысячи лет этот лозунг превратился из смутного и бессильного ожидания в ясную, четкую политическую программу, в действенную борьбу миллионов угнетенных под руководством пролетариата, превратился в первую победу пролетариата, в первую победу дела уничтожения войн, дела союза рабочих всех стран над союзом буржуазии разных наций, той буржуазии, которая и мирится и воюет на счет рабов капитала, на счет наемных рабочих, на счет крестьян, на счет трудящихся.

Эта первая победа — еще не окончательная победа, и она далась нашей Октябрьской революции с невиданными тяжестями и трудностями, с неслыхан-

ными мучениями, с рядом громадных неудач и ошибок с нашей стороны. Еще бы без неудач и без ошибок удалось одному отсталому народу победить империалистские войны самых могущественных и самых передовых стран земного шара! Мы не боимся признать свои ошибки, и трезво будем смотреть на них, чтобы научиться исправлять их. Но факт остается фактом: первый раз за сотни и за тысячи лет обещание «ответить» на войну между рабовладельцами революцией рабов *против* всех и всяческих рабовладельцев *выполнено до конца* и выполняется вопреки всем трудностям.

Мы это дело начали. Когда именно, в какой срок, пролетарии какой нации это дело доведут до конца—вопрос несущественный. Существенно то, что лед сломан, что путь открыт, дорога показана.

Продолжайте свое лицемерие, господа капиталисты всех стран, «защищайте отечество» японское от американского, американское от японского, французское от английского и т. д.! Продолжайте «отписываться» от вопросов о средствах борьбы против империалистических войн новыми «базельскими манифестами» (по образцу базельского манифеста 1912 года), господа-рыцари Второго и 2½ Интернационалов, со всеми пацифистскими мещанами и филистерами всего мира! Из империалистической войны, из империалистического мира вырвала первую *сотню миллионов* людей на земле *первая большевистская революция*. Следующие революции вырвут из таких войн и из такого мира все человечество».

(ЛЕНИН.—«К четырехлетней годовщине Октябрьской революции», т. XVIII, ч. I, стр. 366 — 368).

АМЕРИКАНЕЦ В ПЛЕНУ

(Инсценировка Н. Богуславской)

Действие происходит весною 1920 г. на дальнем востоке Сибири (недалеко от Владивостока) во время отступления колчаковской армии от Байкала в Манчжурию, по Амуру—на Владивосток. Во время отступления по линии железной дороги и глубже в полях и лесах атамановцы, чехи, японцы и др. жгут деревни и топчут пашни. Крестьяне образовывают партизанские отряды, а женщин и детей на телегах отправляют в горы.

Сцена представляет околицу сибирской деревни. Налево виднеется из-за скалистого берега спокойное темно-зеленое озеро, направо—сопки, т.-е. горы, покрытые лесом, между частями которого отсвечивают золотом граниты.

Вдали на скале виднеется человек в желтом—часовой.

На сцене расположился на отдых отряд партизан с женщинами и детьми. Между ними телеги, нагруженные сундуками и другим скарбом. У телег пулеметы с зелеными щитами, винтовки.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

1. Никита Вершинин. Бывший рыбак—председатель революционного штаба (ревштаба), средних лет. Лицо обветренное.

2. Васька Окорок. Бывший рабочий на приисках. Говорит быстро, отрывисто. Голова рыжая, кудрявая.

3. Пантефлий Знобов. Бывший рабочий на

владивостокских доках. У него лохматые, как лисий хвост, усы.

4. Американский солдат. Лицо бритое, молодое. Одет в летнюю фланелевую форму.

5. Син-Бин-У. Китаец, лицо цвета песка золотых россыпей.

6. Авдотья Сещенкова. Полная, крепкотелая женщина. Одета в палевую юбку.

Седой крестьянин и с ним еще 2 молодых, приведшие американского солдата, крестьянин с перевязанной головой, и др. одеты в разноцветные рубахи, многие в синих штанах.

Вбегает на сцену мужик с перевязанной головой и кричит:

1-й партизан: Мериканца пымали, братцы!..

Васька Окорок. Ого-го-го...

Входят трое мужиков с винтовками, посреди них американский солдат, у которого испуганно дрожат открытые губы.

Седой мужик: Кто у вас старшой?

Вершинин: По какому делу?

Васька Окорок (закричал): Он старшой-то, он, Никита Егорыч Вершинин. А ты рассказывай, как пымали-то.

Седой мужик (сплевывает и, похлопывая американского солдата по плечу, точно тот сам явился, начинает рассказывать со стариковской охотливостью): Привел его к тебе, Никита Егорыч. Вознесенской мы волости. Отряд-то наш за японцем пошел далеко...

Вершинин: А деревень-то каких?

Седой мужик: Селом мы воюем. Пенино село, слышал, может?

Окорок: Пожгли его, бают.

Седой мужик: Сволочь народ. Как есть все село попалили, вот и ушли в сопки.

Партизаны (собираются вокруг, заговорили): Одну муку принимали, понятно.

Седой мужик: Ехали они двое, мериканцы-то,

на трашпанке, в жестянках молоко везли. Дурной народ, воевать приехали, а молоко жрут с щеколадом. Одного-то мы сняли, а этот руки задрал. Ну, и повели. Хотели старосте отдать, а тут их целая компания. (Американец стоит, выпрямившись, по-солдатски, и, как с судьи, не спускает глаз с Вершинина. Мужики сгрудились, и среди них подымается сухая злость.

1-й партизан: Чего его.

2-й партизан: Пристрелить его, стерву.

Окорок: Крой его — и никаких. (Американский солдат слегка сгорбился и боязливо втягивает голову в плечи).

1-й партизан: Жгут, сволочи.

2-й партизан: Распоряжаются, будто у себя.

1-й партизан: Ишь, забрались!

2-й партизан: Просили их.

Окорок (пронзительно завизжал): Б-е-е-й!..

Знобов (залезает на телегу и, точно указывая на потерянное, кричит): Обождь, товарищи, убить завсегда можно. Очень просто. Дешевое дело убить. Вот их сколь на улице-то навалили. А по-моему, товарищи, распропагандировать его и пустить. Пущай большевистскую правду понюхает. А я полагаю...

Мужики: (густо, как пшено из мешка, засыпают хохот): Хо-хо-хо... Хе-хе-хе... Хе-е...

Окорок: Валяй, Пентя, запузыривай. Луши.

Авдотья Сещенкова (подобрав юбки, наклоняется и толкает американца плечом): Ты вникай, дурак, тебе же добра хочут.

Окорок (кричит американцу во все горло): Ты им там раз'ясни подробно. Нехорошо, мол. Зачем нам мешать? Против своего брата заставляют итти. (Американец улыбается и ничего не понимает).

Вершинин (степенно): Люди все хорошие, должны понять. Такие же крестьяне, как и мы, скажем, пашете и все такое. Японец — он што, рис жрет, для него по-другому говорить надо.

Знобов (тяжело топчется перед американцем и,

приглаживая усы, говорит): Мы разбоем не занимаемся, мы порядок наводим. У вас, поди, этого не знают за морем-то; да и опять и душа-то у тебя чужой земли...

Американец (беспомощно оглядывается и говорит)...

Мужики, которые все время возбужденно ходили вокруг американца, передвигая его в толпе, как лист по воде, кричали, жали ему руки, сразу останавливаются, умолкают.

2-й партизан: Не вникат. По-русски-то не знат, бедность. (Мужики медленно, словно виновато, отошли от американца).

Вершинин (смущенно говорит Знобову): Отправить его в обоз, что тут с ним чертомелиться.

Знобов (не соглашаясь, упорно твердит): Он поймет. Тут только надо... он поймет. (Знобов думает. Американец, все припадая на ногу, слегка покачиваясь, стоит и чуть заметно, как ветерок стог сена, ворошит его лицо тоска. Син-Бин-У ложится на землю подле американца: закрыв ладонью глаза, тянет пронзительную китайскую песню).

Вершинин (тоскливо): Мука мученическая.

Окорок (нехотя): Рази книжку какую (находят книжки и рассматривают их).

Знобов: Только на раскурку и годны. Кабы с картинками.

Авдотья (роется в сундуках, стоящих на телеге, приносит истрепанный с оборванными углами учебник закона божия для сельских школ и спрашивает): Може, по закону?

Знобов (открывая книжку): Картинки-то божественны. Нам его не перекрещивать: не попы.

Окорок: А ты попробуй.

Знобов: Как его. Не поймет, поди.

Окорок: Может поймет. Валяй.

Знобов (подзывая американца): Эй, товарищ, идика сюда. (Американец подходит, мужики опять собираются. Знобов говорит громко и твердо): Ленин.

Американец (вздрагивает всем телом, блеснул глазами и радостно отвечает)...

Знобов (стуча себя кулаком в грудь и, похлопывая ладонью мужиков по плечам и спинам, ломаным языком кричит): Советска рыспублика.

Американец (протягивает руки к мужикам, возбужденно кричит)...

(Мужики радостно хохочут).

1-й партизан: Понимат, стерва.

2-й партизан: А Пентя-то, Пентя-то, по-американски кроет.

Окорок: Ты ихних-то буржуев по матушке, Пентя.

Знобов (торопливо раскидывает учебник закона божия и, тыча пальцем в картинку, где Авраам приносит в жертву Исаака, а вверху в облаках висит бог, раз'ясняет): Этот с ножом-то—буржуй. Ишь брюхо распустил, часы с цепочкой. А здесь, на бревнах-то, пролетариат лежит, понял. Про-ле-та-ри-ат.

Американец (указывает себе на грудь и, протяжно и радостно заикаясь, гордо говорит): Про-ле-та-ри-ат. (Мужики обнимают американца, щупают его одежду и изо всей силы жмут его руки, плечи).

Окорок (хватает его за голову и, заглядывая ему в глаза, восторженно орет): Парень, ты скажи там за морями-то...

Знобов (продолжая): Лежит он, пролетариат, на бревнах, а буржуй его режет.. А на облаках-то японец, американка, англичанка—вся эта сволочь, империализма самая сидит.

Американец (срывает с головы шапку и вопит): Империализм.

Знобов (с ожесточением швыряя книжки на землю): Империализму с буржуями к чертям.

Син-Бин-У (подскакивает к американцу и торопливо говорит): Русика ресыпубылика-а. Кытайся ресыпубылика-а. Мериканыса ресыпубылика-а, пухао. Нишонсы, пухао, надо, надо ресыпубылика-а.

(Оглядевшись кругом, становится на цыпочки и ме-

дленно, подымая большой палец кверху, говорит): Шанго.

Вершинин (приказывая): Накормить его надо. А потом вывести на дорогу и пустить.

Седой мужик (спрашивая): Глаза-то завязать, как поведем? Не приведет сюда?

Партизаны: Не надо, не выдаст.

(Составлена по рассказу ВС. ИВАНОВА «Бронепоезд № 1469»).

КРАСНАЯ КАРТОЧКА

Американские солдаты в Архангельске.

Джимми встретился с человеком, которого едва не принял за Дерора Рабина — так сильно тот походил на маленького портного еврея. Рослый чернобородый крестьянин привез дров для печей и ему помогал какой-то еврей — малый с острыми чертами лица и проницательными черными глазами; щеки у него провалились, словно он не ел, как следует, уже несколько лет, а грудь надрывалась от кашля. Он закутал ноги и руки в тряпки, потому что у него не было ни сапог, ни перчаток. Однако, он казался жизнерадостным и, сбросив на землю охапку дров, кивнул головой и произнес:

— Алло!

— Алло! — ответил Джимми.

— Я говорю по-английски, — сказал тот.

Джимми не удивляло, когда кто-нибудь заговаривал с ним по-английски; он изумлялся, когда с ним не говорили по-английски. Поэтому он улыбнулся и сказал:

— Да ну?

— Я был в Америке, — продолжал его собеседник. — Я работал в потогонной мастерской на Большой улице.

Повидимому, он предпочитал болтовню носке дров; он не уходил и начал задавать вопросы:

— Вы работали в Америке?

Крестьянин что-то проворчал ему по-русски, и он снова принялся за работу, но, как только тот вышел, он сказал:

— Я как-нибудь поболтаю с вами об Америке.

На что Джимми, конечно, ответил дружеским согласием.

Часа через два-три, возвращаясь домой с работы, он увидел, что маленький еврей поджидает его в темноте.

— Иногда я скучаю по Америке, — сказал он и пошел вниз по улице вместе с Джимми, похлопывая худыми руками, чтобы согреть их.

— Почему вы вернулись сюда? — спросил Джимми.

— Я прочитал о революции. Я подумал, что, может, я разбогатею.

— Гм! — произнес Джимми и осклабился. — Что же вы, разбогатели?

— Вы принадлежите в Америке к какому-нибудь союзу? — ответил ему тот на вопрос вопросом.

— Можете быть в этом уверены! — сказал Джимми.

— К какому именно?

— Механиков.

— Может, вы участвовали в стачках?

— А уж это так и есть!

— Может, вам попадало за это?

— Ну, конечно!

— Вы никогда не были штрейкбрехером, а?

— Повидимому, нет!

— Вы, как говорится, классово-сознательны?

— Ну, да! Я социалист!

Тот повернулся к нему, и голос у него задрожал от неожиданного волнения.

— У вас есть красная карточка?

— Ну, да! — сказал Джимми. — Во внутреннем кармане куртки.

— Боже мой! — воскликнул тот. — Товарищ! — Он протянул Джимми руки, которые были обмотаны обрывками старых рогожных мешков. — «Товарищ!» — произнес он по-русски. И, стоя здесь в морозной темноте, оба почувствовали, что сердца у них прыгают от радости, согревшей их своим жаром. Здесь, под полярным кругом, в этой дикой и ледяной стране, даже здесь дух

международного братства производит чудеса!

Но затем, трясясь от волнения, маленький еврей вцепился в Джимми своими обмотанными руками.

— Если вы социалист, то почему вы сражаетесь с русскими рабочими?

— Я с ними не сражаюсь!

— Вы носите форму.

— Я только мотоциклист.

— Но вы оказываете помощь! Вы убиваете русских! Вы уничтожаете советы! Почему?

— Я об этом ничего не знал, — стал защищаться Джимми.—Я хотел драться с кайзером, а меня привезли сюда, ничего мне не сказав.

— А! Так всегда бывает при милитаризме, при капитализме! Мы рабы! Но мы будем свободными! И вы нам поможете, вы не станете убивать русских рабочих!

— Не стану! — воскликнул Джимми поспешно.

— Нас отсюда гонят, — продолжал еврей, — но я остался в тылу для пропаганды. Я ищу товарищей среди американцев, среди англичан. Я говорю: не сражайтесь с рабочими, сражайтесь с хозяевами, с капиталистами. Вы понимаете?

— Конечно! — сказал Джимми.

— Если хозяева найдут меня, они меня убьют. Но я вам доверяю.

— Я не расскажу! — сказал Джимми быстро.

— Вы мне поможете, — продолжал тот. — Вы пойдете к американским солдатам, вы скажете: русский народ был рабом столько лет; теперь он получил свободу, а вы пришли убивать русских и снова обращать их в рабов! Зачем это?

Маленький человек произнес длинную речь и выбился из сил. Джимми тоже всего передергивало, пока он сидел тут, смотря на них, и в глубине души вставал лицом к лицу с могущественной судьбой. Он уяснил теперь положение, он уяснил себе свой долг. Он был вполне ясен, вполне прост — вся его жизнь была лишь долгой подготовкой к исполнению этого долга. Что-то

кричало в нем, повторяя слова другого пролетария-мученика: «Да минует меня чаша сия!» Но он заглушил голос своей слабости и спустя минуту сказал:

— Расскажите мне, что надо делать, товарищ.

— Вы вели пропаганду в Америке?

— Конечно, — сказал Джимми. — Я сидел однажды в тюрьме за произнесение речи на улице.

Тогда его собеседник пошел в угол комнаты, порылся под несколькими кочанами капусты и принес пакет. В нем были листки, вероятно, сотни две, и еврей протянул один из них Джимми, с таким об'яснением:

— Меня спрашивают, как нам сделать, чтобы американцы нас поняли. Я говорю: они должны узнать, как мы ведем пропаганду среди германцев. Я говорю: печатайте прокламации, которые мы раздавали германским войскам, и переводите их на английский язык, тогда американцы и англичане смогут их прочесть. Как вы думаете, это принесет нам помощь? Джимми взял листок, придвинул лампу поближе и прочел:

«Прокламация армейского комитета русской двенадцатой армии (большевистской), расклеенная по городу Риге во время ее эвакуации русскими:

«ГЕРМАНСКИЕ СОЛДАТЫ»!

«Русские солдаты двенадцатой армии обращают ваше внимание на тот факт, что вы ведете войну за автократию против революции, свободы и справедливости. Победа Вильгельма будет смертью для демократии и свободы. Мы уходим из Риги, но мы знаем, что силы революции в конечном итоге окажутся более могущественными, чем сила пушек. Мы знаем, что впоследствии ваша совесть преодолеет все и германские солдаты вместе с русской революционной армией пойдут к победе свободы. Вы в настоящее время

сильнее нас, но ваша победа только победа грубой силы. Моральная сила на нашей стороне. История скажет, что германские пролетарии пошли против своих революционных братьев и что они забыли о международной солидарности рабочего класса. Это преступление вы можете искупить только одним средством. Вы должны понять свои собственные и в то же самое время всеобщие интересы, напрячь все ваши неизмеримые силы против империализма и пойти рука об руку с нами — к жизни и свободе!».

Джимми поднял взор от листка.

— Что вы об этом думаете? — воскликнул Калинкин с живостью.

— Чудесно! — вскричал Джимми. — Как раз это-то и нужно! Никто ничего не сможет возразить на это. Это факт, это именно то, что делают большевики.

Тот мрачно улыбнулся.

— «Товарищ», если у вас найдут такой листок, вас расстреляют, как собаку! Нас всех расстреляют!

— Но почему?

— Потому, что это большевистский листок. Показывайте его только тем, кому вы можете доверять. Спрячьте копии, возьмите один листок и запачкайте его, тогда вы скажете: я нашел его на улице. Вот видите, разве большевики не сражаются с кайзером? А в таком случае, нужно ли нам с ними сражаться? Так вы и раздайте их, а я как-нибудь приду к вам еще с какой-нибудь новинкой.

Джимми согласился, что так именно и надо будет действовать. Он сложил десятка два листков, засунул их во внутренний карман своей куртки и надел тяжелую шубу и перчатки, которые ему хотелось, если бы было можно, отдать больному, полуголодному и полузамерзшему большевику. Он похлопал его ободряюще по спине и сказал:

— Вы доверьтесь мне, товарищ: я раздам их и они принесут свои результаты, бьюсь об заклад.

— Вы не рассказывайте про меня! — воскликнул Калинкин с большой горячностью.

На это Джимми ответил:

— Не расскажу, хотя бы меня сварили живьем!

(Из УПТОНА СИНКЛЕРА: «Джимми Хиггинс»).

ВЗГЛЯД ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ НА „ЗАЩИТУ ОТЕЧЕСТВА“

Социалист обязан «защищать свое отечество» в о в с я к о й войне, — вот основное положение социал-шовинизма. Наиболее откровенные социал-шовинисты выставляют это положение без всяких затушевываний. Пусть наше правительство неправо, пусть оно первое начало войну, пусть вся его иностранная политика до войны была ошибочной, более того — преступной. Но — нельзя же за ошибки или даже за преступления правительства наказывать народ. Раз война стала фактом, раз нашей стране угрожает неприятельское вторжение — мы должны защищаться. И это независимо от содержания, целей, смысла войны. Поражение моего отечества — самое величайшее из мыслимых зол. Поэтому: право или неправо мое отечество, оно — мое!

Не все социал-шовинисты выражаются с такой откровенностью. Большинство предпочитает говорить о защите «культуры», «свободы», о борьбе против милитаризма и проч. Но действуют они все именно по этому принципу.

Такова позиция социал-шовинизма.

Как же отвечают на это интернационалисты?

Мы не отвергаем защиты отечества вообще. Мы отвергаем так называемую «защиту отечества» в империалистических, т.-е. реакционно-капиталистических войнах. Но мы и не ограничиваемся указанием на тот бесспорный факт, что д а н н а я война, война 1914 — 1916 г.г., есть империалистская война. Мы выставляем

основное положение, что в нынешнюю империалистскую эпоху войны между «великими» державами по правилу и не могут быть иными.

Это не значит, однако, что мы везде, всегда, при всех случаях и на все времена отвергаем защиту отечества и в империалистскую эпоху.

В нашей статье в №№ 1 — 2 «Коммуниста» мы писали:

«Могли ли иметь место «справедливые» войны в эпоху национальных войн? Да, могли. Войны великой французской революции были большей частью «справедливыми» войнами, итальянские национальные войны были «справедливыми» войнами.

«А могут ли иметь место «справедливые» войны теперь, в империалистскую эпоху?

«Да, могут. Но — только в двух случаях. Первый — война победившего в какой-либо стране пролетариата, обороняющего завоеванный социалистический строй против других государств, отстаивающих капиталистический режим. Второй — война Китая, Индии и т. п. стран, служащих об'ектом угнетения со стороны империализма, за свою независимость, против европейских империалистских правительств.

«Справедливая» война между империалистскими европейскими правительствами невозможна, как невозможно представить себе «справедливую» — с точки зрения честных людей, а не самих разбойников — борьбу между несколькими разбойниками из-за дележа награбленной добычи. Всякая другая война, кроме указанных нами двух случаев, в наше время неизбежно будет не справедливой, а нечестивой войной, войной империалистов между собой, войной финансово-плутократических и династических клик, войной, всегда враждебной рабочему классу всех стран».

Таким образом, мы, разумеется, признаем право на защиту для тех «отечеств», которые угнетаются империалистскими державами. Стремление колоний и полуколоний к освобождению из-под ига «великих» держав,

несомненно, заслуживает поддержки со стороны социал-демократии.

Не понять разницы между этой подлинной защитой своего отечества и «защитой отечества», сводящейся к тому, что империалистская буржуазия хочет закабалить новые народы или упрочить закабаление старых, — не понять этой разницы может только тот, кто *не хочет* ее понять.

Слабость II Интернационала заключается в том, что он не сказал ясно и точно: в эпоху национальных войн защита отечества — законна и необходима; в эпоху империалистских войн — не применяй понятия «защита отечества» к *империалистской* войне.

И беда, несчастье и крах II Интернационала заключается в том, что оппортунизм — в силу причин, о которых здесь говорить не место, взял в нем верх и об'ективно подчинил главные партии II Интернационала политике буржуазии, *которая кровно заинтересована в том, чтобы нечестивые империалистские войны* выдавались рабочим за справедливые и прогрессивные...

(«Против течения», ст. Г. ЗИНОВЬЕВА «II Интернационал и проблема войны»).

ВОЙНА КОНЧЕНА

В Киле гарнизон перешел к матросам, на судах и на зданиях городских учреждений развевался уже красный флаг.

Красное, красное, красное! Это был цвет современной эпохи. Красная кровь, лившаяся потоками в течение нескольких лет, превратилась, наконец, в красное море, и это море, все расширяясь, катит свои волны все дальше и дальше, заливая все берега и с шумом вздымая валы. Это море достаточно велико, чтобы залить всю землю...

Люди, люди, везде люди. Но они были спокойны, ничего не говорили и только стремились вперед. Куда? Этого они и сами не знали. Какое-то жуткое спокойствие лежало на всем: на улицах, по которым разливался людской поток, на высоких домах,—и лишь время от времени раздавался стук тяжелых железных ставень, спускаемых для защиты зеркальных окон какого-нибудь большого магазина. Большинство лавок уже позакрывалось. Отчего? Этого никто не мог сказать. Гул голосов раздался в толпе, и поток ее остановился. Кто сказал—неизвестно. Правда ли это—тоже никто не знал, но один сообщил другому, и слух распространялся дальше, быстро передаваясь из уст в уста. Говор толпы переходил в крики. На углу каждой улицы раздавался громкий возглас. Кто-то кричал охрипшим от напряжения голосом: «Император отрекся! Кронпринц также!..»

Толпа остановилась в изумлении.

Раздались крики: «Долой Вильгельма! Долой Гогенцоллернов! К замку! К замку!..»

Откуда явились все эти рабочие, которые двигаются по улицам сомкнутыми рядами? Они уже с утра прекратили работу. Крупные заводы закрылись. Вожди рабочих указали им направление: итти к замку. Они шли безмолвно, посредине улиц, и также безмолвно пропускали их мимо военные патрули в стальных касках и с ружьями за плечами. Вообще они держали себя так, как будто все это совершенно их не касалось. Да и что же они должны были сделать? Удерживать рабочих или пропустить их? Забирать? Но для этого не было поводов. И при этом они уже знали, что в некоторых казармах происходят сильные волнения. Там были выломаны двери. Офицеры ничего не достигли тем, что стреляли из окон. Солдаты побросали свои соломенные мешки и свой хлеб ликующей толпе и вышли с наполненными ранцами.

В казарме у Ораниенбургских ворот было то же самое. Там произошел настоящий мятеж, небывалый бунт. Огромная толпа ринулась туда. Военные бумаги, выбрасываемые из окон, летели на мостовую, сопровождаемые диким хохотом толпы, которая разрывала их на клочки и втаптывала в грязь. То же самое совершалось и в других казармах. Даже гвардейские стрелки, стоявшие в боевой готовности, отказались исполнять приказания офицеров. Кого же они должны защищать теперь? Императора, которому они приносили присягу, уже больше нет. Нельзя же проливать свою кровь неизвестно для кого и для чего. Рабочие ведь наши братья, и в них стрелять нельзя.

Послышались крики, пение, ликование:

— Император отрекся. Да здравствует республика....

Роздали патроны, теперь народ вооружен. Подростки и дети дрались из-за них. Ручные гранаты бросали в воду, военное снаряжение расшвыривали по улице. Война кончена, этой дряни нам больше не нужно...

Шум такой, что оратор с величайшим трудом преодолевает его и до хрипоты напрягает голос, стараясь, чтоб его было слышно.

Но он все-таки продолжает говорить:

— Да будут прокляты те, кто нас толкнул в эту войну, кто вел нас на убой, как беспомощных баранов! Мы не хотели войны! У нас нет никаких внешних врагов, у нас есть только враги внутренние.

Большой грузовик с трудом прокладывал себе дорогу в толпе. Раздались бурные крики восторга.

— Либкнехт! Да здравствует Либкнехт!..

Партийный вождь стоял под большим красным флагом. Он кланялся толпе, приветствующей его, и что-то говорил, но расслышать можно было только отдельные слова: «Принудили к миру»... «Господство Гогенцоллернов миновало»... «Привет—нашим русским братьям». Восторженные крики народа нарушали связность речи, но никто не придавал этому значения...

Автомобиль исчез в воротах замка, стража пропустила его. Через несколько минут Либкнехт снова появился на том самом раззолоченном балконе, на котором некогда стоял король Фридрих Вильгельм IV, вынужденный преклонить голову перед трупами убитых во время Мартовской революции, и с которого Вильгельм II провозгласил недавно: «Я не знаю больше никаких партий». Но это было прошлое. Теперь жило лишь настоящее. Ярко-красный ковер свешивался с балкона, выделяясь сияющим пятном на сером выветрившемся камне.

«Товарищи,—воскликнул он.—Я провозглашаю свободную социалистическую республику Германии. Через ворота этого замка выйдет новая социалистическая свобода. Она пойдет к солдатам и рабочим. Пусть на том месте, где некогда развевался императорский штандарт, теперь развевается красное знамя республики!»

Он поднял руку.

Замковая стража на крыше замахала в воздухе касками, и на флагштоке, вместо императорского штандарта, взвился красный флаг.

— Да здравствует свобода, счастье и мир!

(К. ФИБИХ. — «Красное море»).

СТОХОД

В 1916 г. в течение четырех дней на реке Стоход погибла целая дивизия.
(Из рассказов старого солдата).

По лесам и болотам змеится Стоход,
Синеватые струи, сверкая, бегут...
Напоил тебя кровью шестнадцатый год,
И на дне твоем белые кости гниют.

* * *

В камышах твоих, тихий, заросший Стоход,
И поныне убитые братья лежат.
И грызут их безжалостно черви болот,
Камыши погребально над ними шуршат.

* * *

За царя и за веру обманутый люд
Распластался на дне холодеющих вод.
Как нещаден был бой, как безумен и лют
В камышах твоих, старый, проклятый Стоход!

* * *

Не во имя земных и небесных царей
Обагрил тебя кровью двадцатый наш год.
А во имя великого счастья людей
Мы кровавили гладь твою, старый Стоход!

Красноармеец М. КРАСИЛЬНИКОВ.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Вопли буржуазного мира против гражданской войны и красного террора представляют собою самое чудовищное лицемерие, какое знала история политической борьбы. Гражданской войны не было бы, если бы клики эксплоататоров, приведшие человечество на край гибели, не сопротивлялись каждому шагу вперед трудящихся масс, не организовывали заговоров и убийств и не призывали вооруженной помощи извне для удержания или восстановления своих грабительских привилегий.

Гражданская война навязывается рабочему классу его смертельными врагами. Не отказываясь от себя, от своей будущности, которая есть будущность всего человечества, рабочий класс не может не отвечать на удар ударом.

Никогда не вызывая искусственно гражданской войны, коммунистические партии стремятся сократить по возможности ее длительность, когда она с железной необходимостью возникает, уменьшить число ее жертв и, прежде всего, обеспечить победу за пролетариатом. Отсюда вытекает необходимость своевременного разоружения буржуазии, вооружения рабочих, создания коммунистической армии, как защитницы власти пролетариата и неприкосновенности его социалистического строительства. Такова Красная армия Советской России, которая возникла и существует, как оплот завоеваний рабочего класса от всяких нападений изнутри и извне. Советская армия неотделима от советского государства.

(«Манифест Коммунистического Интернационала к пролетариям всего мира». 1919 год).

КОММУНИСТ

Девятнадцать солдат—девятнадцать бойцов
Совсем не знают друг друга,
Сбежались в лес из разных концов,
Их след заметала вьюга.
Девятнадцать солдат из разных полков,
Из разных рот и взводов.
Теснее сжималось кольцо врагов —
Девятнадцать солдат из разных полков
Напрасно искали прохода.
Винтовок пять, один пулемет
И лента почти пустая,
Вьюга кружит, и как будто ждет
Гостей постель снеговая.
И сбились в круг девятнадцать солдат
И греют друг друга телами;
И нет пути ни вперед, ни назад,
И встреча страшна с врагами.
И сидели так они целый день,
В дремучем лесу солдаты,
И к вечеру к ним худой, как тень,
Шатаясь, пришел двадцатый.
Никто не видал его никогда,
И кто он, бойцы не знали,
Но все равно, алела звезда,
И брата в пришедшем узнали.
Двадцатый сказал: я знаю путь —
Направо тропа через болото.
Пройдем, но надо, чтоб кто-нибудь

Врага задержал пулеметом.
Пройдем! И радость стучит в сердца.
Пройдем! И будем свободны!
И руку двадцатого жмут бойца
Девятнадцать в лесу холодном.
Но кто останется? Кому
За пнем в снегу лежать охота
И пули посылать во тьму,
И ждать врага у пулемета?

* * *

Так каждый думал и молчал,
И сбились в круг тесней солдаты,
— Что ж, бросим жребий, — им сказал
Усталым голосом двадцатый.
— Чтож, бросим жребий! Никому
Проститься с жизнью не охота.—
Двадцатый посмотрел во тьму
И молча лег у пулемета.

* * *

Болотной тропой девятнадцать шли,
Как тот им сказал — направо,
В сугробах вязли и вот нашли
Свою боевую заставу.
И когда отдохнули немного, спросил
Тревожным голосом кто-то:
— Братва, да кто же двадцатый был,
Оставшийся у пулемета?
И никто из них про это не знал.
И хмуро молчали солдаты,
И только один угрюмо сказал:
— Он был коммунист, ребята!

АНДРЕЙ ИРКУТОВ.
(«О двадцатом»).

С ВОЙНЫ

В октябре вернулись в деревню пять солдат 42-хлетнего возраста. Трое из них были просто мужики, которые спали и видели, как бы только поскорее попасть домой, а дома — скинув шинели, ничем решительно не напоминали солдат той армии, которая первая в мире сбросила с себя дикий, принижающий человеческое достоинство гнет старой, царской дисциплины.

Как были серыми, темными мужиками, то трусливыми и робкими, как зайцы, перед каждым урядником и стражником, то бессмысленно, жестокими по-звериному бунтарями, так теми и остались. Но остальные двое кое-что из того, что бродило в армии, в деревню с собой принесли, и сильно было на первых порах взбудоражили деревню.

Первым делом они стали допытываться у мужиков:

— Вы кто — партии какой?

Мужики мялись, чесали затылки, сокрушенно вздыхали — приезжали в деревню после февральского переворота не раз «оратели», такие молоденькие, жиденькие, бледненькие, что мужики жалостливо окрестили их: «струнцы какие-то»,—и об'ясняли мужикам, почему и к чему произведен переворот, навязывали партии, в которые мужики должны войти, но говорили так книжно, туманно, такими мудреными словами—«заковырками», по мнению мужиков деревни, что некоторые, прежде, чем их понять, «нужно три года язык ломать».

И поняла деревня у «струнцов» только то, что теперь «земля и воля мужикам», что царю—крышка, помещи-

кам — тоже, насчет же партий — одна часть мужиков поняла, что они «черновцы», другая — «ассеры».

Какое различие между этими понятиями, не есть ли это одно и то же — мужики даже этого не знали. Явись у какого-нибудь неглупого человека желание зло подшутить над мужиками, и он легко мог это сделать.

— Да мы, надо полагать, состоим «в черновцах», «черновцы», значит,—смущенно сказали одни.

А другие, не менее смущенно, добавили:

— Ну, а мы, как быдто, в «ассерах» находимся.

— А што это такое значит «черновец», «ассер»? — язвительно пытали солдаты.

Мужики, конечно, знали, что за пост занимает Чернов. И пояснил один из них:

— Да, ведь, это мянистр наш — Чернов! От него значит и идет — черновцы мы...

Тут мужика из «ассеров» осенила мысль, и он торжествующе заявил:

— Да все же понятно! Чаво здесь спрошать-то? Их мянистр—Чернов, ну и они «черновцы»; наш мянистр—«Ассеров», не православный, должно быть, жид, наверно,—ну, и мы «ассеры».

Солдаты знали, что разницы между Черновым и «ассером» нет, жестоко посмеялись над мужиками, что как это они не поняли, что Чернов в то же время есть и «ассер», чем они пристыдили и смутили мужиков, а отсюда — внимательно заставили к себе прислушиваться.

— Эх, вы, дяди! Как были серяками, так и остались, «ассеры». Это уже старо. К чорту надо этих ассеров. Они за помещиков, языком болтаете: помещикам — крышка! А какая крышка, если ваш помещик все еще в своем паучьем гнезде сидит и паутину для вас ткет. Землю, баите, у него отобрали... А у вас она? владаете ей? распоряжаетесь? Выходит, на бумаге только отобрали-то, а по-настоящему-то — руки у вас на эту землю коротки. Путают вас, дураков, и все эти ваши ассеры. Кто вами правит-то теперь? Комитеты-то ваши, — кто там? Кулаки да лодыри. Акимки-чужбинники вами верховодят...

Мужики всполошились.

— Эй, солдат, эфто зря! Аким Петровича не трожь. Были грехи за ним, — а теперь нет. Теперь он во как нужен — позарез! И выручает.

— Чаво не трожь-то? Выручит он вас из кулька в рогожку.

— Деньги-то сколько, чорт, набил? Уйма!

— Пусть набил. Не с нас. В городе добывает — с буржуев.

— Да и работает как? Работай ты так, сумей—и сколько деньги ни набивай—кто тебе што скажет? Никакого права нет ни у кого говорить. С нас Аким Петрович не наживает. Иной раз его копейка к нам перепадает, а не наша к нему. Вот какой человек стал! О других прочих можно поговорить, а о нем—помолчать надо.

Видят солдаты — крепко пустил Аким корни и решили о нем пока не упоминать.

— Ну, ладно, помолчим об Акиме, если он уже такой хороший стал. А другие то «ассеры» у вас кто? Где глаза да головы ваши были, когда их выбирали? За вас они будут—разззявайте рот шире! К чорту их—ассеров таких. Переизбрать надо комитеты. Большевиков надо в комитеты сажать, а не ассеров. Вот это партия, большевики-то,—наша партия, за голь, за бедноту стоит, они нам по-настоящему землю и волю дадут. Они што сделали...

И стали солдаты рассказывать, что сделали большевики и что собираются сделать.

И пошел с этого дня большой говор по деревне о большевиках.

Солдаты чуть не по двадцать часов в сутки должны были рассказывать и пояснять, что такое большевики. Прежде всего, мужикам понравилось название партии—простое, понятное для них, которое они упростили еще больше: звались в семьях старшие сыновья «старшаками», «большаками», и мужики, не долго думая, переименовали большевиков в большаков. Узнали они от солдат, что кроме большевиков существует враждебная

большевикам партия — меньшевики и этих переименовали в «меньшаков», как зовутся в семьях самые младшие сыновья; и не только переименовали, а, основываясь на том, что у них всегда на глазах, сделали такой вывод:

— Ну, меньшакам-то, конечно, до большаков далеко! Где же эфто видано, что меньшаки умнее большаков бывают? Оно, конечно, бывает: иной меньшак и умнее большака бывает, да редко эфто бывает. Примерно так: большакам сорок лет, а меньшакам, — уж не будем говорить о щенках лет по тринадцать, — возьмем лет по двадцать,—так што же эти меньшаки-то, в работе там, аль по уму доедут до большаков? Упрутся! Потому — в мозгах несмышленность, в руках силенки маловато! Вообче — почти всякому меньшаку до большака надо тянуться!

Эс-эры уж прямо позорной кличкой у мужиков стали.

— Ассер! Чорт те што выдумали. Эфто нам-то, косолапым, темноте горькой, што ни бе ни ме нас не учили, аза в глаза не показывали и вдруг на тебе сразу — ассер! Пускай уж к ерманцам там, али к хранцузам идет этот ассер, а нам такой не нужен.

(Из повести СИВАЧЕВА. — «Желтый дьявол»).

РАЗВЕДЧИКИ

Нас десять. Вы слышите? Десять!
А старшему нет двадцати,
Нас могут повесить. Повесить!
Но прежде нас нужно найти.
А это совсем невозможно:
Легки наши ноги, легки.
Пускай головами тревожно
Качают нам вслед старики.
Вы знаете, что мы умеем —
Ползти по траве, по росе?
Мы молоды! Значит — мы смеем!
А молоды—видите—все.
Зато ведь какие услуги
Мы часто приносим полку...
Однажды мы видим, в испуге:
Враги переходят реку.
По-вашему, может быть, нужно
В них было сейчас же стрелять?..
— Да, здравствуют Советы!—дружно
Мы крикнули, и... удирать.
Бранил нас комвзвода ужасно,
Что это, мол, глупо весьма.
Но все-таки это прекрасно:
«Да, здравствуют Советы!..» А?
Мы верим, мы верим в победы
И с песней идем на устах.
Ведь матери, сестры и деды
Остались в родных деревнях.
Нас десять. Вы слышите? Десять!
А старшему нет двадцати.
Не смейтесь: нас могут повесить,
Но прежде нас нужно найти.

ПУТЬ К ПОБЕДЕ

... В стенку вагона застучали, как град, пули, и, прежде чем я опомнился, чья-то рука за шиворот оттащила меня от окна.

— На пол,—крикнул мне хриплый голос грузина:— товарищи, у кого есть оружие,—к дверям.

Оружие—револьвер—оказалось только у него одного. Он выхватил его из-за пояса и бросился к дверям.

Музыканты сбились на полу в обезумевшую кучку. Один залез под скамейку. Барышня-машинистка, в одной рубашке, стояла у стены, белая, как полотно, зажавши уши руками. Она не кричала, только беспрерывно шептала что-то. Почти бессознательно водя глазами по вагону, я встретился с еще одной парой глаз, спокойных до жуткости. Это был худенький человек в синем. Он сидел в углу вагона, где лежали его портфель и подушка и занимался необычайным делом: он натягивал сапоги. Заметив, что я смотрю на него, он сказал совершенно просто:

— Казак был прав, а мы безрассудны. На нас наехал раз'езд белых. Постарайтесь спастись, если уцелеете в первую минуту, скажите, что вы, музыканты и барышня, были насильно мобилизованы.

В эту минуту грузин, отстреливавшийся в дверях, упал. Барышня закричала отчаянно, истерически, каким-то чужим голосом:

— Спасите... Спасите... Не трогайте...

В дверях раздался залп, мы услышали крики:

— Сдавайся!

Мы крикнули в ответ:

— Сдаемся... Среди нас женщина.

— Комиссара, — продолжали реветь снаружи, — выходи по одиночке, руки вверх, комиссара вперед.

Тогда худенький человек взял в одну руку портфель, в другую фуражку, пошел, как ни в чем не бывало, к двери, и я услышал отчетливый голос, упругий, как мячик, ясный, пронзительно спокойный:

— Я комиссар.

... На секунду воцарилась тишина. Худенький человек стоял. Солнце начинало заниматься и лизнуло крышу вагона, бросив розовый отсвет на лицо человека с портфелем. Вдруг сразу, как со дна пропасти, завизжало, заорало, захрипело десятками нутряных голосов:

— Сука.

— Жид.

— На кол его. Ребята, бей в морду.

— К стенке. На кол.

В эту же секунду мохнатая лава людей серым комком облепила комиссара, сорвала его с порога и увлекла вниз... Я слышал команду:

— Назад! Не добивать прежде времени. Допросить — и на кол.

... Началось допрашивание комиссара. Впрочем, нельзя было назвать издевательство допрашиванием. С лица его лилась кровь. Верхние зубы во рту были выбиты. Отвечая, он плевал кровью. На вопросы офицера он отвечал ясно, коротко, почти весело. Близорукие глаза смотрели необычайным взором. Видно было, что по близорукости он не различает ни лиц, ни направления чужих взглядов. Он смотрел прямо перед собой на какую-то умственную, одному ему видную точку.

— Пытать,—кричали солдаты, чего с ним канителиться.

Худенький человек выпрямился,—поднял руки, как оратор, и воскликнул звенящим голосом:

— Товарищи, близок час, когда вы поймете, что вы делаете. Разве не ради вас, не ради жен и детей ваших борется Красная армия. Подумайте, за кого вы стоите,

где обещанная вам земля.

—Молчать, собака, — крикнул офицер: — сажайте его на кол!

Знаете ли вы, что такое кол? Это деревянный обрубок самый настоящий кол. Его казаки и добровольцы утыкали мелкими гвоздями, погнув острие книзу, чтоб не мешало входить. Вот такую дубину вгоняют человеку в задний проход.

... Я видел, как его посадили на кол, вогнав с силой так, что хряснули раздираемые внутренности. И человек корчился, пригвожденный, а с востока взошло большое, белое, горячее солнце, зачирикали птицы, занялась вся степь, и ослепительно засиял наверху наш вагон всеми своими лозунгами и плакатами. Он стоял к нам как раз тем концом, где веселый рабочий размахивал огненным молотом, зовя к сияющей пятиконечной звезде.

Корчившийся на колу увидел эту звезду, он протянул к вагону руки... И вдруг сильным, нечеловеческим голосом успел сказать:

— Товарищи, да здравствует Рабоче - Крестьянская республика!

(Из рассказа МАРИЭТТЫ ШАГИНЯН «Вагон»).

ДАИР—ДАЕШЬ!

...Керосиновые лампы пылали в полночь. Наверху, на штабном телеграфе, несмолкаемо стучали аппараты; бесконечно ползли ленты, крича короткие, тревожные слова. На много верст кругом—в ноябрьской ночи—армия, занесенная для удара ста тысячами тел, армия сторожила, шла в ветры по мерзлым большакам, валялась по избам, жгла костры в перелесках, скакала в степные курганы. За курганами гудело море. За курганами, горбясь черной скалой, лег перешеек в море — в синие блаженные островные туманы. И армия лежала за курганами, перед черной, горбатой скалой, сторожа ее зоркими ползучими постами.

Лампы, пылающие в полночь, безумеющая бессонница штабов, республика, кричащая в аппараты, гул стотысячных орд в степи; это развернутый, но не обрушенный еще удар по скале, по последним армиям противника, сброшенного с материка на полуостров.

В штабе армии, где сходились нити стотысячного, за керосиновыми лампами работали ночами, готовя удар. Стотысячное двигалось там отраженной тенью по веерообразным маршрутам — на стенах, закругляя щупальцы в хищный смертельный сдав. Молодые люди в галифе ползали животами по стенам — по картам, похожим на гигантские цветники, отмечая тайные движения, что за курганами, скалами, перешейкам: они знали все. В абстрактной выпуклости линий, цветов и значков было:

громадный ромб полуострова в горизонталях синего

южного моря. Ромб связан с материком узким двадцатипятиверстным в длину перешейком;

в ста верстах западнее перешейка еще одна тонкая нить суши от ромба к материку, прерванная проливом по середине;

на материке перед перешейком цветная толпа красных флажков: 6 армия, и красные флажки против тонкой прерванной нити — соседняя Заволжская армия; и против той и другой — с полуострова — цветники голубых флажков: белые армии Даира [1]).

Путь красным армиям преграждался: на перешейке Даирской скалой, пересекавшей всю его восьмиверстную ширину, от залива до залива, с сетью проволочных заграждений, пулеметных гнезд и бетонных позиций тяжелых батарей, воздвигнутых французскими инженерами — это делало недоступной обрывающуюся на север, к красным террасу, перед Заволжской армией — проливом; пролив был усилен орудиями противоположного берега и баррикадирован кошмарной громадой взорванного железнодорожного моста. За укреплениями были последние. Страна требовала уничтожить последних.

Керосиновые лампы пылали за полночь. В половине второго зазвонили телефоны. Звонили из аппаратной: фронт давал боевую директиву. Галифе торопливо слезали со стен, бежали докладывать начальнику штаба и командиру. У аппаратов, ожидая, стояла стража...

... В селе Тагинка штабы двух дивизий: Железной, численностью и обилием вооружения равняющейся почти армии; неделю назад дивизия, выполняя директиву командарма N, разбила белый корпус и захватила восемь танков; и Пензенской — эта дивизия, окровавленная и полууничтоженная, зарывшись в землю, принимала на себя удары врага, пока Железная сложным обходом выполняла маневр.

---

[1]) Так автор называет Крым. Ред.

В школьной избе, в штадиве Железной, в присутствии начальников дивизий и штабов, командарм излагал план операции.

Противник имел численно меньшую армию, но эта армия была сильна испытанным офицерским составом и мощью усовершенствованной военной техники. У красных были множества; множествами надлежало раздавить и мстительное упорство последних и хитрость культур.

Армия противника стояла за неприступными укреплениями террасы, пересекающей все пути на полуостров. Надо было преодолеть террасу. Бросить массы за террасу уже значило победить.

Армия, атакующая в ярости террасу,—под ураганным огнем артиллерии и пулеметов противника — обратилась бы в груду тел. Исход был или в длительной инженерной атаке, или в молниеносном маневре. Но страна требовала уничтожить последних сейчас. Оставался маневр.

Дули северо-западные ветры. По донесениям агентуры, ветры угнали в море воду из залива, обнажив ложе на много верст. Ринуть множества в обход террасы — по осушенным глубинам — прямо на восточный низменный берег перешейка — проволочить туда же артиллерию — обрушиться паникой, огнем, статысячами топчущих ног на тылы хитрых, запрятавшихся в железо и камни.

— Надо спешить, пока ветер не переменился и вода не залила пространство, — сказал командарм. — Общее наступление назначаю в ночь на седьмое ноября. Остальные части армии одновременно атакуют террасу с фронта. Если так — мы прорвем преграду с малой кровью.

Собрание молча обдумывало. Начдив Пензенской, тощий, впалогрудый, похожий на захолустного дьякона, заволновался и замигал.

— План верный, товарищ командующий, что и говорить, а мои ребята хоть и через воду—все равно перепрут. Только я, ведь, докладывал: разуты, раздетые все,

как один. Железная после операции вся оделась—они, изволите видеть, первые склады захватили. А за что мои страдали? Как?

— Относительно обмундирования мне известно,— сказал командарм,—но нет нарядов из центра. И вообще... у республики едва ли есть. За террасой все оденутся.

Он встал каменный, чужой мирным сумеркам избы.

— Оперативных поправок нет?

Очевидно не было: все молчали. План был принят— он висел над глухой сосредоточенностью полей. В них снилась невозможная горящая ночь...

...Всю ночь молчали аппараты.

И с рассвета тусклые облака пошли от моря на страну. В пространства ползли полчища облаков—неслышно, могуче, бездонно. На рассвете тревожно звонили в кабинет к командарму:—дуют ветры южных румбов, восемь баллов...—из бессонного кабинета верные и четкие шаги отзвучали в сумерках коридоров к аппаратам. Свинцовый рассвет глядел в окна: рассвет ли, день ли, годы ли? И опять.

С частями за заливом связи нет. Слышна канонада на побережьи...

Перед террасой с севера лежали полки: ждали. Вотвот должно было: вспыхнуть зовами, заревами в далеком — за террасой, загудеть из моря в недра смятенных, неверящих еще; и тогда, с севера, ощетиненным потоком взреветь на террасу—в крик, в крошево, в навстречу. Но в облаках, тяжких, лизавших угрюмые, лютые массивы, уже шел рассвет; за массивами нетревожимые—караулили тысячи хитрых, настороженных и далекие молчали... На рассвете, не дожидавшись, потоком раз'яренных, опасливо пригибающихся к земле, хлестнуло на террасу — и разбилось о камни: отхлынув, легло человечьими грудами во рвах, в мглистых плоскостях плацдарма...

С моря дул ветер.

И с моря бежало ручейками, серо-грязными озерами бежало хлябями тусклых высот; затопляло дно залива взрыхленное ступнями тысяч. В слякотях, в озерах, глубиневших каждую минуту, хлюпали резервы, в догонку ушедшим. Свинцовым поясом стояли воды у берегов, в водах тонули дороги. Не было дорог.

И опять—

— Немедленно, по приказанию командарма...

— Все меры исчерпаны. Связи нет...

На рассвете грозой пробило из-за моря. Это они, прижатые к берегу множества—прижатые к морю,—в туманы били грозой. В море шли резервы, изнемогая, по колена в воде, с материка выгоняли деревни в воду—мостить плотины—задержать море. Деревни хлюпали базарами в воде, путались ленивыми, вязнущими телегами, плотины росли — осклизлые, седые—и таяли тотчас: ветер и воды пожирали их.

Командарм стоял у аппаратов—серый, как тень, от железной бессонной ночи—может быть, единственной в жизни и—в истории. Аппараты молчали... и вдруг—из дальнего прорвавшихся ослепительных снов—крикнуло грозой:

— Есть. В 12 часов без выстрела форсирована терраса. Противник бежал, угрожаемый красными дивизиями с тыла. Соединившиеся части атакуют первую линию Эньшунских укреплений.

Армия была за террассой, рубеж был перейден. Полки лежали на солончаковом плато перешейка—перед последней тройной линией заграждений, опутавших узкие дефиле озер. Сквозь шестидесятиверстную даль—через щипы железных проволок—через гарь боя—и командарм видел уже счастливую синь долин...

Армейские автомобили мчали к террасе. Конно-партизанским дивизиям, еще замешкавшимся у залива, было приказано: стянуться на перешеек через террасу. Но через террасу был переход в двенадцать верст; а с перешейка уже дышало гулом, дрожанием недр: там начиналось... и, хрипя от нетерпения и злобы, конные сва-

лились под берег, ордой забурлили — в воды, в кипящую муть...

...Перед сумерками авангард ворвался в Даир. По площадям копыта отзвонили пустынно и гулко. Авангард подскакал к углу трех улиц, где над каменной рябью мостовых свисали со стен небоскреба алые флаги непоколеблемо, как металл: Ревком. Под балконом, потрясая пиками, авангард прокричал свой дикий и радостный вызов. И с высоты из-за решетки, ликуя, наклонялись маленькие, безумно юркие, в пиджаках и без шапок, махали руками и кричали в приливающие ощетиненные низины:

— ...приветствуем...

— ...пусть услышат угнетенные массы мира...

— ...да здравствует!..

Из далей перспектив, как прибой, мчались конные, рассыпая в улицах крик телег и дробь копыт. С низов махали шапками, из опрокинутых лиц тысячи горящих глаз глядели ввысь—на ниспадание алого, на гаснущие алебастровые химеры небоскребов, на каменные арки культур—там оркестры веяли волнами слав—из раскрытых пересохших глоток, из спертых зыком грудей выло:

— ...а-а-а-а!..

С окраин, из доков, из трущоб бедноты шли вставшие из земли, давя улицы множеством, зыбля алые лохмотья над зыбким океаном тысячеголовья, и от них, еще невидимых, из сумеречных недр стонало—

— ...а-а-а-а!..

В порту глыбами и насыпями громоздилось изобилие вспоротых пакгаузов и складов — тюки, ящики, остовы машин, брошенные задыхающимися на бегу. Цепи конных оцепили берега и порт, сторожили, покуривая, глядя в невиданную тысячелетнюю даль: зыбь шла туда зеленоватым свечением, словно из-за горизонтов заря.

Улицы вспыхнули от синих, бесконечно убегающих огней. В светы изумленные, смеющиеся глаза тысяч глядели, как в утро. Из этажей, из стеклянных под'ездов

выходили нерешительные, спускались на асфальт, кривясь ласковой и боязливой улыбкой, помахивали тросточками:—и мы рады, и мы тут!.. выходили, осмелев, женщины напудренные, со сладкой горячкой глаз; шепчась, улыбались обветренным и хищно скалящимся галифе. Мутным, радужно-болотным оком вчерашнее глядело, догасая...

В особняке черного переулка, оцепленного конными, угрюмыми и молчаливыми, осудили последних, захваченных у взорванного туннеля в горах. Пожаром факелов осветился колодец двора; молча и торопливо расставили их укаменной стены, бледных, с глазами, как застывшие свечи. За безлюдьем переулка ширился гул и крик, вещающий о рассветах: резко и жутко протрохотал грузовик в мраке у ворот. Никем неслышимая, глухим мгновенным криком проползла смерть...

А ночью пришли полки. Массы расступились под железным упором рядов. На правом фланге впереди шел рослый, с обветренным красным лицом, в новой английской шинели с ногами, красными, как кровь; глаза, не мигая, упоенно глядели перед собой в крики толпы, в пенье труб, в светы культур. Из глоток мощным выдыхом ревело:

Не надо нам монархии,
Не надо нам царя,
Бей буржуазию!
Товарищи, ура!

Мчавшийся из степей автомобиль, замедленный полками, стал на перекрестке. На шествии бесконечных, на сиянии пространств—недвижим был в остром шишаке профиль каменного, думающего о суровом. Полураскрытый рот хотел крикнуть призывно и властно.

Армия, командарм вступали в Даир.

(Из повести АЛ. МАЛЫШКИНА «Падение Даира»).

V
ХРОНОЛОГИЯ
И
БИБЛИОГРАФИЯ

ХРОНИКА ВАЖНЕЙШИХ СОБЫТИЙ, СВЯЗАННЫХ С ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНОЙ

(1914—1924 г.г.)

1914 год

28 июля. Начало империалистической войны. Австрия об'явила войну Сербии.

31 июля. Убит знаменитый французский социалист Жан Жорес за антимилитаристскую агитацию.

1 августа. Начало участия России в мировой войне. Об'явление Германией войны России.

4 августа. Социал-демократы Германии голосуют в рейхстаге за военные кредиты. Начало гражданского мира (бургфриден)

2 ноября. Россия об'явила войну Турции.

9 декабря. Карл Либкнехт голосует в рейхстаге против военных кредитов.

1915 год

5 сентября. Циммервальдская конференция левых социалистов, боровшихся против войны. Обращение ее к рабочим всех стран.

1916 год

14 апреля. Кинтальская (2-ая Циммервальдская) конференция левых социалистов, боровшихся против войны.

1 мая. Демонстрация в Берлине против войны. Арест Либкнехта.

1917 год

12 марта. Февральская революция в России.

31 июля. Разгром русской армии в Галиции.

7 ноября. Октябрьская революция вторглась в мировую бойню.

23 ноября. Советское правительство опубликовало тайные договоры.

2 декабря. Ликвидация контр-революционной ставки.

15 декабря. Заключено перемирие между РСФСР и Германией.

1918 год

10 февраля. В заседании мирной конференции в Бресте тов. Троцкий заявил, что правительство РСФСР об'являет состояние войны прекращенным. Делегация не подписывает Брестского договора.

21 февраля. Наступление полчищ германского империализма на Советскую Россию. ВЦИК об'являет социалистическое отечество в опасности.

3 марта. Подписан Брестский мир.

27 сентября. Болгария выходит из войны.

31 октября. Революция в Австро-Венгрии. Образование Советов в Будапеште. Прекращение военных действий между Турцией и Антантой.

9 ноября. Революция в Германии. Свержение и бегство Вильгельма II.

13 ноября. ВЦИК аннулировал Брестский договор.

1919 год

18 января. Конец империалистической войны 1914—1919 г. г. (начало мирной конференции в Париже).

19 марта. Образование Венгерской Советской Республики.

7 апреля. Советская Республика в Баварии.

1 мая. Военный разгром Баварской Советской Республики.

28 июля. Подписание Версальского договора.

1 августа. Падение Советской власти в Венгрии. Вступление румынских войск в Бухарест.

1920 год

Конец февраля. Начало оккупации Верхней Силезии войсками Антанты.

7 мая. Занятие Киева поляками.

10 мая. Образование правительства Кемаля-паши в Анторе.

5—16 июля. Конференция в Спа (договоры об угле и разоружении).

10 октября. Официальная аннексия Италией немецкой части Южного Тироля.

16—22 декабря. Брюсельская конференция экспертов по вопросу о возмещении.

31 декабря. Сокращение германской армии до 100.000 человек.

1921 год

30 дек.—24 января. Парижская конференция. Установление репарационного долга Германии в размере 226 миллиардов марок золотом.

29 апреля. Установление репарационной комиссией военных убытков, согласно параграфу 232 мирного договора, в 132 миллиарда марок золотом.

30 апреля. Военная конвенция между Чехо-Словакией и Румынией на предмет защиты мирных договоров и сопротивления возвращению династии Габсбургов.

1922 год

6—13 января. Конференция в Каннах. Постановление о созыве всеобщей финансово-экономической конференции в начале марта.

10 апреля—18 мая. Конференция в Генуе.

16 апреля. Подписание Рапалльского договора между Советской Россией и Германией в Генуе.

15 июня. Начало Гаагской конференции. Отсутствие представителя Америки.

1923 год

8 января. Занятие французскими войсками Рурского бассейна в Германии.

Октябрь. Вооруженное восстание рабочих и крестьян в Болгарии. Революционный кризис в Германии.

ЧТО ЧИТАТЬ
ОБ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЕ

Г. Зиновьев и Н. Ленин. «Против течения». М. Гиз., стр. 549. Сборник статей т. т. Ленина и Зиновьева, написанных в период войны (помещенных в органах большевиков «Социал-Демократе», «Коммунисте» и «Сборнике социал-демократа») является лучшим материалом для ознакомления с характером империалистической войны и задачами Интернационала.

Н. Ленин. «Империализм, как новейший этап капитализма». Изд. Петр. Совета, 1919 г., стр. 124. Лучшая книжка для изучения теории империализма.

Для более широкой проработки вопроса, можно рекомендовать след. книги.

Г. Зиновьев. «Война и кризис социализма». Гиз. 1920, стр. 395.

М. Павлович. «Мировая война 1914—1918 г.г.», изд. «Путь Просвещения». Харьков. Стр. 279. «Борьба за Азию и Африку», изд. Наркомнаца. М. 1923, стр. 223.

К. Либкнехт. «Мой судебный процесс», предисловие Г. Зиновьева, стр. 214. Изд. Петр. С. Р. и К. Д. 1918 г.

Л. Троцкий. «Война и революция». Т. I и II. Гиз. «В живых политических образах, в человеческих фигурах», как выражается сам т. Троцкий, в этих двух книгах дается картина внутренней жизни нескольких европейских и северо-американской социалистических партий во время войны.

Карл Грюнберг. «Интернационал и мировая война»—сборник материалов. Предисловие Г. Зиновьева. Гиз. Стр. 352. Проф. Грюнберг—не коммунист. Он просто добросовестный историк. В этой книге он собрал все материалы, характеризующие отношение II-го Интернационала к войне, в результате получилась яркая картина всей глубины падения и измены вождей II Интернационала. Книга тем более убедительна, что в ней только ф а к т ы-документы, выдержки из речей и статей самих социал-шовинистов д о и п о с л е войны.

Ньюбольд. «Как Европа вооружалась к войне?», изд. В. В. Р. С.—М. 1923 г., стр. 140.

М. Покровский. «Внешняя политика», изд. «Деница». М. 1918 г., стр. 191.

Для ознакомления с после-военным периодом и факторами, рождающими новую империалистическую войну, можно прочитать:

М. Павловича-Вельтмана. «Перед угрозой будущих войн», изд. В. В. Р. С., М., 24 г., стр. 113. В сжатом очерке дается изложение основных факторов мировых конфликтов, которые порождают новую империалистическую войну.

Павловского. «Должна ли Германия стать колонией?».

К. Радека. «Ликвидация Версальского договора», изд. Коминтерна. М. 1922 г., стр. 64. Эта книжка представляет собой доклад 4-му конгрессу Коминтерна. Она поможет уяснить соотношение сил в послевоенной Европе.

Е. Варга. «Мировое хозяйство».

Шульце. «Борьба за персидско-месопотамскую нефть». «Красная Новь». М. 1924 г., стр. 94.

Делуй. «Нефть», изд. «Новая Москва». М. 1923 г., стр. 138.

Доливо-Добровольский. «Тихоокеанская проблема», изд. В. В. Р. С., М. 1924 г., стр. 134.

Из мемуарной литературы о послевоенной эпохе укажем:

Нитти. «Европа над бездной».

Кайо. «Куда идет Франция? Куда идет Европа»?

Ллойд-Джордж. «Европейский хаос».

Империалистическая война в художественной литературе.

А. Барбюс.—«Свет». Гиз. 1920 г., 216 стр.

Его же.—«В огне».

Обе эти книжки—наиболее сильное из того, что написано об империалистической войне. Так о них отзывался и Владимир Ильич. Обе книжки с исключительной яркостью рисуют хаос, обман и безумие империализма и пробуждение рабочего класса—солдатских масс, посланных на бойню в качестве пушечного мяса.

Келлерман.—«9-е ноября». Гиз. 1922 г., 390 стр.

Книжка, рисуя германскую революцию, вместе с тем, дает очень сгущенную картину состояния германских правящих классов в последний год империалистической войны и настроений широких народных масс.

Марсель Мартинэ.—«Ночь». Гиз.

Драма «Ночь» рисует восстание против войны и капитализма. Кроме «Ночи» Мартинэ посвятил войне роман «Дом в тылу» и сборник стихов «Проклятые годы». Все творчество Мартинэ про-

никнуто ненавистью к буржуазному строю, порождающему войны народов.

К. Фибих.—«Красное море».

К. Фибих дает ряд напряженных и ярких зарисовок империалистической войны. Она наблюдает преимущественно войну в домах и семьях ушедших на фронты. Незабываемыми останутся те страницы «Красного моря», где она описывает восстание против войны рабочих и солдатских масс Германии.

Уптон Синклер.—«Джимми Хиггинс».

Его же.—«Сто процентов».

Синклер дает картину подлинно-трагических переживаний людей, вроде маленького механика Хиггинса, обманом и насилием втянутых в затеянную империалистами преступную бойню. Синклер беспощадно бичует ложь и предательство социал-патриотов, поддерживавших бойню народов и помогавших обману рабочего класса. Мужественные обличения Синклера недаром сделали его одним из наиболее популярных у нас писателей.

А. Лацко.—«До последнего человека!». Гиз. 1923 г., стр. 94.

Эта книжка — глава большого романа австрийского офицера Лацко «Суд над войной». Герой этой книжки Гадский—сын начальника железнодорожной станции в южной Германии. Он талантлив, энергичен и становится к 23 годам знаменитым пианистом. Но вот грянула война. Градский бросает все—искусство, любимую женщину и идет добровольцем в армию. Едва он переступает порог казармы, как его пронизывает сознание совершенного им безумия. Он видит грубую ловушку милитаризма, в которую его завлекли.

Книжка написана поразительно ярко и волнует силой своего обличительного слова и своей жуткой правдивостью.

В. Лефевр и П. Вайян-Кутюрье.—«Солдатская война». Гиз. 1923 г., 146 стр.

Среди безумия и хаоса войны авторы «Солдатской войны» выступили с правдивым описанием страшной бойни народов. Они рисуют войну, как она есть,—без лжи и прикрас «патриотов». Искренность и правдивость делают эту книжку захватывающим документом войны 1914—1918 г.г.

Жорж Дюамэль.—«Цивилизация» и др. рассказы. Изд. «Пламя». Прага, 1914 г., 128 стр.

Автор—врач полевого госпиталя, проделавший всю четырехлетнюю кампанию. Он легко мог изучить лик войны. Дюамэлю не дана обличительная сила Барбюса. Его протест бледен и немощен. Он видит хаос и безумие войны, но не знает пути, как трудящемуся человечеству от войны избавиться. Зато Дюамэль—тонкий наблюдатель войны в своей сфере—среди раненых, в госпитале.

Эрн. Толлер.—«Эуген Несчастный», драма.

На фоне войны, этой мировой трагедии, разворачивается инди-

видуальная трагедия Эугена Несчастного, которому на фронте пулей повредило половой орган и которого бросила любимая женщина.

«Эуген Несчастный» по своему драматическому размаху и темпераменту явился бы одним из значительнейших произведений мировой литературы о войне, если бы не тон подавленности и пессимизма, пронизывающий, впрочем, все творчество Голлера Эри-Толлер—коммунист, один из вождей Мюнхенского восстания и военный комиссар Советской Баварии. «Эугена» он написал в тюрьме, где томится до сих пор.

Ромэн Роллан. «Лилюли», Гиз. 1923 г. **«Клерамбо»**, стр. 335. Гиз. 1923 г. **«Пьер и Люси»**, стр. 101. Гиз. 1923. Во время войны Ром. Голлан (один из единственных писателей) остался верен интернациональным идеям и его негодующий протест все время звучал полным током. Войне посвящены след. 3 вещи Роллана:

«Лилюли», сатирическая трагедия о войне. Здесь резвернута потрясающая картина братоубийства целых народов.

«Пьер и Люси», повесть о двух молодых влюбленных, почти детях, которые гибнут в общем кошмаре войны.

«Клерамбо», через патриотический угар, через испытания войны—Клерамбо—небольшой писатель «со свободной совестью» приходит к пониманию настоящего характера мировой бойни. «Клерамбо»—не роман. Это скорее интересный «человеческий документ», сделанный с удивительной силой.

М. Сивачев.—«Желтый дьявол». Гиз. 1920 г., 196 стр.

Из войны люди вернулись совсем иными. Повесть Сивачева интересна именно своим описанием этих новых людей-фронтовиков, прямо из окопов приехавших хозяйничать в свои родные места.

А. Яковлев.—«Повольники». 1923 г., «Круг», 165 стр.

В этом сборнике особый интерес представляет рассказ «Мужик», тонко подмечающий психологию русского солдата в его отношении к «врагу».

Федорченко.—«Народ на войне».

Это—книжка записей солдатских разговоров, частушек и т. п. в период войны 1914—1917 г.г., сделанных человеком очень наблюдательным, умеющим хорошо слышать и видеть. «Народ на войне»—собрание «человеческих документов»—подлинных памятников дум и переживаний солдатской массы.

Тихонов.—«Брага».

Годы военной грозы, напряжение фронтовой обстановки—запечатлены в ряде превосходных стихотворений Тихонова, собранных в «Браге».

Д. Бедный.—Сочинения. I том. Госиздат или изд. «Рабочей газеты».

Ряд стихов посвященны царской войне («Про землю, про

волю, про рабочую долю» и другие). Широко охвачены Демьяном Бедным также все наиболее яркие этапы гражданской войны.

И. Эренбург.—«13 трубок мира».

«13 трубок»—вещь малозначительная, как малозначительно и все творчество Эренбурга, неспособного создать что-либо монументальное. Из «13 трубок»—наиболее интересна 4-ая, рисующая разговор солдат двух «враждебных» армий.

А. Неверов.—«Бабы».

Автор рисует быт русской деревни во время войны. В этой пьесе обычные для Неверова достоинства—крепкое знание быта, хороший и свежий язык.

Тимофеев.—«Чаша скорбная».

Мобилизация на царскую войну в деревне, фронт, деревня в годы войны—все это проходит перед глазами читателей «Чаши скорбной». В повести дан ряд метких зарисовок солдатской жизни в период мировой войны.

ЧТО ЧИТАТЬ ПО ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ?

Л. Троцкий. «Как вооружалась революция», изд. В. В. Р. С. Собрание речей, статей и приказов тов. Троцкого—лучше всего рисует этапы нашего военного строительства. К настоящему времени вышли I и II тома.

В. Антонов-Овсеенко. «Строительство Красной Армии и Революция», изд. «Красная Новь», М. 1923., стр. 59. В популярных очерках т. Антонов-Овсеенко излагает историю организации и развития Красной Армии—от партизанских отрядов до могущественной организованной силы.

«Гражданская война»,—военно-исторический сборник, т. I, изд. В. В. Р. С., М. 1923 г., стр. 500. В первой части этого сборника собраны декреты, циркуляры, резолюции, протоколы собраний, совещаний, выдержки из военных газет, дающие богатый материал по истории старой и созданию новой Красной Армии.

Вторая часть сборника посвящена воспоминаниям о знаменитой по своему героизму Таманской операции.

Сборник воспоминаний непосредственных участников гражд. войны (1918—1922 г.г.), книги I и II, изд. В. В. Р. С., М. стр. 96 и 106 Эти сборники составлены слушателями военно-академических курсов. В них можно найти много важного и интересного материала по отдельным моментам жизни Красной Армии, отдельным операциям и т. п.

Исчерпывающая **хронология гражданской войны** помещена в сборнике «За 5 лет», изд. «Красная Новь», М. 1923 г., стр. 422, статья «Хроника гражданской войны», стр. 330—400.

Гражданская война в художественной литературе.

Ряд сборников и хрестоматий, посвящены Красной Армии и гражданской войне:

«Красноармейская поэзия», сборник под редакцией Геннадия Корнева. (Сборник стихотворений красноармейских поэтов).

«За новый мир», красноармейский чтец-декломатор. Составил Г. Корнев. Изд. В. В. Р. С., стр. 200.

«С винтовкой в руках», сборник стихотворений, составлен Б. Гусманом, изд. «Жизнь и Знание», М., 1923 г.

«Под пятикрылой звездой», литературно-художественный сборник, изд. «Московский Рабочий», М., 1923 г., стр. 111.

На ряду со стихами виднейших пролетарских поэтов в этом сборнике имеются рассказы, напр.: **Шубина**— «Ночью», **Неверова**— «Я жить хочу», **его же**—«Красноармеец Терехин», **Дорогойченко**— «Инстинкт».

«Красный Сказ», изд. В. В. Р. С. 1923 г., стр. 364 (в издании «Работника Просвещения» отдел «Красная Армия и гражданская война» несколько сокращен).

«Красная Звезда».—Хрестоматия. Составил Д. Кин, под ред. Рафеса. Изд. В. В. Р. С., М., 1923 г., стр. 391.

Эти сборники и хрестоматии в большинстве построены для массового читателя, главным образом, для красноармейца.

Современная беллетристика дает нам ряд произведений, рисующих борьбу Красной Армии.

Семенов.—«На дорогах войны».

Автор развертывает перед читателем ряд картин жестокой гражданской войны на Урале.

Всеволод Иванов.—«Голубые пески». Изд. «Круг», МП., 1923 г., стр. 320 (из эпохи борьбы на чехо-словацком фронте).

Его же.—«Бронепоезд» и «Партизаны».

Это ряд превосходных повестей-рассказов о борьбе красных партизан в Сибири.

Новиков-Прибой.—«Зуб за зуб». (Отрывки из повести «Грозное время», в журнале «Молодая Гвардия», № 1—2). Изд. «Круг», МП., 1923 г.

Автор рисует кошмарную расправу колчаковского отряда с двумя крестьянами: их закапывают живыми. Один из них, чудесным образом спасшись, отдает все силы партизанской борьбе и один уничтожает отряд колчаковцев.

Фурманов.—«Чапаев». Госиздат, 1923 г., стр. 248.

Тов. Фурманов, бывший комиссар Чапаевской дивизии, дает блестящую характеристику своего соратника Чапаева, начальника дивизии, героя Уральских степей, вождя повстанческого движения.

Эта повесть вводит в самую гущу гражданской войны, выявляя все особенности, все условия жизни Красной Армии в начальный период гражданской войны.

Фурманов.—«Красный десант». Изд. «Красной Нови», 1922 г., стр. 36.

Яркий очерк о нашем контр-десанте против высадившихся на Кубани крымских белогвардейцев.

Сергей Малышкин.—«Падение Даира».

В этой повести зарисован один из наиболее ярких моментов борьбы Красной Армии—взятие Перекопа. «Падение Даира»—одно из наиболее сильных произведений о гражданской войне.

Ю. Либединского.—«Неделя». Изд. «Молодая Гвардия». М., 1923 г., стр. 102.

Повесть, названная Бухариным «первой ласточкой», пролетарской литературы, описывает небольшой захолустный городок во время продразверстки, неделю топлива, налет бандитов и кровавую расправу с коммунистами, наконец, ликвидацию бандитского заговора.

А. Неверов.—«Андрон Непутевый». (Альманах «Недра» № 2).

В рассказе выявлена энергичная фигура организатора-работника-одиночки, красноармейца, встречающего противодействие со стороны односельчан.

О флоте можно рекомендовать прочесть сборник **«Под вымпелом Октября».** Флот в Октябрьскую революцию и в гражданскую войну. Под. ред. Зоркого. Изд. «Молодая Гвардия». М., 1923 г., стр. 127.

В этом сборнике помещены стихи, статьи, воспоминания, подробный указатель литературы.

Много материала **о флоте** можно найти в 17—18 № журнала **«Юный Коммунист»,** посвященного Красному флоту и шефству Р. К. С. М.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр

От составителя 3

Десятилетие мировой войны. **З. Серебрянский** 7

I. ВОЙНА НАЧАЛАСЬ!

Канун войны. Манифест Базельского конгресса 15

Предатели. Две речи **Гаазе** 17

Отношение оборонцев к войне. Манифест. 19

Отношение большевиков к войне. Манифест. 23

Из статей Ленина. От 1-го ноября 1914 г. 28

„ „ От 1-го мая 1915 г. 31

Война!.. Отрывок из **Э. Гернле.** 33

Царская война. Из «Расеи» **Басова-Верхоянцева.** 35

У воинского начальника. Из «Чаши скорбной». **Тимофеева.** . 37

Дьявольская переделка. Из «Джимми Хиггинса» **Синклера.** 39

Вихрь. Из драмы «Вихрь» **Вяч. Шишкова.** 42

II. ПОД ГРОХОТ ОРУДИЙ.

Свет. Из романа «Свет» **Барбюса.** 57

Песня об отпускном солдате. **Н. Тихонова.** 61

Дезертир. **Н. Тихонова** 63

Мужик. Из повести «Повольники» **Яковлева** 64

Пробуждение. Из романа «В огне» **Барбюса.** 68

Либкнехт!.. Из романа «В огне» **Барбюса.** 70

Либкнехт под военным судом. Письмо Либкнехта. 75

Защита Либкнехта перед военным судом. Из сборника «Жизнь Либкнехта» 76

После битвы на Марне. Из «Солдатской войны» **Лефевра и Вайян Кутюрье.** 78

Тыловые свиньи. Из романа «9-е ноября» **Келлермана.** . . 82

Они тоже приносят жертвы... Из пов. «Чаша скорбная». **Тимофеева.** 86

Завтра. **П. Орешина.** 89

Дама в зеленом. **Ж. Дюамэль.** 90

Народ на войне. **С. Федорченко.** 95

Довольно! Из романа «Клерамбо» **Ромэн Роллана.** 97

III. ДОЛОЙ ВОЙНУ!

К разоряемым и умерщвляемым народам. Воззвание Циммервальдской конференции 101

К мировому пролетариату.—Из манифеста V конгресса Коминтерна 104

Верую! Из «Поэтохроники» **Маяковского** 124

Война против войны. Из ст. **Ленина** «О лозунге разоружения» 126

Стр.
Голос. Из «9 ноября». **Келлермана.** 128
Солдат с деревянной ногой. Из «Красного моря» **К. Фибих** . 130
До последнего человека! Из ром. «Суд над войной. **Лацко.** 135
Великий памятник. **Д. Бедный.** 138
Еще будут военные бури. Из романа «Свет» **А. Барбюса.** . 140
Империализм и война, или социализм и мир? Из речи **К. Либкнехта** : 143
О борьбе против войны. (Заметки по вопросу о задачах нашей делегации в Гааге). **Н. Ленин.** 145
18.000 черепов в цинковом ящике. **И. Эренбург.** 150
Долой войну! Из ром. «Хождение по мукам» **А. Толстого.** . 154

IV. ОТ ВОЙНЫ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ К ВОЙНЕ ГРАЖДАНСКОЙ.

Священная война. **В. Князева.** 159
Через мировую революцию ко всеобщему миру. Из **Э. Гернле.** 160
Поворот. Из ст. **Ленина.** «Поворот в мировой политике». . 162
Дорога показана. Из. ст. **Ленина.** «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции» 163
Американец в плену. Инсценировка **Н. Богуславской** по повести **Вс. Иванова** «Бронепоезд». 166
Красная карточка. Из «Джимми Хитгинса». **Синклера.** . . 172
Взгляд интернационалистов на «защиту» отечества. Из ст. **Г. Зиновьева.** «II Интерн. и проблема войны». 178
Война кончена. Из ром. «Красное море» **К. Фибих.** . . . 181
Стоход. Красноармеец **Красильников** 184
Гражданская война. Из манифеста Коминтерна (1919 г.). . 185
Коммунист. **А. Иркутов.** 186
С войны. Из повести «Желтый дьявол». **Сивачева.** 188
Разведчики. 192
Путь к победе. Из рассказа «В вагоне» **Мариэтты Шагинян.** 193
Дамр—даешь!—Из пов. «Падение Дамра» **Малышкина.** . . 196

V. ХРОНОЛОГИЯ И БИБЛИОГРАФИЯ.

Хроника важнейших событий, связанных с империалистической войной. 205
Что читать об империалистической войне. 208
Что читать об империалистической войне в художественной литературе 209
Что читать по истории гражданской войны. 213
Что читать о гражданской войне в художественной литературе: 213

Иллюстрации: Ленин, Либкнехт—мобилизованный, рисунки Мизеереля, Жоржа Гросса и др.

Цена 1 руб. 50 коп.